

НОВАЯ ПОЛЬША 12/2015

Содержание

1. ПРЕДОСТЕРЕГАЮЩИЙ ПРОГНОЗ
2. ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ
3. ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ПОЛЬШИ
4. УЖЕ МНОГО ЛЕТ Я ЗАНИМАЮСЬ ФИНАНСАМИ ...
5. НОВЫЙ ОБЛИК ПРИГРАНИЧНОЙ ТОРГОВЛИ
6. ГОРОД ДЛЯ КАЖДОГО
7. СТИХОТВОРЕНИЯ
8. БОЛЬШЕ ЧЕМ МОЛЧАНИЕ
9. МАТЬ МАКРИНА
10. КУЛЬТУРНАЯ ХРОНИКА
11. ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ
12. ГРУППА «АРС НОВА» И СТАРИННАЯ ПОЛЬСКАЯ МУЗЫКА
13. АФОРИЗМЫ
14. ПО СЛЕДАМ АГЕНТА
15. ОБЫЧНАЯ ЖИЗНЬ ВО ВРЕМЯ ЧУМЫ
16. Я — СЫН ГЕСТАПОВЦА

ПРЕДОСТЕРЕГАЮЩИЙ ПРОГНОЗ ^[1]

На протяжении трех с лишним месяцев в каждом номере «Политики» в рубрике «Польша перед выбором» мы печатали подготовленные нашими журналистами очередные отчеты о состоянии государства. Мы внимательно проанализировали десяток с лишним важнейших областей общественной жизни, начиная с избирательной системы, вслед за которой рассматривались правосудие, образование, служба здравоохранения, сельское хозяйство и проч. вплоть до экономики. Мы задали самим себе вопрос, где находится страна после 25 лет трансформации, восьми лет пребывания у власти партии «Гражданская платформа» и непосредственно перед выборами, которые могут принести либо какую-то форму продолжения существующей ситуации, либо значительные изменения.

В чем мы нуждаемся и что нам грозит?

В такой стране, как наша, где все институты еще весьма молоды, где почти в каждой сфере жизни продолжаются какие-то запланированные, а также никак не планировавшиеся эксперименты, нет лучшего случая провести «аудит государства», нежели происходящие раз в четыре года общенациональные выборы. Вероятно, в более стабильных государствах можно себе позволить, чтобы избирательная кампания разыгрывалась вокруг какой-нибудь ведущей темы; у нас периодический «техосмотр» должен охватывать всю конструкцию. Это означает следующее: было бы хорошо, если бы так оно и происходило, но известно, что на самом деле ничего такого не произойдет, поскольку наши очередные избирательные кампании все больше и больше становятся зоной чистого маркетинга — игры эмоциями, имиджами, сомнительными хохмами, разного рода символами. Подобно избирателям, мы сами тоже в преобладающем большинстве не хотим скучных разговоров о государстве, экономике, вызовах, проблемах, ограничениях — нам хочется игрищ. Посему политика с нашего соизволения легко отрывается от действительности, перестает быть ответственной и рациональной, становится медийным реалити-шоу, в конце которого от нас требуется проголосовать за победителя зрелища. Но в подлинной жизни, от которой невозможно

сбежать, каждый выбор или его отсутствие порождает непреложные последствия. Вышеупомянутые отчеты предназначались для того, чтобы мы все вместе — хотя бы в собственном кругу — могли осознать эти последствия.

Ну, и каково же состояние Речи Посполитой в 2015 году от Рождества Христова? Если воспользоваться теми мерилami, которые повсеместно применяются в сегодняшнем мире для международных сравнений — а такими критериями выступают главным образом хозяйственно-экономические параметры, — то мы размещаемся в конце третьей десятки богатейших или, выражаясь иначе, наиболее развитых стран мира. Еще не в глобальной элите, но уже в непосредственной близости к ней. Если, однако, выбрать динамичные критерии, сравнивающие прогресс на фоне других государств, то мы продвинемся вверх и попадем в узкую группу мировых лидеров. В годы коалиционных правительств «Гражданской платформы» (ГП) и крестьянской партии ПСЛ Польша была самой быстрорастущей экономикой в той группе из 34 стран, которые составляют Организацию экономического сотрудничества и развития — ассоциацию, объединяющую самые богатые государства мира. В течение последних 7 лет наш валовой внутренний продукт (ВВП) вырос на 45%. Более того, польские и зарубежные аналитики в принципе согласны, что мы имеем сегодня наилучшим образом сбалансированную экономику в Европе. Всё, что должно расти, растет, а что должно падать, падает. За последние недели страна установила очередные впечатляющие рекорды: положительное сальдо нашей внешней торговли оказалось самым высоким в современной истории Польши, а безработица впервые за долгие годы упала до уровня, который выражается при помощи однозначного числа (9,9%, а по статистическим данным Евросоюза — еще ниже).

Если даже признать эти показатели слишком сухими и техническими, то достаточно обратиться к параметрам, определяющим так называемое качество жизни, чтобы пропаганда успеха могла и дальше раскатываться наподобие красной ковровой дорожки. Ведь зоны бедности в нашей стране отчетливо уменьшаются, кроме того — вопреки всеобщей убежденности, — снижаются показатели социального неравенства. Растут продолжительность жизни, общий уровень здоровья и физической подготовки, а также личное ощущение счастья, которое испытывает 80% так называемой популяции (см. «Общественный диагноз» ^[2]). До небывалых высот поднялось качество жизни в сельской местности (в крестьянских домашних хозяйствах средние доходы сейчас

выше, чем в рабочих). С точки зрения инвестиций в инфраструктуру — от детских игровых площадок в деревнях и мини-стадионов для подростков в каждой гмине до взрослых стадионов, филармоний, аквапарков, велосипедных дорожек, автострад, объездных либо кольцевых дорог и т. п. — «годы Туска» были самыми тучными в истории Польши. За этот период от одного только Евросоюза мы получили на модернизационные инвестиции свыше 270 млрд злотых, причем на последующие годы удалось договориться о еще больших суммах.

Старые политологические теории гласили, что последней инстанцией, которая играет решающую роль в выборах, всегда является уровень жизни населения (растет он или падает), а избиратели, зачастую несправедливо, награждают или наказывают не столько группу стоящих у власти лиц и то, в какой мере они стараются, сколько времена, в которых живут. Согласно подобному правилу «Платформа» должна была бы готовиться к очередному периоду правления, поскольку Польша по показателям роста экономики и уровню благосостояния никогда не чувствовала себя лучше. Однако невооруженным глазом видно, что сформулированная выше прямолинейная материалистическая теория не совсем соответствует истинному положению дел, если вообще соответствует. И наши отчеты, касающиеся отдельных секторов польской действительности, хорошо объясняют, что произошло.

Обратимся к одной из самых популярных метафор минувшего десятилетия — зеленому острову. Итак, случилось настоящее цунами: огромная волна кризиса, вызванная в 2008 г. мощным (самым сильным за послевоенные годы) потрясением банковской системы в США, прокатилась по всему миру, провоцируя локальные катастрофы; в том числе из-за этой волны утонула Греция и наблюдались подтопления во многих европейских странах. Польша благодаря жесткому банковскому сектору, а также осторожной политике по обременению страны внешними долгами (что при настоящем наводнении соответствовало бы возведению насыпных валов) осталась единственным в Европе зеленым островом, иными словами, страной, не зафиксировавшей у себя рецессии^[3]. Но изрядную цену мы все-таки заплатили: польские фирмы перед лицом резко ухудшающейся внешней конъюнктуры были вынуждены искать пути экономии, а потому снижали зарплаты и занятость. Кроме того, выросла безработица и число так называемых «мусорных» трудовых договоров^[4], были заморожены зарплаты в бюджетной сфере, работники

утратили ощущение безопасности. Глядя на другие европейские страны, мы видим, что могло быть намного хуже (в прибалтийских государствах уровень вознаграждений упал тогда на целую треть), но ведь никто таких сравнений для себя лично не проводит. В общем и целом — всё было хорошо, в деталях — плохо. На зеленый остров проник вирус гнева и раздраженности.

После выигранных выборов 2011 г. правительство, если смотреть с сегодняшней перспективы, совершило политическую, а возможно, скорее эмоциональную ошибку. Оно хотело оставаться европейским отличником, притягивающим инвесторов и капитал со всего мира, стремилось еще отчетливее отмежеваться от европейского юга, скомпрометированного задолженностью и безответственной политикой. Польша приступила к консолидации публичных финансов. Когда другие страны одалживали, где только могли, мы (хотя в пропорции к ВВП наша задолженность была одной из самых низких в Европе) ввели у себя дисциплинирующее бюджет специальное правило планирования расходов^[5]. Затем, чтобы ограничить доплаты в систему социального страхования, бюджет позаимствовал часть средств из открытых пенсионных фондов. Было сохранено замораживание зарплат; при проведении государственных публичных аукционов и тендеров однозначно придерживались принципа минимальной цены; в стране повысили — поначалу временно, а потом и на более длительный срок — налог на добавленную стоимость; казначейские учреждения получили указания строже относиться к налогоплательщикам. Правительство провело также обоснованную по сути, но слабо аргументированную и распропагандированную реформу по постепенному повышению пенсионного возраста.

И вот в начале нынешнего года пришел, наконец, успех: наш бюджетный дефицит упал с 8% ВВП до образцовых 3%, а Евросоюз в награду снял с нас так называемую процедуру чрезмерного дефицита. Это считается чем-то вроде международного диплома, подтверждающего окончательное преодоление кризиса, и является свидетельством финансового здоровья страны. Однако успех пришел слишком поздно. Да, правительство РП обладает ныне фантастической кредитной надежностью, оно вправе, наконец, немного ослабить контроль за расходами, но это уже может оказаться совсем не то правительство. (Хотя премьер Эва Копач сделала из повышений заработной платы главный пункт программы ГП на следующий срок полномочий избираемых депутатов.)

Политика бывшего министра финансов Яцека Ростовского была его профессиональным успехом, она принесла Польше восхищение со стороны Европы и политическое поражение у себя дома.

Это катастрофическое поражение не было предопределено, но его приблизил неожиданный программный фортель «Права и справедливости». Вместо того чтобы традиционно придерживаясь своих навязчивых идей (о гэбэшном сговоре при проведении Круглого стола в 1989 г., о предательстве идеалов «Солидарности», о смоленском преступлении), вначале кандидат в президенты Анджей Дуда, а затем и кандидатка в премьеры Беата Шидло пообещали, выражаясь языком политологии, полный отход от политики *austerity*^[6] своих предшественников, иначе говоря, посулили отказ от жертв и лишений, а также всеобщую раздачу денег. Наверно, правительство ГП-ПСЛ могло ранее само ослабить фискальную политику и перехватить инициативу перед выборами, но персональный хаос, связанный с так называемой аферой магнитофонных записей^[7] и уходом Туска в Евросоюз, нарушил политическую преемственность в правящей команде. Парадоксально, но величайший успех правительства Туска, другими словами, умно реализованное преодоление Польшей крупного всемирного кризиса, стало зародышем грядущего поражения ГП.

В наших отчетах перечисляются многие упущения и недоработки правительства фактически во всех обсуждаемых областях; самые тяжелые из них тянутся за страной уже добрый десяток лет, а то даже и с самых первых этапов трансформации. Чего бы мы ни коснулись: аграрной, энергетической или демографической политики, служб здравоохранения или образования, равно как правосудия, обороны и т. д., — баланс итогов везде выглядит неоднозначным. Все названные сегменты государства функционируют вроде бы не самым худшим образом, но вместе с тем никаких сколько-нибудь амбициозных реформ не удалось провести последовательно и до конца. Скорее мы имеем дело с постоянными экспериментами, с какими-то реформами предшествующих реформ, с временными решениями и экстренными акциями. Туск не был выдающимся реформатором, такая репутация вообще не интересовала его, скорее он позволял своим министрам, если уж им непременно того хотелось, вводить какие-либо не слишком рискованные политические новинки и усовершенствования.

Таким образом армия отказалась от призыва (успех), но вот профессионализация армии и ее командования удалась уже только частично, а техническая модернизация — это по существу полоса сплошных неудач. Ведомство образования стабилизировало гимназии в программном и кадровом отношениях (успех), но не предотвратило упадка профессионального обучения, а вполне обоснованная (но опять-таки плохо обосновывавшаяся) и хаотично внедрявшаяся так называемая реформа шестилеток^[8] является пример имиджевого и политического поражения, которое при всем том изначально имело все задатки для успеха. Польская служба здравоохранения, которая в соответствии с различными международными сопоставлениями представляется вполне доброкачественной, застыла в каком-то незавершенном, гибридном виде. Согласно основополагающим предпосылкам большой реформы 1990-х годов в эту службу надлежало внести элементы рынка и ограничения спроса на предоставляемые виды обслуживания (имеется в виду корзина гарантированных услуг, рациональная сеть больниц, дополнительные частные формы страхования, символические оплаты за визиты к врачу и т. п.), — но не хватило воли, мужества, а в первую очередь надпартийного консенсуса по вопросу, который как раз мог трактоваться без привлечения идеологии. Удалось провести весьма важную реформу прокуратуры — посредством отделения друг от друга ведомств генерального прокурора и министра юстиции, а также благодаря тому, что корпусу прокуроров предоставили самостоятельность. Но сделано это было непоследовательно. Правительство не сумело решить, то ли добавить компетенций и сил генеральному прокурору, то ли скорее снова продолжать его контролировать. Реформа судов, которой дал свое имя министр юстиции Ярослав Говин, оказалась отклоненной. Уголовная процедура претерпела изменения, но у каждой из сторон имеются претензии по поводу того, каким образом это произошло. Публичные средства массовой информации были оставлены в таком же правовом и финансовом состоянии, в каком они оказались после падения IV Речи Посполитой^[9] — и в такой форме СМИ, быть может, дождутся ее триумфального возвращения.

«Газета выборча» перед выборами попросила своих читателей «сформулировать задачи» для политиков нового созыва. Результаты данного опроса можно рассматривать как специфический рейтинг претензий к уходящей команде. На первом месте (73% ответов) расположилось требование завершить пенсионную реформу и «ликвидировать привилегии шахтеров, судей, прокуроров, полицию и

военных». Подразумеваемая причина такой недоработки со стороны прежних властей состоит в отсутствии у них политического мужества. На втором месте — просьба ликвидировать государственное финансирование уроков религии в школе (опять-таки властям не хватило смелости). На третьем — настоятельный призыв обложить налогами крестьян наравне с другими гражданами (из ряда вон выходящее отсутствие мужества).

В принципе каждая претензия к правительству со стороны либерально настроенного среднего класса (иными словами, традиционного устойчивого электората ГП) сводится к тому, что «наше правительство» не принимало рациональных и справедливых решений — по причине оппортунизма или же из страха перед потерей поддержки со стороны тех или иных общественных групп. Именно в этом и состоит парадокс, в котором запуталась «Гражданская платформа» и ее избиратели. Последние хотят, чтобы партия поступала таким образом, как если бы сама хотела проиграть выборы; в противном случае они могут отказать ей в поддержке, прокладывая тем самым дорогу к власти для той партии, которая не только не проведет никаких ожидаемых реформ, но и расправится с либеральными кругами.

Из отчетов «Политики» можно сделать вывод, что источники большинства очевидных слабостей нашего государства лежат в политике. Точнее, в той форме, которую она приняла за последнее десятилетие. В демократических системах биполярная структура нормальна и естественна, но, пожалуй, ни в какой другой стране ЕС нет такой ситуации, чтобы правящему центристскому альянсу противостояла в качестве главной силы партия крайнего толка — популистская, радикальная, националистическая, антилиберальная, антиевропейская. Такие группировки, как «Право и справедливость», существуют везде, но скорее в качестве маргиналов, пребывающих где-то на обочине политического процесса. Отсутствие рациональной, сущностной оппозиции было для лагеря Туска убийственным. Во-первых, это давало ему чрезмерный комфорт («лучше скверная ГП, чем безумцы из ПиС»), но вместе с тем парализовало страхом. Тотальная критика, которой ПиС подвергало все без исключения решения тех, кто управлял страной, равно как лишение высших представителей власти (президента, премьер-министра, главы сейма или сената) политического и морального права на выполнение возложенных на них функций не оставляло ни сантиметра свободного поля для какого-либо компромисса, иначе говоря, для ведения политики. Каждая подвергнутая

сомнению привилегия (даже абсурдная, как в случае шахтеров, лесников или производителей аграрной продукции) автоматически находила защитников в ПиС. Принцип Беаты Шидло «каждому дадим, ни у кого не отберем» был и продолжает оставаться политически сковывающим, так как он не годится ни для деловой полемики по существу, ни для соперничества.

Наш государственный организм заражен популизмом. Популистские партии обладают вполне определенными устойчивыми чертами, которые легко предугадать. В этом перечне всегда есть враждебность по отношению к так называемым элитам, которым противопоставляется мудрый народ, от чьего имени выступает подобная партия. Всегда есть склонность к авторитарной власти, равно как пренебрежительная недооценка институтов, ограничивающих волю народа. А еще — моральное дезавуирование противников, отказ им в каких бы то ни было позитивных качествах. Кроме того, поиск врагов — внутренних и внешних. Правильность (банальных) диагнозов и сумбурность рецептов. Пропаганда реванша и мести, презрение к эксцессам свободы. Готовность ставить сообщество, представляемое партией, выше прав отдельных индивидов. То есть присовокупление к итогам голосования особых — исторических, религиозных, этических, личных — полномочий.

Те, кто помнят ПНР, должны испытывать впечатление дежавю. Впрочем, коль говорится «а», то говорится также «б» и «в». По сути дела, во всех так называемых программных декларациях ПиС присутствует какая-то попытка реституции Польской народной республики, только с противоположным идейным знаком, постепенное восстановление контроля власти над всеми сферами государства, от экономики до образования, культуры и так далее, вплоть до правосудия. Если бы ПиС как партия действительно получила самостоятельное большинство, то наши отчеты, указывающие направления улучшения и корректировки сегодняшней Речи Посполитой, оказались бы уже полностью бесполезными. Ставка в данных выборах безусловно выше, чем это вытекало бы из ведущейся как придется, низкопробной избирательной кампании. Если разобраться, ни одна из тех важных проблем, перед которыми мы стоим и о которых говорилось в наших отчетах, серьезно не рассматривалась. В лучшем случае — касался ли разговор горнодобывающей промышленности или пенсионной системы — мы получали какие-то «сказочки мхов и папоротников»^[10]. Наши отчеты не только служат балансом завершения и

открытия очередного политического этапа; они представляют собой предостерегающий прогноз.

Ежи Бачинский , главный редактор еженедельника «Политика»

1. Данная статья появилась перед недавними парламентскими выборами в Польше, которые выиграла партия «Право и справедливость» (ПиС).
2. Комплекс отчетов об условиях и качестве жизни поляков, который с 2003 г. готовит раз в два года располагающаяся в Варшаве Высшая школа финансов и управления. — Здесь и далее прим. пер.
3. На экономических картах Евросоюза того времени все его члены, кроме Польши, были закрашены разными оттенками «тревожного» красного или серого цвета, которыми обозначался экономический спад той или иной интенсивности. Польские СМИ с удовольствием воспроизводили подобные карты.
4. Так в Польше называют те сомнительные контракты с работодателями, где не в полной мере соблюдаются требования трудового законодательства.
5. Согласно этому правилу темп годового роста расходов в секторе публичных финансов ограничивается следующей формулой: прогнозируемая инфляция плюс средняя реальная динамика ВВП за 8 лет (6 прошедших и 2 года прогноза) минус корректура, зависящая от фискальных параметров.
6. Строгой экономии (англ.).
7. Эта афера, связанная с подслушиванием и записью разговоров политиков и высокопоставленных чиновников в ряде варшавских ресторанов в 2014–2015 гг., привела к отставке трех министров и трех замминистров этого правительства, а также главы сейма и многих других чиновников высокого ранга.
8. Эта реформа ввела обязательное школьное обучение с 6-летнего возраста.
9. Концепция IV Речи Посполитой была впервые выдвинута еще в 1989 г. сразу же после того, как президентом Польши стал генерал В. Ярузельский. Она использовалась и продолжает использоваться самыми разными политическими силами, но в первую очередь партией «Право и справедливость».

10. Это ссылка на популярный во многих странах чехословацкий мультсериал для детей, главные герои которого — худой, словно палка, Кржемелик и кругленький Вахмурка. В русском прокате этот фильм известен как «Сказки лесных человечков».

ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

• «Премьер-министром Польши станет (...) Беата Шидло. (...) Она сама представила состав будущего правительства. (...) Глава «Западного банка ВБК» Матеуш Моравецкий стал вице-премьером и министром развития, а Анна Стрежинская будет руководить министерством цифровых технологий. Подобные решения призваны продемонстрировать, что «Право и справедливость» (...) привлекает к работе в правительстве не связанных с политикой профессионалов. (...) Моравецкий, а также новый министр финансов Павел Шаламаха должны будут гарантировать, что неконтролируемого роста дефицита не произойдет. (...) Назначения Антония Мацеревича на пост министра национальной обороны и Мариуша Каминского на должность координатора деятельности спецслужб порадуют постоянных избирателей «Права и справедливости». (...) Появление Збигнева Зёбро на посту министра юстиции создаст своего рода аллюзию на политическую ситуацию 2005–2007 годов, когда партия «Право и справедливость» впервые руководила Польшей. (...) Ян Шишко, министр охраны окружающей среды, уже руководил этим ведомством 10 лет назад, когда ПиС находился у власти в первый раз (а Витольд Ващиковский, вступающий в должность министра иностранных дел, был заместителем главы внешнеполитического ведомства в 2005–2008 гг.). Правительство Беаты Шидло станет, вероятно, наиболее оперативно сформированным правительством в истории Третьей Речи Посполитой». (Мацей Милош, Гжегож Осецкий, «Дзенник газета правна», 10–11 ноября)

• «Бывший глава Центрального антикоррупционного бюро Мариуш Каминский вел себя так, словно ему закон не писан, а само бюро проявляло неуважение к конституции и базовым принципам правового государства. Такую оценку деятельности Мариуша Каминского, нынешнего вице-председателя «Права и справедливости», дал суд варшавского района Срудместье в письменном обосновании решения, приговорившего Каминского и троих его подчиненных к тюремному заключению. (...) Это первый случай, когда суд подобным образом охарактеризовал поведение руководителя спецслужбы, жестко обозначив границы ее полномочий. (...) Приговор

Каминскому в виде трех лет реального лишения свободы — это серьезный сигнал для чиновников, их руководителей и сотрудников спецслужб о том, что поблажек для сторонников незаконных методов работы не будет». (Мариуш Ялошевский, «Газета wyborcza», 13 окт.)

• «[Маршал Сейма] Малгожата Кидава-Блонская заявила, что одной из причин смены правящей партии стало чувство безопасности, свойственное с некоторых пор полякам. (...) Жители Польши чувствуют себя в безопасности. Они не боятся политических экспериментов, они знают, что в случае прихода к власти другой партии не произойдет ничего ужасного. Обычный избиратель рассуждает так — что ж, в крайнем случае, через четыре года мы их заменим», — Александр Квасневский, бывший президент Польши, находившийся на своем посту два срока подряд. («Газета wyborcza», 28 окт.)

• «Значительная часть нынешних консерваторов не верит ни в демократию, ни в гражданское равноправие, ни даже в неотъемлемые свободы всех поляков. Пришедшие к власти правые считаются национальной элитой, а порой их и вовсе принимают за единственных представителей народа, которые, в силу своих взглядов, предназначены для того, чтобы властвовать, воспитывать, «инкультурировать в польский контекст» остальную часть населения, еще не в полной мере являющуюся народом как таковым. (...) Буквально на днях президент Анджей Дуда сознательно назначил заседание нового состава Сейма на 12 ноября, хотя как раз в этот день все еще действующая премьер-министр Эва Копач должна была принять участие в чрезвычайном саммите ЕС по проблеме беженцев. (...) Советник президента по вопросам внешней политики Кшиштоф Щерский (...) решил, что «нет причины подгонять польский политический календарь под международный»». (Цезарий Михальский, «Ньюсуик Польска», 9-15 ноября)

• «Очевидно, что в польской политике происходят качественные изменения, связанные, в частности, со сменой поколений, поскольку в Сейм прошли как противники эстеблишмента из партии Павла Кукиза, так и возглавляемая Рышардом Петру партия современных профессионалов. (...) Обе эти политические группировки были созданы за считанные месяцы, да и на выборах показали похожие результаты. Это две своего рода противоположности: абстрактное, не имеющее программы объединение Кукиза, с одной стороны, и отстаивающая запросы и амбиции среднего класса партия Рышарда Петру — с другой. По сути же, причиной, по которой

избиратели голосовали за обе эти партии, стала потребность в аутентичности, желание, чтобы в парламенте заседал «кто-то, похожий на меня». С той лишь разницей, что в первом случае избирателями двигали соображения антиэлитарного свойства, а во втором — спрос на трезвомыслящих профессионалов». (Каролина Вигура, «Газета wyborcza», 28 окт.)

• «Проигрыш «Гражданской платформы» на состоявшихся в минувшее воскресенье выборах был обусловлен также появлением партии «Современная», во многом похожей на «Гражданскую платформу» образца 2001–2005 годов. Новая партия лишила «Платформу» около 7% голосов. Если бы не это, ГП все равно наверняка проиграла бы ПИСу, но тогда поражение не было бы столь горьким. (...) «Современная» — это партия, отстаивающая интересы верхушки среднего класса, добившаяся успеха уже на самом старте и явно способная внести новые идеи открытости, толерантности и рационализма в экономическую политику», — проф. Генрик Доманский. («Польска», 30 окт.)

• Поддержка партий спустя неделю после парламентских выборов: коалиция «Право и справедливость» / «Польша вместе» (Ярослав Говин) / «Солидарная Польша» (Збигнев Зёбро) — 36%, «Гражданская платформа» — 19%, «Современная» (Рышард Петру) — 12%, Кукиз'15 — 10%, Коалиция левых сил — 6%, «Вместе» — 5%, крестьянская партия ПСЛ — 4%. Опрос института «Номо Номіні», 30–31 октября. («Жечпосполита», 4 ноября)

• На парламентских выборах 25 октября «лучший результат — 230 тыс. голосов — принадлежит Эве Копач. 200 тыс. голосов получил Ярослав Качинский. На третьем месте оказался Рышард Петру, за которого проголосовали 129 тыс. избирателей. Все трое баллотировались в Варшаве. (...) Четвертое место по количеству голосов (96 127 избирателей) заняла Беата Шидло из «Прав и справедливости», которая баллотировалась в Хшануве». («Газета wyborcza», 28 окт.)

• «Своим успехом «Право и справедливость» главным образом обязана «Гражданской платформе». «Платформа» совершенно развратила страну в лице ее госструктур, квинтэссенцией чего стал «скандал магнитофонных записей». (...) Разговоры высших государственных чиновников — в частности, главы министерства внутренних дел и администрации — прослушивались спецслужбами, что свидетельствует о полном аморализме государства. (...) «Гражданская платформа» проиграла не из-за сложных и болезненных для общества реформ, а из-за того, что развратила государственные

структуры. (...) Люди понимают, что их государство слабо, поскольку ведет себя беспринципно и глупо. (...) «Право и справедливость» победила, поскольку мы — граждане, избиратели — сказали: «Хватит!». (...) Появление молодого поколения — это очень позитивный знак. Они свободны от старых клише, делящих всех то на сторонников «Солидарности» и коммунистов, то на приверженцев ГП и избирателей ПиСа, а ведь именно такой подход долгие годы определял наше политическое мышление. Конечно, молодые политики будут конфликтовать и соперничать между собой, но по ключевым для Польши вопросам они смогут договориться, это несомненно. А именно этого нам сегодня в Польше и не хватает». (Владислав Фрасынюк, «Польша», 30 окт. — 1 ноября)

• «Прошло уже полтора года, как «Гражданская платформа» разграбила и уничтожила систему пенсионных фондов. (...) От этой системы, по сути, остался обрубок. (...) Без открытых пенсионных фондов (ОПФ) сокращающаяся армия работающих поляков будет вынуждена содержать постоянно растущее полчище пенсионеров. Это приведет к неизбежному росту налогов и сборов либо к сокращению пенсионных выплат. (...) Решение Конституционного суда [выясняющего, насколько соответствовали конституции нормативно-правовые акты, на основании которых из ОПФ была изъята половина денежных средств] будет в этой ситуации иметь еще большее влияние на характер отношений между властью и обществом. Нельзя допустить того, чтобы каждая следующая правительственная команда уничтожала системные достижения своих предшественников. После того, как обществу годами разъясняется необходимость существования долгосрочных пенсионных накоплений, (...) их нельзя просто взять и забрать». (Павел Яблонский, «Жечпосполита», 4 ноября)

• «Конституционный суд решил, что правительство имело право забрать взносы из ОПФ. Суд признал, что актив ОПФ является не частным, а государственным. Почему? Ведь взносы обязательны, а страхователь не может влиять на их размер! (...) 153 млрд злотых приняло Управление социального страхования от ОПФ в рамках реформы, которую суд признал соответствующей конституции. (...) До вторника у экономистов еще была надежда, что суд помешает дальнейшему демонтажу ОПФ, но уж раз он признал, что ограбление фондов не нарушает конституции, значит, их полной ликвидации дан «зеленый свет». А «Право и справедливость» негативно относится к ОПФ». (Марек Домагальский, Матеуш Жемек, «Жечпосполита», 5 ноября)

• «Понедельник, 28 сентября. Встреча представительства Федерации профсоюзов казначейских работников с представителями министерства финансов, в частности, с замминистра Яцеком Капицей. Профсоюзные деятели настаивают на повышении заработной платы. (...) Министр не соглашается, заявляя: «Х..й вам, будет так, как я сказал». И добавляет: «Нам не нужны люди с высокой квалификацией, наберем специалистов с улицы». Чиновники в шоке». (Адриана Розвадовская, «Газета wyborcza», 10–11 окт.)

• «Михал Хаброс, временный поверенный в делах, исполняющий обязанности посла Польши в Белоруссии, уже 12 октября знал, что к власти придет «Право и справедливость», поэтому лучше не соглашаться на приглашение ветеранов и мэра белорусского города Горки принять участие в торжествах, посвященных очередной годовщине битвы под Ленино. Однако около тысячи жителей Ленино и Горок (...) пришли на местное кладбище, чтобы возложить цветы к мавзолею воинов [созданной по указанию советского правительства] 1-й пехотной дивизии им. Тадеуша Костюшко. Прибыла также рота почетного караула белорусских вооруженных сил и военный оркестр. Овациями был встречен капитан, проф. Юзеф Червинский, который, будучи солдатом 1-й пехотной дивизии, освобождал Варшаву и брал Берлин. Наши власти вот уже много лет с пренебрежением относятся к польским ветеранам, живущим восточнее Польши». («Пшеглэнд», 2–8 ноября)

• «Президент Анджей Дуда не подписал новую редакцию закона о национальных меньшинствах, которая, в частности, предусматривала возможность пользоваться языком меньшинства в поветовых управах. (...) Речь шла о получении справок на двух языках, а также о том, чтобы сельские старосты, мэры городов и маршалы воеводств назначали уполномоченных по делам национальных меньшинств. (...) Возможность пользоваться языком национального меньшинства в качестве вспомогательного была бы предусмотрена в тех поветах, где национальное меньшинство составляло бы не менее 20% от общего количества жителей». (Петр Гузик, «Газета wyborcza», 28 окт.)

• «В ночь с субботы на воскресенье были разорены десять могил на еврейском кладбище в Бельско-Бялой. Двумя месяцами ранее там же кто-то уничтожил семь памятников». («Жечпосполита», 2 ноября)

• «“Антииудаизм и антисемитизм — это грех против любви к ближнему, грех, отменяющий подлинную христианскую идентичность, и поэтому его категорическое осуждение не

может быть смягчено никакими ссылками на культурные, политические и идеологические условия”, — говорится в открытом письме польских епископов в связи с 50-летием соборной декларации «Nostra aetate» (лат. «В наше время»). (...) Письмо не предназначалось для оглашения в церквях». (Артур Спорняк, «Тыгодник повсехный», 25 окт.)

- «Расистский инцидент в самом центре Вроцлава. (...) Полиция задержала нападавших. (...) Руководство вроцлавского филиала компании «IBM» разослало своим иностранным сотрудникам обращение, рекомендовав им не выходить из дома 11 ноября, в День независимости». («Газета wyborча», 9 ноября)

- «Тяжело избитого в центре Познани сирийца навестили в больнице патриарх Сирии Григорий III и архиепископ Станислав Гондецкий». (Марта Кажмерская, «Газета wyborча», 9 ноября)

- «Председатель «Права и справедливости» Ярослав Качинский (на митинге в Макуве-Мазовецком) о беженцах: «А ведь уже зафиксированы случаи появления симптомов крайне опасных и давно не виданных в Европе заболеваний: холера на греческих островах, дизентерия в Вене, различные паразиты, простейшие, которые не наносят вреда приезжим, но могут оказаться опасными здесь, в Европе. Это не значит, что нужно кого-то подвергать дискриминации... Но проверять нужно». Президент Анджей Дуда: «Государство должно защитить своих граждан от иноземных эпидемий, поэтому мы имеем право поинтересоваться у правительства, готово ли оно к этому? Если правительство согласно принять беженцев, пусть ответит, все ли сопутствующие этому решению обстоятельства и сложности приняты во внимание, готово ли правительство к ним? Иными словами — обеспечена ли безопасность поляков, хотя бы в эпидемиологическом отношении?». («Тыгодник повсехный», 25 окт.)

- «Качинский пугает нас беженцами, которые якобы являются разносчиками болезней. В годы гитлеровской оккупации нацисты развешивали повсюду плакаты: «Евреи — вши — сыпной тиф». (...) Голос публициста оказывается бессильным, когда его страну заливают цунами безумия», — Адам Михник. («Газета wyborча», 17-18 окт.)

- «Харизматические лидеры отлично знают, что на человеческом страхе можно заработать огромный политический капитал. Поэтому они пугают, чтобы получить возможность защищать тех, кому угрожает опасность. (...) Сегодня в Польше гораздо бóльшую угрозу для общества

представляют агрессивные националисты. (...) Если уж кого и бояться, то как раз их», — Кристина Старчевская. («Политика», 9–17 ноября)

• «Министерство труда вот уже несколько лет занимается поиском тех сельских гмин, которые согласились бы принять беженцев. Результаты пока близки к нулю. (...) «Помогать беженцам должно государство, а не органы самоуправления», — заявила пресс-секретарь мэра Кракова Моника Хыляшек. Она также добавила, что «бессмысленно гадать сейчас, примем ли мы беженцев». (...) Всего лишь три воеводства согласились выделить в общей сложности семь жилых помещений, в которых могли бы поселиться приезжие. (...) По словам сотрудников Центра общественной помощи в Воломине, «собственники жилья, находясь во власти стереотипов и предубеждений, неохотно сдают свои квартиры беженцам, зачастую требуя более высокой арендной платы». (Изабела Кацпшак, «Жечпосполита», 13 окт.)

• «Польша не в состоянии сейчас принимать беженцев, считают 73% участников опроса, проведенного агентством «TNS Polska». (...) 73% опрошенных считают, что наплыв беженцев приведет к росту безработицы, а 68% полагают, что беженцы могут спровоцировать рост преступности». («Жечпосполита», 3 ноября)

• «“Отказ помогать людям, которые нуждаются в помощи, является очень тревожным симптомом, хотя, безусловно, вопрос помощи беженцам требует мудрого и взвешенного подхода”, — заявил митрополит варшавский, кардинал Казимеж Ныч на церемонии, посвященной началу учебного года в Люблинском католическом университете». («Жечпосполита», 19 окт.)

• «Ярослав Качинский перемежает консервативную риторику с лозунгами, направленными против политики сокращения бюджета. Это довольно распространенное нынче сочетание левацкого подхода к экономике и право-консервативных взглядов на культуру. (...) Кризисная ситуация с беженцами серьезно изменила восприятие ЕС как такового. Поляки, как и жители других стран нашего региона, связывали с Евросоюзом свои надежды на лучшее будущее, видели в ЕС гаранта своего растущего благосостояния. А тут вдруг от них требуют, чтобы они помогали беженцам. Они-то думали, что обязательства по этому контракту всегда будут только у другой стороны: ведь это поляки, чехи и венгры живут бедно, это им нужно помогать. (...) Польша существенно скорректировала свои позиции в Европе за последние десять лет, и если раньше она играла роль

какой-нибудь двадцатой скрипки, то теперь она сама заказывает музыку. Однако все может измениться, когда к Польше начнут относиться как к стране, ведущей себя несерьезно и непоследовательно. (...) Если Польша потеряет свой политический вес, это станет очень плохой новостью для всего региона, да и для всего Евросоюза, пожалуй», — Иван Крастев. («Ньюсуик Польска», 2-8 ноября)

- «Почти 25 тыс. разрешений на временное пребывание и 5 тыс. на постоянное пребывание выдала Польша гражданам Украины с 1 января по 4 октября 2015 года. (...) Одновременно с начала января по конец августа с.г. польские консульские и дипломатические учреждения на территории Украины выдали гражданам этой страны почти 600 тыс. виз (в том числе более 283 тыс. шенгенских виз и 314 тыс. национальных). Доля положительных решений, касающихся разрешения на временное пребывание на территории Польши, составила 95%, на постоянное — 92%». («Жечпосполита», 21 окт.)

- «Варшавский суд не согласился депортировать в Россию чеченца Альберта С., обвиняемого в участии в боевых действиях на территории Чечни в 1995-2003 годах. В обосновании своей позиции суд, в частности, сослался на имеющиеся опасения, что в России данный гражданин может быть подвергнут пыткам и нечеловеческому обращению. Суд также подчеркнул, что Альберту С. предоставлен статус беженца, поэтому он не может быть выдан стране, которую он покинул». («Жечпосполита», 20 окт.)

- «Вот уже много лет неустанно разрастается мой блокнот с адресами и телефонами людей, которых я встречаю в России. И в то же время он постепенно превращается в братскую могилу моих друзей. Листая его, я иногда мысленно повторяю: «Этого утопили, этого задушили, убили молотком, застрелили, отравили...». Я не вычеркиваю этих имен — хочу помнить о них, как о живых». (Вацлав Радзивиневич, «Газета выборча», 2 ноября)

- «Белоруссия передала Польше документ НКВД, касающийся лагерей, в которые в 1939 г. направлялись польские военнопленные. Это первый случай, когда белорусское КГБ предоставило документ, касающийся репрессий в отношении поляков». («Газета выборча», 9 ноября)

- «Президенты Анджей Дуда и Клаус Йоханнис пригласили вчера в Бухарест президентов входящих в НАТО стран Центральной и Восточной Европы на мини-саммит». «Для Польши и Румынии очень важно, чтобы наш регион говорил о

своей безопасности слаженно, в унисон. (...) Мы знаем, каково это — жить в зависимой стране, у которой отняли суверенитет», — заявил президент Дуда. (...) В принятой декларации сказано, что «в связи с агрессией России на Украине, незаконной аннексией Крыма, поддержкой сепаратистов на востоке Украины и операциями российских войск в непосредственной близости от границ НАТО, подрывающими европейскую систему безопасности, существенно увеличилась степень нашей ответственности за мир, стабильность и благосостояние на территории от Черного моря до Балтики». (...) Участники саммита пообещали передавать на вооружение 2% своего ВВП, поскольку многие страны пока не выполняют этого условия». (Бартош Т. Велинский, «Газета wyborcza», 5 ноября)

- «“С 1 января Боевая группа ЕС стран Вишеградской группы будет нести боевое дежурство”, — объявил в ходе «Warsaw Security Forum» вице-премьер Томаш Семоняк. Дежурство продлится до 30 июня 2016 года. (...) 18 ноября в Кракове начнет функционировать командование группы. (...) В состав командного состава войдут польские, словацкие, чешские и венгерские офицеры. (...) Учения Боевой группы V-4, как ее называли организаторы, начнутся 14 ноября на Дравско-Поморском полигоне. Вместе с польскими военными в них примут участие чехи, словаки, венгры, а также представители Украины». (Марек Козубаль, «Жечпосполита», 9 ноября)

- «События, которые произошли после украинской революции, вынуждают нас изменить наше представление о современных угрозах. Гибридные войны, для которых характерны ассиметричные военные операции, поддерживаемые агрессивной информационной и дезинформационной политикой, стали самой большой угрозой для суверенитета свободной Европы. (...) Будут усилены воинские соединения на востоке Польши. Их усиление не ограничится лишь увеличением количества воинских контрактов, поскольку в первую очередь речь идет о новой технике и снаряжении. В эти воинские части будут доставлены ракетные и ствольные артиллерийские системы, индивидуальные комплекты снаряжений «Титан», беспилотники, а также другое оборудование, находящееся в процессе модернизации», — генерал армии Мирослав Ружанский, генеральный командир вооруженных сил Польши. («Рапорт — войско, техника, обронность», № 10/2015)

- «Командующий американскими ВВС в Европе генерал Фрэнк Горенц предупреждал год назад, что в радиусе огня, который

может быть открыт с территории Калининградской области, находится одна треть воздушного пространства Польши. Россияне могут использовать тактику блокирования доступа к территориальным водам и воздушному пространству неприятеля. (...) Кажется, польское министерство обороны обратило внимание на эту угрозу, поскольку месяцем ранее объявило о приобретении 40 тактических маневренных снарядов с пониженной обнаруживаемостью, производимых концерном «Lockheed Martin». Эти снаряды, каждый весом более тонны, способны со сверхзвуковой скоростью достигать цели, находящейся на расстоянии до 320 километров. После адаптации их к истребителям F-16 у Польши появится возможность проведения точных налетов на военные объекты в Калининграде и Беларуси. В настоящее время военно-морской флот рассматривает возможность приобретения аналогичной системы для подводных лодок». (Мартин Жила, «Тыгодник повсехный», 25 окт.)

• «Считаю, что после проведенных за последние полтора десятка лет реформ это одна из лучших армий в мире. Не только благодаря последовательной модернизации. (...) Российские вооруженные силы снабжаются не только современными «стрелялками», но и вообще всем необходимым для ведения войны. Кроме того, это армия, которая постоянно учится и тренируется. (...) На россиян годами работает группа так называемых независимых экспертов, которые ездят по всему миру и рассказывают, до чего плохая в России армия, создавая у Запада иллюзию, что ему не нужно тратить деньги на повышение своего военного потенциала, поскольку Россия якобы не представляет никакой угрозы», — Анджей Вильк. («Тыгодник повсехный», 25 окт.)

• «В Варминско-Мазурском воеводстве начались военные учения «Dragon-15». До четверга на полигоне будут находиться почти 7 тыс. военнослужащих НАТО, а также свыше 700 единиц военной техники и снаряжения. Вместе с польскими военными в учениях принимают участие также американцы, канадцы, англичане, немцы и итальянцы». («Жечпосполита», 20 окт.)

• «Генерал Бен Ходжес, командующий сухопутными силами армии США, объявил об усилении восточного фланга НАТО. (...) «Командование сухопутными силами США намерено доставить в Европу вооружение для целой бригады тяжелой военной техники — 1 200 машин. Из них 600 будут направлены в Польшу, остальные — в Германию, Литву, Латвию, Эстонию, Румынию и Болгарию», — заявил в понедельник Ходжес. (...) В Польшу также будет доставлено снаряжение для командного

батальона в Цехануве». (Марек Козубаль, «Жечпосполита», 10–11 ноября)

- «Правительства Польши и США подписали соглашение, в котором оговаривается, где на территории нашей страны будут размещаться склады тяжелого вооружения и военной техники армии США. (...) Американские склады появятся на территории авиабазы в Ласке, в центре обучения сухопутных войск в Дравске-Поморском, а также в военных комплексах в Сквежине, Цехануве и Хощне. До середины будущего года на эти объекты будут доставлены техника и вооружение. (...) Этой техникой в постоянном режиме будут пользоваться американские военные, проходящие обучение в Европе, а в случае начала войны — объединенные силы повышенной готовности НАТО». («Польска збройна», ноября)

- «Визит Анджея Дуды в Париж, состоявшийся в среду, прошел в исключительно теплой атмосфере. (...) Президенты двух стран нашли общий язык по вопросам политики в отношении Украины, беженцев и климатических проблем. (...) Вопрос о контрактах на приобретение французских вертолетов «Caracal» не рассматривался». (Енджей Белецкий, «Жечпосполита», 29 окт.)

- «Деятельность Анджея Дуды на посту президента положительно оценивают 42% опрошенных. Негативно о его работе отзываються 22% респондентов. Таковы результаты последнего опроса ЦИОМа. (...) 36% опрошенных еще не сформировали своего мнения относительно работы президента». («Жечпосполита», 27 окт.)

- «Папа римский Франциск в понедельник принял в рамках личной аудиенции президента Анджея Дуду. (...) Встреча Франциска с Анджеем Дудой продолжалась 20 минут». («Жечпосполита», 10–11 ноября)

- «Президент Анджей Дуда подписал так наз. «антисмоговый закон». (...) Это поистине судьбоносное решение. Закон предоставляет органам самоуправления реальные рычаги по ограничению уровня загрязнения воздушного пространства Польши, позволит затормозить эмиссию ядовитой пыли из домашних печей, отапливаемых углем». (Доминика Вантух, Бартош Пилат, «Газета wyborcza», 7 окт.)

- «В связи с заболеваниями дыхательной и кровеносной систем, вызываемыми загрязнением воздуха, в Варшаве ежегодно умирает 1 700 человек, в Кракове — около 1 100, в Лодзи — более 900. В свою очередь, вызываемая токсичной

пылью ишемическая болезнь сердца и легких ежегодно становится причиной 800 летальных исходов в Варшаве, около 700 — в Кракове, свыше 900 — в Лодзи. (...) По данным Европейской комиссии во всей Польше в связи загрязнением воздуха ежегодно умирает около 43 тыс. жителей, в то время как в автокатастрофах гибнет 3 300 человек в год». (Катажина Скшидловская-Калюкин, «Впрост», 28 сент. — 4 окт.)

• «По всей Польше практикуется нелегальная процедура утилизации отходов. Вместо того, чтобы отправлять мусор на свалку, его тоннами вывозят в пустые карьеры и шахты либо просто сжигают в глубоких ямах. Об этой практике отлично осведомлены городские власти и даже само министерство окружающей среды. (...) Отходы с варшавских городских свалок перерабатываются в мелкую массу, (...) которая затем проходит сквозь сито, пропускающее лишь самые маленькие кусочки, и уже после отвозится в песчаный или гравийный карьер, где засыпается землей. Более крупные элементы складировются либо сжигаются в выкопанных ямах. И так происходит по всей Польше. (...) Мы обещали Евросоюзу, что до 2020 года свыше половины таких отходов, как бумага, стекло, металл, пластмасса будут подвергнуты ресайклингу. В то же время, по данным министерства окружающей среды, уровень ресайклинга в прошлом году составил всего 25%. Выполнение требований ЕС в течение ближайших пяти лет маловероятно, что чревато для Польши многомиллионным штрафом». (Шимон Кравец, «Впрост», 18 окт.)

• «“SOS Карпаты” — это акция польского отделения Всемирного фонда дикой природы. Экологи собирают подписи под петицией в защиту лесов, оставшихся от Карпатской пущи. Они считают, что леса варварски вырубаются, и требуют взять их под защиту, исключаящую вырубку. А лучше всего — чтобы эти леса стали полностью охраняемой территорией в качестве Турницкого национального парка». (Анна Горчица, «Газета wyborча», 14 окт.)

• «За время пребывания Польши в ЕС популяция аистов сократилась на 20%. Эта тенденция особенно заметна на западе Польши, (...) где применяется большее количество пестицидов, которые позволяют сохранить урожай, но при этом уничтожают естественный корм аиста: насекомых, рыб, земноводных, а также грызунов и других мелких млекопитающих. В некоторых же регионах снижение популяции аистов составило 40%. (...) Развитие сельского хозяйства, в том числе промышленных ферм, которое главным образом зависит от дотаций ЕС, постепенно начинает

оказывать негативное воздействие на состояние окружающей среды в Польше». (Филип Лимберг, «Газета wyborcza», 31 окт. — 1 ноября)

- «Польская популяция трех самых многочисленных видов птиц — жаворонка, воробья и зяблика — насчитывает в общей сложности 20 млн особей. (...) По оценкам европейских, североафриканских и ближневосточных организаций по защите птиц, объединенных под крылом лиги «Bird Life», из-за высокого уровня браконьерства в средиземноморском бассейне ежегодно погибает 25 млн пернатых». (Енджей Винецкий, «Политика», 28 окт. — 3 ноября)

- «Волна возмущения, захлестнувшая социальные сети после того, как некоторые ливанцы стали размещать в них свои фотоснимки на фоне огромного количества застреленных ими птиц (в том числе аистов), привела к тому, что данная история заинтересовала, в частности, посольство Польши в Бейруте. По инициативе Экологической группы и при участии Всепольского общества охраны птиц информагенство «Польска агенция прасова» подготовило документальный фильм об аистах, их изучении и охране в Польше, который предназначен для просветительской работы с жителями Ливана. (...) В апреле 2014 года посол Польши Войцех Божек встретился с министром окружающей среды Ливана. Министр Махноук заявил, что руководимое им ведомство обязательно подключится к кампании по защите перелетных птиц», — Антоний Марчевский, монах-доминиканец. («Дзике жице», окт.)

- «В сельских районах живет почти 40% граждан нашей страны — 15,5 млн человек. Количество людей, которых устраивает жизнь в деревне, с 2005 года постоянно растет. Только 7% сельских жителей мечтают о переезде. Среди тех, кто доволен своей судьбой, большую группу составляют те, кто уехал в деревню из города. (...) Данные Главного управления статистики также свидетельствуют о росте благосостояния жителей села. Если в 2005 году среднемесячный располагаемый доход одного фермерского хозяйства составлял 2 595 злотых, то в 2013 году — уже 5 164 злотых, что намного превышает средний доход по стране, составляющий 3 647 злотых». (Иоанна Сольская, «Польска», 7-13 окт.)

- «Согласно последним данным статистики, почти два с половиной миллиона поляков испытывают трудности с выплатой кредитов и задолженностей. Большая часть из них скрывает этот факт». (Анна Шульц, «Ньюсуик Польска», 7-13 окт.)

• «Польша растет в мировых рейтингах. (...) В экономическом рейтинге «Doing Business» («Ведение бизнеса»), составляемом Всемирным банком, лишь 24 страны опережают нас по степени благоприятности условий ведения экономической деятельности. (...) В индексе экономической свободы — показателе, ежегодно рассчитываемом газетой «Wall Street Journal» и исследовательским центром «Heritage Foundation» — мы поднялись за год на десять позиций, однако нас продолжают опережать около 40 стран. (...) В рейтинге глобальной конкурентоспособности, составляемом Мировым экономическим форумом, несмотря на незначительное улучшение наших результатов, нам также пока не удастся пробиться в число первых сорока стран. (...) Рейтинг «Global Innovation Index-2015» определяет инновационный уровень конкретных стран. Польша заняла в нем 41-е место среди 146 участников рейтинга — если же принимать во внимание только европейские страны, наша страна находится в хвосте списка, опережая лишь Румынию». (Малгожата Квятковская, «Дзенник газета правна», 29 окт.)

• «Согласно «Отчету об уровне безопасности в Польше», составленного министерством внутренних дел, убытки, понесенные вследствие преступлений, выросли в прошлом году с 3,7 млрд злотых до 4,4 млрд злотых и более. (...). Как и раньше, сохранить удастся лишь небольшую часть утраченных денежных средств. В 2014 году общая стоимость арестованного полицией имущества подозреваемых в совершении уголовных и хозяйственных правонарушений составила 398 млн злотых (в 2013 г. — 268 млн злотых). Вернуть же по этим двум категориям правонарушений удалось только 205 млн злотых». (Гражина Завадка, «Жечпосполита», 30 окт.)

• «В основе анализа «Single Market Scoreboard» лежат два основных показателя внедрения директив ЕС. Первый отражает процент директив, которые были нами реализованы, однако Европейская комиссия посчитала, что произошло это с нарушениями либо ошибками. По этому показателю мы настоящие рекордсмены: 2,6% директив ЕС были реализованы нами с нарушениями. (...) Второй показатель отражает нарушение сроков внедрения нормативов ЕС (...) — процент нереализованных директив из тех, срок на внедрение которых уже истек. (...) В настоящее время Польша находится на третьем месте с конца, поскольку своевременно не внедрила 17 директив. (...) Пока что нам удавалось избегать штрафов, главным образом, благодаря исключительно долгой процедуре их наложения». (Славомир Викаряк, «Дзенник газета правна», 14 окт.)

• «Польша лидирует в Европе по количеству точек продажи алкоголя. В целом в стране их насчитывается 250 тыс., многие работают круглосуточно. (...) Согласно требованиям Всемирной организации здравоохранения, один пункт продажи алкоголя должен приходиться на 1-1,5 тыс. жителей. В Польше же один пункт продажи алкоголя приходится на... 265 человек. (...) Польша является одной из немногих стран в Европе, где уровень потребления алкоголя не уменьшается, а растет. В 2013 году он составил 9,67 литров чистого алкоголя на одного поляка. (...) Трагедия в том, что 18% поляков выпивают более 70% продаваемого алкоголя». (Михал Болтрик, «Пшеглэнд православный», окт.)

• «Немотивированная агрессия, (...) воспитание при помощи крика, шлепков и подзатыльников... Кто из нас не видел таких матерей на польских улицах? Матерей, выдыхающих сигаретный дым прямо в лицо собственным детям. Матерей, которые тащат своего плачущего трехлетнего ребенка с такой силой, что едва не вырывают ему руку. Шведов это шокирует и возмущает. (...) В Польше степень участия государственных институтов в помощи семьям и растущим в них детям иногда оказывается мизерной, в Швеции же — наоборот, бывает чрезмерной. (...) Поэтому мне бы хотелось, чтобы у зрителей «Чужого неба» (фильм Дариуша Гаевского) когда-нибудь появилась возможность увидеть фильм о том, что происходит не в Швеции, но в Польше, где соседи не слышат криков истязаемого ребенка, а учителя и чиновники слишком поздно замечают, что ребенок ходит в синяках». (Катажина Тубылевич, «Газета wyborcza», 17-18 окт.)

• «Согласно опросу ЦИОМа «Представление о собственном месте в общественной иерархии», в Польше неизменно доминирует низкая или, в лучшем случае, средняя оценка своего социального статуса. На шкале от 1 до 9, где единица символизирует низкий социальный статус, а девятка — высокий, свыше 2/5 опрошенных (44,7%) поместили себя ниже середины шкалы. Лишь немногие (12,4%) полагают, что по своему положению они находятся выше середины шкалы. В действительности это означает, что большинство поляков завидует меньшинству — более богатому и влиятельному. Фрустрация, возникающая из-за невозможности сравняться с элитой, провоцирует разного рода социальные проблемы, ежедневно отравляющие нашу жизнь. Нами правят заниженные стандарты, хамство и агрессия, которые по-прежнему являются одними из основных факторов, объединяющих поляков». (Мартин Хадай, «Дзенник газета правна», 13 окт.)

• «Язык ненависти распространяется в обществе все сильнее. Месяц тому назад интернет заполнили отвратительные посты и записи о сирийских беженцах, которых пользователи социальных сетей были готовы отправить в газовые камеры. (...) «Ненависть становится нынче массовым явлением. Каждую неделю мы фиксируем несколько десятков случаев использования риторики ненависти, раньше их было всего десять-пятнадцать», — говорит Анна Татаркевич из организации «Больше никогда», уже не первый год борющейся с проявлениями расизма. (...) По ее мнению, язык ненависти из интернета перемещается на улицу. На проходящих в Польше демонстрациях, направленных против иммигрантов, звучат расистские лозунги. «Масла в огонь подливают политики, прибегая к риторике ненависти», — говорит Татаркевич». (Мариуш Ялошевский, «Газета wyborcza», 15 окт.)

• «В нашем обществе (...) царит глубокий, имеющий многовековую историю классовый раскол, так что антагонизм между культурой элит, в том числе польской интеллигенции, и культурой польского народа — это глубоко укорененный антагонизм. (...) В парламентских выборах участвовало в Польше чуть больше 40%. Очень многие люди рассуждают так: «Мы не хотим в этом участвовать. Это страна, половина населения которой не читает книг. (...) Они вообще ничего не читают». (...) Это не новое явление, но раньше оно было связано с тем, что значительная часть общества просто была неграмотной. Однако в Польше по-прежнему существует большая группа людей, которая полагает, что читают только дураки. Но все же что-то меняется, пассивное сопротивление, при котором человек просто убеждает себя, что все происходящее его не касается, превращается в активное. Если при этом они не поубивают нас, представителей элиты, эти перемены могут оказаться даже благотворными, поскольку в них есть элемент обретения самостоятельности», — Анджей Ледер. («Газета wyborcza», 17-18 окт.)

• «В период с 10 по 12 ноября (11 ноября Польша отмечает День независимости) личный состав военной жандармерии будет располагать такими же полномочиями, как полиция. (...) Соответствующее распоряжение МВД подготовлено перед Днем независимости, празднование которого в предыдущие годы оборачивалось беспорядками». («Жечпосполита», 27 окт.)

• «Несколько тысяч человек (по неофициальным данным — около 70 тыс., как сообщает «Газета wyborcza» от 12 ноября) с флагами, фейерверками и транспарантами промаршировало в среду по Варшаве под лозунгом «Польша для поляков, поляки

для Польши». Манифестанты скандировали: «Бог, честь, отчизна», (...) «Вчера Москва, а нынче Брюссель у нас отнимает свободу». В этом году «Марш независимости» прошел гораздо спокойнее. Обошлось без инцидентов». («Жечпосполита», 12 ноября)

- «Нельзя было не обратить внимание на большое количество священников, идущих плечом к плечу с футбольными фанатами, держащими в руках пивные банки, и сторонниками право-консервативной идеологии, одетыми в куртки с надписями «Смерть врагам родины!» и «Защитники белой расы». (...) Первым с речью, обращенной к националистам, выступил о. Яцек Мендляр из вроцлавской конгрегации миссионеров. (...) Священнику очень понравился призыв «Ни исламская, ни атеистическая, Польша — только католическая!», который вчера был очень популярен наряду с лозунгом “То серпом, то молотом бейте красных смолodu!”». (Войцех Чухновский, «Газета wyborcza», 12 ноября)

- «С 2014 г. растет процент молодых людей, декларирующих симпатию к право-консервативной идеологии. По данным ЦИОМа, правых взглядов придерживается уже одна треть (33%) молодых поляков. (...) Процент же респондентов, декларирующих левые взгляды, за 12 лет не превысил уровня 20%. (...) За первые три квартала 2015 г. процент тех, кому близки крайне правые взгляды, достиг 12%, что составило целых 37% от общего числа сторонников правых партий. (...) Это самый высокий результат за все время проведения ЦИОМом аналитических исследований такого рода». («Газета wyborcza», 15 окт.)

- «В свое время я рассчитывал для министра Яцека Ростовского параметр, показывающий уровень иерархичности. Так вот, только в одной стране мира он выше, чем у нас — в Японии. (...) Сегодня польская школа вдалбливает ученикам в головы лишь один вид нездорового индивидуализма, (...) воспитывая людей, неспособных к сотрудничеству с другими», — проф. Януш Чапинский. («Газета wyborcza», 29 окт.)

- «В наши дни чиновник, принимающий решения о перераспределении огромных бюджетных средств, должен уметь... читать мысли своего начальства. Нужны люди, которые без письменных распоряжений и строгих телефонных звонков знают, кто должен выиграть конкурс или торги... (...) Бывший директор воеводского департамента труда в Кракове Анджей Мартынушка рассказывает: «Мы живем, как в ПНР, в атмосфере лжи. Все изображают святую уверенность в том, что конкурсы и аукционы проводятся честно и открыто, не сомневаясь на

деле в подставном характере этих мероприятий». (...) О том, почему в Польше не удалось сформировать корпус чиновников, которые служили бы интересам государства, а не политических партий, написано немало. Анджей Мартынушка считает, что причина этого явления довольно банальна. Воевода или маршалек сеймика, занимающий свой пост вследствие политической конъюнктуры, должен действовать при посредничестве директора департамента, которого он не может уволить, не может сказать ему: «Не будешь меня слушаться — вылетишь с работы». Но сейчас такая возможность у него появилась. (...) Попытка прописать в законе всеобщую непредвзятость, отрегулировать каждый шаг, придумать параграф для любой деятельности приводит к абсурду. «У нас уже есть процедуры, регулирующие прием человека на работу и увольнение с нее, оформления командировок, совершение закупок», — говорит Мартынушка. И добавляет: «Мы строим общество, базирующееся на недоверии к другому человеку, неважно, чиновник это или простой гражданин. Парадокс в том, что для честных людей такой мир невыносим, зато ловкачи и мошенники чувствуют себя в нем прекрасно»». (Петр Легутко, «Жечпосполита», 7-8 ноября)

• «Президент Анджей Дуда вручил государственные награды. Большой крест ордена «Возрождения Польши» получили: генерал Януш Брохвич-Левинский («Гриф»), участник варшавского восстания из подразделения «Парасоль» («Зонт»), руководивший обороной знаменитого особняка Михлера, и архиепископ Генрик Хосер, представитель самой консервативной части польского Епископата». (Павел Вронский, «Газета wyborcza», 12 ноября)

ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ПОЛЬШИ

Строительство газопорта закончилось, мы начинаем работы по введению его в эксплуатацию, — еще в октябре заявила премьер предыдущего правительства Ева Копач в Свиноустье. СПГ-терминал — это один из ключевых, но не единственный элемент энергетической безопасности Польши — говорили участники дискуссии.

Польский газопорт еще не открыт. Запуск такого сложного объекта продлится несколько месяцев, а первые суда с сжиженным газом должны прибыть в Свиноустье в середине следующего года, то есть на два года позже, чем изначально планировалось.

Газопорт позволит нам принимать до 5 млрд кубометров сжиженного газа в год. Это около одной трети нынешнего ежегодного потребления газа в Польше. Из них более 4 млрд кубометров компания «Польская нефтяная и газовая промышленность» черпает из собственных месторождений. Оставшуюся часть мы без проблем можем получать с Запада и Юга благодаря налаженным за последние годы связям с газовыми системами Германии и Чехии. «Если под энергетической безопасностью понимать доступность газа по приемлемой цене при любых условиях, независимо от геополитической атмосферы, то можно утверждать, что безопасность на рынке газа у нас обеспечена», — утверждает председатель компании «Польская нефтяная и газовая промышленность» Мариуш Завиша.

Значит можно не опасаться, что Россия перекроет газовую трубу? «С сентября 2014 г. по март 2015 г. компания «Польская нефтяная и газовая промышленность» получала сокращенные — иногда на целых 44% — поставки газа с восточного направления. Мы с этим справились, покупая топливо по другим направлениям», — говорит Завиша.

По мнению участников дискуссии, наша газовая безопасность растет благодаря либерализации рынка, которая проводится у нас в соответствии с требованиями европейского права. Свыше 50% газа компания «Польская нефтяная и газовая промышленность» обязана продавать через Товарную биржу энергии, а клиенты имеют право выбирать поставщика газа.

— Да, сегодня, если речь идет о газе, мы в безопасности, — признает профессор Здислав Гавлик, заместитель министра государственной казны Польши. — Но я бы все же остерегался утверждать, что один лишь свободный рынок способен обеспечить нам эту безопасность. Определенную роль в этом по-прежнему играет государство, которое должно по меньшей мере осуществлять контроль над ресурсами. Надо подумать о том, как такие механизмы наладить.

Издержки истории

Сегодня основным гарантом бесперебойной поставки газа является компания «Польская нефтяная и газовая промышленность». Однако эта ответственность обременяет фирму, так как с ней связаны определенные издержки. «Мы находимся в зачатом кругу истории, в котором фундамент рынка был построен на долговременных контрактах, главным образом ямальском, с перспективой до 2022 года. А с другой стороны, мы проводим либерализацию рынка, которая находится в противоречии с этим историческим фундаментом», — напоминает Мариуш Завиша.

К ямальскому контракту (свыше 8 млрд кубометров обязательных поставок газа ежегодно) следует прибавить долгосрочный контракт на поставку свыше 1 млрд кубометров сжиженного газа в год из Катара. «Мы по-прежнему остаемся в роли блюстителя баланса, который сегодня должен существовать в условиях свободного рынка. Но кто этому блюстителю баланса возместит счет за историю?» — спрашивает председатель компании.

Одной из идей, которую компания «Польская нефтяная и газовая промышленность» уже представила начальнику Управления по регулированию энергетики, является так называемая социализация части расходов на обслуживание газопорта. Эти расходы могли бы стать частью тарифа оператора газовой системы — «Газ-Систем», — который бы взимал их со всех потребителей газа и тем самым де-факто финансировал LNG-терминал. Благодаря этому можно было бы снизить регазификационные ставки в Свиноустье, чтобы находящийся там терминал мог конкурировать с другими газопортами в Европе.

Идею поддерживает министр Гавлик: «С одной стороны, мы ожидаем, что будут действовать рыночные принципы, с другой, затраты, которые никто не хочет взять на себя, обременяют компанию «Польская нефтяная и газовая

промышленность». В нормальной системе так быть не должно».

Истощение запасов угля и энергетики

Энергетическая безопасность Польши — это не только газ. Большая часть энергии в Польше производится за счет угля. Каменноугольные шахты испытывают серьезные финансовые трудности, а энергетическая отрасль стала лишаться сил; без инвестиций в новые блоки ей не справиться. Правительство в качестве плана реструктуризации угольной отрасли предлагает объединить шахты с энергетическими компаниями. «Сегодня польская энергетика базируется на угле. Представьте себе, что закроются все шахты. В состоянии ли мы физически ввезти столько угля из-за границы?» — задавался вопросом министр Гавлик.

— В Германии тоже есть угольные электростанции, но уголь они получают не только из собственных шахт, — напомнил Мацей Буковский из международной ассоциации предпринимателей WISE. «В бизнесе есть старый принцип: не пытайся решать проблемы, объединяя их с другими проблемами, — говорил Павел Смолень, член правления компании АО «Эрбуд», бывший вице-председатель по операционной работе Польской энергетической группы. — Австралийцы хотят открыть у нас шахты и даже экспортировать наш уголь. Сумасшедшие? Нет, они делают это ради бизнеса. Несмотря на низкие цены, частная компания «Богданка» по-прежнему сможет быть прибыльной. На вопрос, можно ли иметь польский уголь и к тому же экономически привлекательный, отвечаю: да».

Однако прежде нужно навести порядок у себя. По мнению председателя компании «Польская нефтяная и газовая промышленность» в энергетике размер потенциальной экономии можно исчислять миллионами и даже миллиардами злотых. Компания «Польская нефтяная и газовая промышленность» внедряет программу сокращения расходов на 800 млн злотых ежегодно. «В течение полутора лет во всей группе мы уменьшили занятость более чем на 5 тыс. человек, без скандалов и протестов», — напомнил председатель Завиша. К тому же компания заморозила рост заработной платы и избавилась от лишнего имущества.

— Реструктуризация компаний является тем условием, без которого невозможно их существование, — настаивал Мацей Буковский. — А поскольку в широком смысле слова энергетика является в Польше государственной, то государство как

владелец должно пересмотреть свои взгляды. Оно должно осознать, что эти компании отошли уже от монополистических позиций и их нельзя воспринимать как дойных коров.

— Стоит помнить о масштабе макроэкономических изменений в компаниях. Грамотно проведенная реструктуризация нацелена не только на улучшение их результатов, она также дает шанс снизить цены на энергию и повысить конкурентоспособность экономики, — напомнил Томаш Марциняк из компании «McKinsey & Company».

— Ключевой момент для всей энергетики — это вопрос поиска клиентов. В энергетике еще несколько лет назад отделы маркетинга по существу были отделами сбыта, — говорил Павел Смолень. — Но эти времена прошли. Есть много клиентов, которые готовы платить чуть больше за комфорт и надежность. И за таких клиентов стоит бороться.

— Я рад, что на рынке появляется конкуренция, — говорил председатель компании «Польская нефтяная и газовая промышленность». Нет ничего лучше для монополиста, чем такие уроки рынка, которые он может применять у себя. К примеру, в этом году мы предложили клиентам систему скидок.

— Потребитель ищет выгоду, поскольку такова логика рыночных изменений. Хотя при любом расчете нужно учитывать затраты на безопасность, — напоминал министр Гавлик.

— Энергетическая безопасность, безусловно, должна что-то стоить: новые сети, новые энергетические блоки. Но нельзя утверждать, что безопасно — значит дорого, — предупреждал Павел Смолень. — Просто необходимо предъявлять более высокие требования к управленческим кадрам в энергетике.

*

В дискуссии принимали участие:

Мацей Буковский, директор Варшавского института экономических исследований

Профессор Здислав Гавлик, заместитель министра государственной казны

Томаш Марциняк, локальный партнер в «McKinsey & Company»

Павел Смолень, член правления АО «Эрбуд», бывший вице-председатель по операционной работе Польской энергетической группы

Мариуш Завиша, председатель правления компании «Польская нефтяная и газовая промышленность».

УЖЕ МНОГО ЛЕТ Я ЗАНИМАЮСЬ ФИНАНСАМИ ...

С профессором Вальдемаром Тарчинским, деканом факультета экономических наук и управления Щецинского университета беседует Лешек Вонтрубский

— Факультету, которым вы руководите, присвоена самая высокая университетская категория...

— Да, мы получили категорию «А».

— Почему она столь важна для вас?

— Поскольку оказалось, что в группе из примерно 400 экономических факультетов, функционирующих в Польше — а это экономические университеты (бывшие экономические академии), частные университеты и высшие школы, — наш факультет занял очень высокое 9 место.

— Эту высокую параметрическую оценку ваш факультет получил в 2013 г. Как это произошло?

— Нашу работу оценивало министерство науки и высшего образования, причем впервые это было сделано в соответствии с новыми принципами. Цель такой параметрической оценки состояла в присвоении различным научным учреждениям соответствующей категории, которая неразрывно связана с уровнем финансовой дотации на уставную деятельность данного факультета. Понятие «параметризация» — это не что иное, как оценка деятельности конкретной научной организации на основании специально разработанных критериев, характеризующих данную группу, а категоризация представляет собой процесс отнесения конкретной организации к соответствующей категории по сравнению с другими схожими учреждениями в Польше.

Наибольшее значение для получения категории имели результаты, полученные в сфере «научных и творческих достижений». Влияние на уровень оценки оказывало также количество научных публикаций и всяческих иных достижений, как научных, так и творческих, в том числе развитие научных кадров, число патентов и внедрений, уровень коммерциализации научных исследований, — иными

словами, все аспекты функционирования данного факультета в составе публичного учебного заведения. Таким образом, комплексная оценка качества научной или же научно-исследовательской и проектно-внедренческой деятельности научных подразделений охватывала 4 сферы, причем оценивались достижения, имевшие место за период четырех последних календарных лет — с 2009 до 2012 года.

Затем решением нашего министерства от 28 октября 2013 г. наш факультет экономических наук и управления получил научную категорию «А».

— О чем свидетельствует категория «А»?

— О высоком качестве научно-преподавательских кадров. На практике это означает, что мы располагаем самыми лучшими кадрами из всех экономических факультетов нашего региона. Чем выше категория, тем лучше имидж нашего факультета в социально-экономической среде региона, что находит отражение в большем доверии работодателей к нашим выпускникам, а тем самым способствует увеличению их шансов на быстрое и доброкачественное трудоустройство после окончания учебы.

Высшая категория — это больше средств, выделяемых нам министерством, в том числе и на научную активность студентов, что решительным образом расширяет возможности дополнительного финансирования студенческих инициатив. Если же говорить о науке, то высшая категория позволяет продемонстрировать, что научные исследования, осуществляемые нашими сотрудниками, ведутся на самом высоком мировом уровне. Кроме того, категория «А» означает подтверждение наивысшего качества научных работ наших сотрудников и дает возможность увеличивать объемы средств, выделяемых для финансирования фундаментальных и прикладных исследований на факультете, а также обеспечивать финансовую безопасность. Она открывает также массу других путей для многочисленных возможностей развития нашего факультета.

Получив категорию «А», мы опередили многие престижные факультеты, в частности, такие, как экономические факультеты Ягеллонского, Варшавского, Гданьского, Познанского или Торунского университетов. Нас обогнали только две из восьми коллегий Главной торговой школы, один из факультетов Экономического университета в Познани и факультет товароведения Экономического университета во Вроцлаве.

Категория «А» присвоена примерно 30 самым лучшим экономическим факультетам по всей стране. Потом начинается категория «В», а после нее — «С». В нашем университете все факультеты, за исключением нашего, получили категорию «В». Ни у кого другого нет категории «А», а мы сохранили эту категорию еще с момента предыдущей оценки, когда такую же высокую категорию имели всего лишь несколько факультетов нашего университета.

— Ваше динамичное развитие началось несколько лет назад...

— Оживление начало наблюдаться уже во времена моего предшественника, декана нашего факультета д-ра наук проф. Зигмунта Л. Дорозика. Сегодня этот рост находит выражение в нашей оценке и в сертификатах о завершении обучения, которые получают наши выпускники, — с особой отметкой, что они закончили учебу на факультете категории «А», иначе говоря, на одном из лучших факультетов Польши. Это важный элемент, который в конечном итоге должен оказать большое влияние на поток абитуриентов. Когда мы провели среди наших студентов анкетирование по вопросу, чем они руководствовались при выборе факультета, то многие из них ответили, что одним из главных факторов, который определил выбор направления учебы, послужила как раз категория «А». Этот опрос показал, что категория «А» играет существенную роль при выборе факультета и высшего учебного заведения. Категория «А» — это отнюдь не только популяризация данного факультета, но также магнит, притягивающий молодежь к учебе на самом высоком уровне.

— На вашем факультете обучается все больше иностранцев. Что это означает на практике?

— В 2014/2015 академическом году на нашем факультете получало образование 48 студентов-иностранцев, использовавших разные формы обучения. Они приезжали из Украины, Беларуси, Колумбии, Китая, Италии, Испании, Германии, Румынии и Венгрии. Кроме того, в аспирантуре у нас учатся более десяти человек из Ирака. Зарубежные студенты пользуются стационарным обучением на английском языке по курсу «Economics and IT Applications» («Экономика и ИТ-приложения»; иначе говоря, это информатика в меру потребностей) первой ступени, которое завершается получением ученой степени лиценциата.

Основная цель обучения по специальности «Economics and IT Applications» состоит в укреплении ситуации выпускников на рынке труда, а также в расширении структуры тех

направлений и специальностей, которые предлагались до сих пор в рамках экономического образования. Несмотря на относительно многочисленное количество выпускников, которые закончили учебу в последние годы, на рынке западно-поморского региона не хватает людей с практической подготовкой в области применения современных ИТ-приложений для работы на предприятиях на уровне руководящих кадров, которые бегло владеют профессиональным английским языком. Обучение по всему этому направлению ведется на английском языке; это касается также программ обучения и его результатов. Мы рассчитываем на дальнейшее быстрое развитие данного направления учебы.

Выпускник по специальности «Economics and IT Applications» будет иметь сильную позицию на общемировом рынке труда. Разработанная нами программа обучения учитывает потребность в квалифицированных кадрах, существующую у потенциальных работодателей — предприятий, страховых и инвестиционных акционерных компаний, муниципальных учреждений и органов самоуправления. Поэтому важным элементом реализации нашей программы обучения является сотрудничество с потенциальными работодателями.

Среди преподавателей у нас есть, в частности, пользующиеся широкой известностью так называемые приглашенные профессора. В их числе, например, — проф. д-р Рольф Эггерт, проф. д-р Марио Стоффельс (из Высшей школы устойчивого развития Эберсвальде), проф. д-р Клаудио Виньяли из Англии или проф. Раду Мусетеску из Румынии.

Мы стремимся интернационализировать наше обучение, сделать его более открытым. На сегодняшний день я веду также переговоры с целью привлечь в наше учебное заведение польских преподавателей, которые в постоянном режиме и на протяжении многих лет работают за границей. Эти люди хорошо знают в том числе и польский язык, а также являются, кроме всего, выдающимися специалистами в своей области. Мы хотим, чтобы они работали у нас в качестве приглашенных профессоров с нагрузкой, как минимум, по 60 часов. Занятия они должны будут вести по-английски. На иноязычных специальностях и направлениях у нас учатся потомки польских эмигрантов или поляки, хорошо знающие английский язык либо желающие иметь документ, что они прошли англоязычное обучение, который позволит им легче найти работу, в том числе и за границей.

Много лет расширяя степень интернационализации, мы ищем совместные международные научно-исследовательские

проекты, привлекаем на работу иностранных профессоров и докторов наук. На данный момент у нас уже есть штатные сотрудники, которые имеют польское гражданство, не будучи по рождению поляками. Мы стараемся, чтобы все они были или стали научными работниками самого высокого уровня. На запуском ранее направлении «IT Application» мы приглашаем абитуриентов, проживающих за нашей восточной границей (из России, Украины и Беларуси, — причем несколько таких молодых людей у нас уже имеется), а также студентов из других государств, в частности, из Италии, Германии, Китая или Ирака. Все они обучаются на англоязычном потоке.

— В прошлом году у вас завязалось тесное сотрудничество с Ираном...

— Совместно с научными работниками из этой отдаленной страны мы организовали в декабре 2014 г. международную конференцию «International Conference on Economics, Accounting, Management, Social Science, Engineering, Arts Management and Environment» (Международную конференцию по экономике, бухгалтерскому учету, менеджменту, социальным наукам, инжинирингу, менеджменту в сфере искусства и по проблемам окружающей среды). Это было совместное мероприятие нашего факультета и Международного центра академической коммуникации (ICOAC), который продвигает международное научное сотрудничество, особенно между польскими и иранскими университетами. Председателем научного комитета нашей конференции был д-р наук, инж. Кесра Нерменд, профессор нашего университета, а председателем оргкомитета — д-р Хамидреза Алипур из Исламского университета «Азад» в Тегеране. В конференции участвовало примерно 200 человек.

Когда в Иране появилась информация о нашей конференции, на нее записалось около тысячи человек, и было представлено почти 800 докладов. Все эти лица заявили также о своем желании приехать в Щецин. Визу в Польшу получило около ста иранских научных работников. Любопытно, что в той группе, которая приехала к нам, 10% составляли профессора иранской национальности, проживающие в других странах мира, в США, Великобритании или Ливане.

В составе иранской группы, принимавшей участие в нашей декабрьской конференции, оказались, в частности, заместитель министра просвещения этой страны, а также советник иранского посольства в Варшаве. Участие в нашей конференции было платным. Бесплатно мы предоставили только залы заседаний и техническое оснащение. Иранские

гости выразили желание прислать своих студентов на учебу в Щецин. Кроме того, мы получили от иранских ученых предложения о совместных исследованиях, которые они хотели бы проводить с нами. Одной из предлагаемых ими тем является диверсификация риска на бирже.

— В Щецинском университете существуют два экономических факультета. Почему?

— Так сложилось исторически. Факультет транспорта преобразовался в экономический факультет. Некоторые направления учебы повторяются или дублируются. Другие уникальны, как, например, услуги, экономика услуг, логистика или экономика транспорта, которыми мы не занимаемся. Это сфера второго факультета, располагающегося на улице Цукровой. Поскольку оба факультета обладают полными академическими правами, нет никакого смысла их объединять. К тому же инфраструктуры, которые возникли вокруг них, сегодня не благоприятствуют объединению. Университету это несомненно просто невыгодно, поэтому лучше оставить все, как есть. Объединение привело бы к тому, что у нас стало бы на один экономический факультет меньше, и наша экономическая сила на щецинском рынке от этого отнюдь бы не выросла.

— А не боитесь ли вы, что сегодня выпускается слишком много экономистов?

— Считаю, что никакого перепроизводства экономистов в наше время нет. Мы имеем дело лишь с неправильным использованием наших специалистов. Зачастую в фирмах на те должности, которые должны занимать хорошие экономисты, принимают работать людей, обучавшихся по совсем другим специальностям, закончивших, например, социологию или политологию. Быть может, где-то и наблюдается такое явление, как незначительный избыток экономистов, но в общем и целом наука под названием «экономика» нужна сегодня везде. Я не могу себе представить, чтобы, скажем, в больнице директором был врач. Такой пост должен в обязательном порядке занимать экономист, определяющий в согласии с врачами, которые заведуют отделениями, и со всем остальным персоналом экономическую политику больницы. Он также устанавливает совместно с коллективом, что больница может себе позволить, а что нет. Экономист и врач должны взаимно дополнять друг друга. Поэтому, если мы хотим иметь сильную экономику, то экономистов нам требуется по-настоящему много.

— Вы уже долгие годы занимаетесь финансами...

— Я с давних пор занимаюсь применением количественных методов на рынке капиталов. В первую очередь это финансы в сфере биржевых инвестиций и разного рода биржевые анализы; покупка и продажа; акции, облигации или же пенсионные фонды. На эти темы я пишу статьи и участвую в конференциях.

Мои последние работы вошли в книгу под названием «Бета-коэффициент; теория и практика», написанную вместе с Доротой Витковской и Кшиштофом Компой. Указанная работа посвящена статистическому коэффициенту, устанавливающему степень корреляции между отдачей от инвестиции в акции данного акционерного общества, с одной стороны, и от гипотетической инвестиции в индекс рынка (среднерыночный портфель) или же в четко определенный пакет акций разных акционерных обществ, с другой. Наша книга вышла в 2014 г. Мы планируем перевести ее на фарси и издать в Иране, где она будет служить студентам в качестве дополнительного учебника.

— Вернемся к вашим биржевым интересам ...

— Я внимательно наблюдаю за всем, что делается на мировых и польских биржах.

— Поговорим тогда именно о нашей польской бирже. Какова ее кондиция?

— На нашей бирже в настоящее время продолжается период ожидания. Дело в том, что ключевые решения о том, какой она должна быть, все еще не приняты. До сих пор мы никак не можем решиться на конкретную ее модель. Должна ли это быть автономная биржа? Или это должна быть биржа, сильно связанная с системой европейских бирж — например, с Евронетом^[1] либо с биржами во Франкфурте или Лондоне? Наконец, как должен развиваться рынок производных инструментов — отдельно или совместно? Было бы лучше всего, чтобы правление нашей биржи, иными словами, польское государство быстро приняло решение, в каком направлении она должна развиваться, хотя теоретически, на бумаге, какие-то формулировки уже существуют.

Много лет у нас идут разговоры о приватизации биржи. Люди задумываются над тем, должна ли она управляться и каким образом — то ли в качестве собственности субъектов, зависимых от финансового рынка, то ли все-таки в качестве

собственности государственного казначейства? Это извечная дискуссия, которая существовала ранее при банковской системе: должны ли банки быть польскими или же зарубежными и как трактовать международный капитал?

Ответы на перечисленные вопросы весьма существенны. И их не удастся быстро разрешить. Ведь это же стратегические решения. На фоне политической дискуссии и очередных выборов (...) эти проблемы становятся ключевыми для экономики. Очень жаль, что они, к сожалению, отходят на второй план. Кто дискутирует сейчас о бирже? Кого интересует царящий на ней застой или тот факт, что на ней происходит столь мало событий? Мы ведем дискуссии о политике. (...)

Для меня то, кто принимает решения по экономическим вопросам, гораздо важнее, чем чистая политика. Считаю, что необходимо наконец-то отделить политические вопросы от экономических.

В США экономика не меняется драматическим образом вместе с приходом к власти новой правящей команды. Там нет опасности того, что новые лидеры станут ликвидировать биржу, нет там также и синдрома Греции. В Америке не может случиться так, что появилось новое правительство, и теперь мы не будем платить по долгам и откажемся от евро. Это просто детский сад. Можно, разумеется, манипулировать вокруг биржи или как-то формировать ее, но это ни в коем случае не может являться элементом политики. И наоборот, политика не может являться элементом экономики. При выборе, например, президента какого-либо ключевого для экономики акционерного общества решающими не могут служить политические соображения — потому что, мол, это хороший товарищ, и он будет хорошо зарабатывать, проявит лояльность и станет меня финансировать в ходе избирательной кампании. Здесь необходимы только профессиональные соображения. Впрочем, об этом говорят все, но на разговорах обычно всё и заканчивается.

— А что с рынком капиталов?

— На фоне того, что сейчас делается в польской политике, этот рынок все-таки страдает. Некоторые дела, которые могли бы решаться и четче, и быстрее, или же более транспарентным образом, очень долго продолжают оставаться нерешенными. Хороший пример — наши налоги. Нам постоянно не хватает ответа на вопрос: какими они должны быть? Сколько мы должны платить в государственную казну? Беспреданно

появляются какие-то отдельные идеи. Зато не хватает глобального проекта.

Попытку ответить на указанные вопросы предпринял проф. Лешек Бальцерович, который стал первым, кто создал белую книгу налогов, опубликовав ее в свою бытность министром финансов Польши в 1998 г. Нам следовало бы построить на этом польскую налоговую систему. Я могу согласиться на различные обременения и изменения, если знаю, чему они служат. У меня есть цель, задачи и сроки, я действую в соответствии с запланированным графиком. А политики принимают противоречивые решения — таким образом, чтобы одним уменьшить налоговую нагрузку, а другим помочь. Это своего рода отвинчивание и закручивание гайки.

Для меня, однако, в проблематике рынка капиталов на сегодняшний день по-прежнему присутствует слишком много политики. Вместе с тем это не означает, что ее совсем не должно быть. Зато сущностные соображения говорят о том, что некоторые решения необходимо принимать безусловно быстрее. Ведь если мы ничего нового не придумаем, а при этом знаем, между какими альтернативами делаем выбор, то необходимо в конечном итоге на что-нибудь решиться. Нельзя все время стоять в положении «ноги на ширине плеч». Точно так же обстоит дело с дискуссией по вопросу об открытых пенсионных фондах, которая состоялась и прокатилась по всей стране. Она, однако, мало чему помогла, поскольку правительство все равно поступило так, как хотело. Что это означает? Что решение находится в руках тех, кто стоит у власти. Следовательно, это вопрос умелого использования данного обстоятельства.

Возвращаясь к рынку капиталов в глобальном смысле и к бирже в Польше, я по-прежнему знаю, что ключевые решения отсутствуют. Естественно, этот рынок уже умнее, чем был когда-то. Он уже более стабилен. Но польская биржа неизменно остается биржей из группы средних — возможно, уже не малых. А в случае такой страны, как Польша, при нашем значении в Европейском союзе и при производственном потенциале польской экономики она должна являться одной из ведущих бирж, за которой, кроме всего прочего, должны следить все другие. И располагаться ей надлежит, может быть, не на первом месте, но наверняка в головной группе. Такого, однако, не наблюдается. Это нам приходится оглядываться на всех остальных.

— Благодарю за разговор.

-
1. Евронет — фирма, занимающаяся обработкой электронных денежных транзакций для банковских и торговых учреждений, а также для операторов сотовой телефонии. Владеет также крупнейшей в Европе сетью банкоматов. Широко распространена, например, в Польше и на Украине.

НОВЫЙ ОБЛИК ПРИГРАНИЧНОЙ ТОРГОВЛИ

Восточные районы не должны делать ставку только на традиционные ходовые товары. Наступило время туристического обмена и продуктов с верхней полки.

Близость Белоруссии и Литвы — это шанс быстрого развития для Подлясья. За первое полугодие 2015 года одни только белорусы истратили на покупки в Польше около 1 млрд злотых. Над улучшением торгового обмена размышляли участники панельной дискуссии «Торговля и покупательский туризм», которая состоялась 24 сентября в г. Белосток в рамках Восточного экономического конгресса. Ежедневная юридическая газета «Газета правна» выступила в роли медийного партнера этого мероприятия. По мнению руководителя Таможенной палаты г. Белосток, старшего инспектора Мирослава Сенкевича, всё возрастающее число туристов-покупателей объясняется тремя причинами; «После того, как российской стороной было введено эмбарго на часть продуктов из ЕС, жители калининградской области охотней стали делать покупки в Польше, поскольку здесь они могут найти те товары, которые исчезли с полок магазинов в их родном городе. Если говорить о развитии туризма, это эмбарго идет нам на пользу, хотя это и не значит, что возрастает общий товарный обмен. Во-вторых, я думаю, хотя я и за то, чтобы Польша вошла в зону евро, присоединение к этой зоне Литвы привело к тому, что наши товары для литовцев стали гораздо более конкурентными. В свою очередь мои белорусские коллеги говорят, что ситуация, сложившаяся в Украине, отпугивает часть белорусов от совершения там покупок, поэтому некоторые выбирают спокойный польский рынок», — отмечает старший инспектор М. Сенкевич.

Подлясье с завистью наблюдает за покупательским бумом, наметившимся в Варминско-Мазурском и Поморском воеводствах после введения малого приграничного движения с Россией. Аналогичное соглашение было подписано в 2010 году с Белоруссией. Польша выполнила ратификационную процедуру, однако Минск по политическим и экономическим причинам по-прежнему медлит. «С 12 июня без виз можно пересекать границу в городе Беловежа, в Беловежской пуще. В течение

месяца движение там двукратно возросло. Если бы соглашение о малом приграничном движении вступило в силу, то мы могли бы иметь подобные результаты на всем протяжении границы с Белоруссией», — сказал руководитель Таможенной палаты. В качестве одного из аргументов Минск высказывает опасение относительно пропускной способности пограничных переходов, которые могут быть парализованы в случае, если заработает малое приграничное движение. «Решить эту проблему поможет модернизация переходов. Сейчас на переходе в г. Кузница-Белостокская действует одна дорожная полоса для легковых автомобилей и одна — для грузовых, а по плану их должно быть пять. Очередная инвестиция должна быть направлена на строительство второго моста в Бобровниках. Белорусы расширяют инфраструктуру со своей стороны границы. И это хорошо, ведь чтобы ликвидировать очереди, недостаточно расширять переход в одностороннем порядке», — утверждает Мирослав Сенкевич.

— Наше воеводство стремится к тому, чтобы его воспринимали как ворота на Запад. Мы часто думаем о себе так, как будто здесь на нас заканчивается Европа, забывая, что для белорусов Польша — это как раз ее начало. В Подлясье весьма ощущается оживление покупательского туризма. Возле наших торговых центров часто можно увидеть гораздо больше автомобилей с белорусскими и литовскими регистрационными номерами, чем с польскими, — отмечает Дариуш Гурский, директор Департамента регионального развития Маршалковского управления Подлясского воеводства. «Частота пересечения границы литовцами тесно связана с курсом евро. Курсовая разница — фактор решающий. При привлекательном курсе (4,25–4,3 зл. за евро) растет количество автомобилей, направляющихся в сторону Польши. В магазинах городов Сувалки и Сейны иногда не хватает товаров для местных жителей. Иногда они бывают вынуждены покупать товары из-под прилавка и заказывать у продавцов для себя какие-то вещи», — добавляет Адам Садовский, экономист, преподаватель Белостокского университета.

Согласно данным, которые предоставил Генрик Шиманский, руководитель Отдела содействия торговле и инвестициям Посольства РП в Вильнюсе, целых 12% литовцев регулярно делают покупки в Польше. «Прежде всего, на этом выигрывает продовольственная отрасль, но литовцы покупают также продукты RTV/AGD (предметы радиоэлектроники, товары бытовой химии, хозтовары и строительные материалы), а также садовые инструменты», — отметил дипломат. Исследования, проведенные по нашему заказу

мониторинговой организацией Spinter Tyrimai, подтверждают, что 65% литовцев высоко оценивают наши продукты, отмечая их высокое качество, но большинство все же не считает наши марки престижными.

— Это результат манипулирования качеством продукта, чтобы привести его в соответствие с уровнем цены, ожидаемой в торговых сетях. В таком продукте больше наполнителей и меньше условного сахара в сахаре, — комментирует Адам Садовский. «Главное, чтобы наша промышленность начала конкурировать в отношении качества, а не в отношении цены. Мы не задумываемся об инновациях в их истинном значении, о завоевании новых рынков. Без этого мы никогда не добьемся престижа. Мы должны выстраивать конкуренцию, повышая качество, а не понижая цену», — добавляет Дариуш Гурский.

Наши восточные соседи смотрят сегодня не только на цену. Вкусы белорусов значительно изменились по сравнению с 90-ми годами прошлого века. «Оттуда к нам приезжают два типа клиентов: одни — это те, кто запасается с целью собственного потребления, а другие — это торговцы. Поначалу их интересовали самые дешевые продукты: лук, смалец, яблоки и дешевые сосиски. И все это покупалось в огромных количествах. Теперь они ищут у нас главным образом бытовую химию немецкого производства и предметы бытовой техники и электроники, а также их интересуют продукты самого высокого класса: известные марки кофе или шоколада. Из-за этого почти полностью изменился профиль нашего рынка», — утверждает Януш Анджеевский, председатель рынка «Фасты».

Частично это стало результатом действия новых правил, введенных минским властями: в соответствии с этими правилами вес товара, который можно провезти через границу, не должен превышать 50 кг. «Если кто-то покупает товар для дальнейшей перепродажи, то ему выгоднее купить у нас бытовую химию, чем фрукты и овощи, потому что тогда он больше заработает на сбыте в Белоруссии», — добавляет он.

Участники дискуссии в рамках Конгресса согласились с тем, что нам надо поощрять туристов-покупателей пользоваться услугами в сферах культуры и туризма. Как сообщает модератор дискуссии Эдита Кохлевская, заместитель главного редактора издания «Продовольственный рынок», приезжающие к нам восточные соседи тратят сегодня на услуги приблизительно 3% от тех денег, которые они оставляют в Польше. «Восточные районы Польши все чаще становятся местом отдыха. Тот, кто один раз приехал сюда за покупками, в следующий раз возьмет с собой семью. Можно лучше обустроить Августовский канал,

Беловежскую пушу. Потенциал для развития есть», — комментирует Адам Садовский. «Нам надо как можно чаще приглашать к себе людей не только с целью покупательского туризма, но и с целью совместного инвестирования, с целью организации совместных фирм. Все начинается с покупок, но надо думать и о дальнейшем развитии отношений», — говорит Дариуш Гурский. По его мнению, в школах Подлясья в большей мере, чем где бы то ни было в Польше, следует вводить преподавание русского языка в качестве второго иностранного.

Хорошим примером было соглашение оперного театра Белостока, воеводских властей и Министерства иностранных дел под лозунгом «Виза за билеты», на основании которого белорус, купивший билет на оперный спектакль, мог быстро получить бесплатную культурную визу. Однако в прошлом году МИД отказался от этого мероприятия. «Нам бы хотелось предложить МИД как можно шире использовать подобные решения. Мы хотим интегрироваться с ними, знакомиться с ними, ведь это будет способствовать улучшению торгового обмена, сделает возможным развитие совместных интересов», — утверждает Дариуш Гурский. В том, что приграничная торговля дает огромный шанс для развития региона, никого в Белостоке убеждать не надо. Дариуш Гурский отметил, что в 90-е годы, когда поляки начали активно торговать с восточными соседями, в столице Подлясья количество автомобилей на тысячу жителей было самым высоким в Польше.

ГОРОД ДЛЯ КАЖДОГО

Как следует из доклада Института исследований рыночной экономики, жители Гданьска удовлетворены качеством своей жизни. Довольны своим здоровьем 79% из них. Откуда такие показатели? Мы изучили несколько аспектов жизни гданьчан.

В Гданьске находятся резиденции ряда энергично развивающихся фирм. Особенно интенсивно растет IT-отрасль. «Мы проводим подбор персонала на должности, связанные с IT и промышленной инженерией. Если говорить об IT, то мы, прежде всего, разыскиваем опытных программистов, IT-архитекторов, специалистов по ручному и автоматическому тестированию и валидации систем», — говорит Доминика Арендт из фирмы «Sii», являющейся лидером в области IT и инженерии в Польше. «В течение всего года мы проводим набор стажеров. А также ежегодно организуем программу «Летняя академия талантов». Каждый стажер может специализироваться в «Sii» по одному из трех направлений: программирование, тестирование и обеспечение устойчивости систем IT. Все стажировки в «Sii» оплачиваются. После прохождения практики, длящейся несколько месяцев, существует возможность трудоустройства в «Sii» на постоянной основе», — добавляет она.

Мы все еще приглашаем специалистов в области IT

В гданьском отделении акционерного общества «Comarch» разрабатываются решения по сопровождению индивидуального и группового страхования жизни, по возмещению и ликвидации ущерба, управлению процессами в имущественном и личном страховании, а также в торговых сетях и комиссионерской политике. Здесь работает около 80 человек. «В ближайшее время число сотрудников вырастет за счет стажеров нынешнего года. Мы очень довольны тем, как они работают, поэтому предоставили им возможность войти в постоянный штат наших подразделений», — говорит Наташа Домбровская, HR-бизнес-партнер АО «Comarch».

Фирма по-прежнему ищет новых работников. «Мы приглашаем кандидатов, обладающих компетенцией специалистов IT (программирование, администрирование, обслуживание систем), а также специалистов по продажам. Учитывая разнородность реализуемых проектов, знание

иностранных языков — одно из ключевых требований. Приглашаем всех, кто стремится к профессиональному росту в вышеуказанных областях. Свое предложение мы адресуем как опытным работникам, так и тем, кто только начинает свою профессиональную карьеру», — поясняет Н. Домбровская.

Жилищная субсидия для приезжих

Новых работников принимает также концерн одежды LPP. «С января 2015 г. по сей день на работу в наших головных подразделениях (то есть Гданьск, Пруц Гданский и Краков) было принято 282 человека. До конца года LPP планирует принять в центральные подразделения еще около 40 работников. А в следующем году — около 200 человек», — рассказывает Мария Гжесяк из LPP.

LPP приглашает, в частности, дизайнеров одежды, художников-графиков набивных тканей, технологов готового платья.

На что могут рассчитывать работники LPP? Например, на субсидирование медицинского обслуживания сотрудников и их семей, жилищную дотацию от 1000 злотых и выше для работников из других регионов страны.

Фирма также предлагает оплачиваемые стажировки. «Стажеры могут обратиться за возмещением транспортных расходов или за квартирной субсидией в размере 500 злотых. В LPP стажеры не заняты пресловутой варкой кофе — нет, каждый работает в конкретном отделении, в конкретном проекте и является его интегральной частью. Благодаря этому стажеры быстро приобретают конкретные компетенции. Многие (30–50%) после стажировки находят работу в фирме», — сообщает М. Гжесяк.

Работу также можно искать в «Лотосе». «Группа «Лотос» в нынешнем году приняла около 70 человек, часть из них — это работники на подмену. Мы планируем и далее принимать работников на должности, например, аппаратчиков, операторов технологического оборудования, инженеров по различным направлениям, специалистов в разных отраслях, например, по торговле, финансам, в зависимости от наших потребностей», — говорит Миколай Шляговский из пресс-бюро группы «Лотос».

Новые работники будут охвачены программой «Поддержка на старте». «В зависимости от занимаемой должности она длится от 4 до 12 недель, — рассказывает Шляговский. — В ходе

процесса адаптации работники знакомятся с обязанностями и задачами на рабочем месте, обязательными процедурами, а также интегрируются с персоналом и фирмой, получают поддержку со стороны опытных коллег. Частью процесса адаптации служит однодневное внутреннее обучение, в ходе которого более опытные работники делятся своими знаниями, касающимися процессов и процедур, а также технологий переработки сырой нефти и работы нефтеперегонного завода. Теоретические занятия углубляются в ходе экскурсии по предприятию».

Ведущий американский банк трудоустроит 300 человек

Уже через несколько месяцев в Гданьске откроет свое отделение крупный американский финансовый институт — «State Street Bank». «Фирма планирует принять на работу 300 человек в ближайшем году. Мы остановили выбор на Гданьске по результатам аналитического исследования, охватывающего страны Центральной и Северной Европы. Польша сохранила свою высокую позицию (как и по результатам аналогичного исследования, которое мы провели перед принятием решения об открытии первого отделения в Польше в 2007 г.) Критерии, которые мы принимали во внимание, это, в частности, инфраструктура, связь, экономическая и политическая стабильность, а также возможность привлечения квалифицированных кадров. Детальный анализ показал, что Гданьск будет наилучшим вариантом размещения с точки зрения оптимизации нашей долгосрочной стратегии», — говорит Магдалена Мардош из «State Street Bank Poland».

Скотт Ньюмэн, управляющий директор «State Street Bank Poland», добавляет: «Оказали свое воздействие также такие факторы, как качество жизни в Триграде, а также возможность переезда работников в такой привлекательный регион». «Гданьск, собственно гданьская метрополия, — это город, в котором стоит инвестировать, — Многие инвестиционные преимущества, из которых чаще всего называют географическое положение в центре Европы, развитую систему скоростных дорог, современный аэропорт, интенсивно развивающиеся перегрузочные порты, а также объекты инвестирования, входящие в границы особой зоны, выделяют Гданьск на инвестиционной карте страны», — комментирует Ивона Палишевская, пресс-атташе Поморской особой экономической зоны.

Что еще влияет на привлекательность Гданьска?

«Значительный ресурс высококвалифицированных кадров и благоприятный инвестиционный климат. Поддержку и

помощь в развитии новых фирм сектора ВРО-IT обеспечивают инвесторам в гданьской метрополии, наряду с Поморской особой экономической зоной, стремительно создаваемые современные бизнес-центры с рекреационно-сервисной базой», — объясняет И. Палишевская.

Что со здоровьем?

А как Гданьск заботится о здоровье своих жителей? В этой сфере реализуется несколько профилактических программ. В 2014 году город израсходовал на них 1 141 131 злотый, на 2015 год запланировано 1 246 000 злотых.

Гданьск финансирует, в частности, программу профилактики и раннего выявления цивилизационных заболеваний у детей и молодежи «6–10–14 для здоровья», программу по поддержке и пропаганде грудного вскармливания, подготавливающую беременную и отца ребенка к активным родам, программу предотвращения зубного кариеса у детей в возрасте 1–3 лет.

Не забыли здесь и о потребностях пожилых людей. Город дотирует деятельность гериатрических консультаций «Здоровый Нестор». А с сентября по ноябрь для лиц старше 65 лет, проживающих на территории Гданьска, проводится бесплатная противогриппозная вакцинация в рамках программы здравоохранения «Сделай прививку от гриппа — и будешь радоваться осени жизни». «Эта программа реализуется уже 10 лет и пользуется большим спросом. В минувшем году мы вакцинировали более пяти тысяч пожилых людей. Договоры с исполнителями заключены на три года (2014–2016). На реализацию программы в 2015 г. предусмотрено бюджетное финансирование в сумме 182 тыс. злотых», — сообщает Дариуш Володзько из городского управления здравоохранения.

Несколько дней назад создана также рабочая группа по городской программе охраны психического здоровья. Группа должна разработать план, по которому будет оказываться поддержка лицам с широко понимаемыми психическими нарушениями, их семьям, а также зависимым и не полностью дееспособным лицам. Петр Ковальчук, заместитель президента Гданьска по социальной политике считает: «Гданьску требуется от трех до девяти центров охраны психического здоровья. Пока нет ни одного. Поэтому мы, не оглядываясь на Государственный фонд здравоохранения, хотим в ближайшие годы создать такие центры. Они нужны жителям города. Мы хотим пойти еще дальше и действовать более комплексно: создать специфическую, гданьскую модель охраны психического здоровья».

Иногда надо и отдохнуть

На качество жизни влияет также доступность развлечений. На гданьском футбольном стадионе «Арена» выступают крупнейшие звезды мировой музыки — например, Дженнифер Лопес, группа «Бон Джови», Джастин Тимберлейк. Гданьский театр «Выбжеже» был признан одним из победителей нынешнего сезона в рэнкинге журнала «Театр». Критики обратили особое внимание на два спектакля — «Портрет дамы» и «Броневский». На днях театр открывает новый сезон. К его началу подготовлены две премьеры — «Кто боится Вирджинии Вульф?» и «Интро».

С 16 октября Европейский культурный центр приглашает на фестиваль «All About Freedom». «Достоинством мероприятия является то, что можно будет посмотреть премьеры и фильмы, которые никогда не попадают на экраны больших коммерческих кинотеатров, но получают премии на фестивалях по всему миру», — говорит Ивона Катажинская-Чаплевская, координатор фестиваля.

В нынешнем году на фестивале можно будет посмотреть, в частности, номинированную на «Золотую пальмовую ветвь» киноповесть о семье умершей военной фотожурналистки — «Громче, чем бомбы».

И наконец, еще один существенный момент — отдых. Жители Гданьска чаще всего отдыхают на пляже. Здесь город может похвастаться недюжинным достижением. В нынешнем сезоне на восьми городских пляжах развеялся синий флаг — знак, которым отмечаются места морских купаний, отвечающие самым высоким критериям (в частности, по чистоте воды и безопасности). Это самое большое число в масштабах страны. Синими флагами были отмечены пляжные зоны Елитково, Мол Гданьск-Бжезьно, центра отдыха «Бжезьно», Гданьск-Стоги, Собешево и Орле.

Триградье сейчас — рай для велосипедистов, а Гданьск называют велосипедной столицей Польши. Густая сеть велодорожек дает возможность не только использовать велосипед для отдыха, но и добираться на нем на работу, что поощряют работодатели. Все чаще для тех, кто приезжает на работу на велосипеде, создаются дополнительные удобства. Фирмы вкладывают средства в велосипедные стойки, раздевалки, душевые, бесплатные велосипедные замки. Так, например, работники «Intel Technology Poland» в помещениях на улице Словацкого могут воспользоваться велосипедными стойками и перед зданиями, и в подземном гараже. К услугам

работников теленаблюдение, запирающийся велосипедный ангар со стойками, насосы, а также душевая.

Есть и работодатели, которые доплачивают за проезд на службу на велосипеде. В «Blue Media» за каждый километр пути на велосипеде от дома до работы и обратно работники получают 1 злотый. К настоящему времени в программе «Злотый за километр» приняло участия 56 человек, то есть каждый третий работник. Рекордсмен проехал на двух колесах... около 10 тыс. км.

В заключение: заработки выше средних в Польше

Как следует из данных портала, заработная плата в Гданьске формируется на уровне 4 200 злотых брутто. Это 122% от среднего заработка в Поморском воеводстве и 114% средней зарплаты в Польше. Средний заработок в Поморском воеводстве — 3 440 злотых брутто, а в Польше — 3 700 злотых брутто.

Сколько можно заработать на той или иной должности в Гданьске? Например, консультант клиентов в банке может рассчитывать на зарплату в размере 3 200 злотых, арматурщик — 4 000 злотых, специалист по безопасности и гигиене труда — 5 000 злотых, аналитик телеинформационных систем — 6 500 злотых, программист — 7 081 злотый, специалист по развитию программного обеспечения — 9 000 злотых, а управляющий директор — 27 600 злотых.

СТИХОТВОРЕНИЯ

Читая Гомера

Еще один костыль, еще одна строка,
подпорка для всего, что дальше. Горькое небо, а в нем
полно
непогасшего снега. За тем холмом
найдется малость вечернего, стертого пурпура,
но и только. Слова склоняются к нам,
есть сигнал — путь открыт: отбываем из почтенной
немецкой некогда деревушки — в город
воспоминаний,
минуя неясные образы прошлого.
Как же так, Одиссей? Ведь ты должен был просто
добраться
до Итаки. Никаких сентиментальных прогулок,
никаких ритмических фраз и чудесных картин,
вылетающих, словно мак из горсти.
Ты должен был вернуться и осесть. А ты вторгаешься в
сады,
в летучие химеры, искушая девиц и птиц,
невозмутимо шагая сквозь несуразное целое.

Дыхание

Почему я молчу вопрос
отвечать на который нет смысла на горизонте
ряды деревьев только песня
останется песня есть исповедь

росчерк на полотне желтого неба
под вечер когда пустеют
перроны тема закрыта и баста
прошу не расспрашивать лодка уже
на приколе в этом возрасте
не ждут ветра ждут глубины
дыхания поэтому я молчу наконец я молчу

Конец классицизма

Фарфоровая чашка.
Красно-синий узор на белом фоне.
В окно врывается солнце.
Отчетлив каждый оттенок.
Снижена резкость. Формула прозрачна:
уже не весна, но еще не лето.

Зимняя повесть

Весь день шел густой снег.
Шел и шел. Засыпая мысли.
В глазах встречных людей
тоже шел снег. Такой густой,
что не было сомнений:
в конце концов все заговорят
на языке снега, еле
слышном, шелестящем всю ночь,
да и завтра, день напролет.

Пейзаж начала года

Скелет леса остекленел в линзе

бывшей немецкой зимы, леденящих порывов
северного ветра. Он один в бытии ветра,
среди роящихся буковок, напоенных эфиром из-за
далеких туч,
один на один с протяжным дыханием, в мерзлом узле
двух вечеров и шахматной доски мутно-белых полей.
Он вступает в тайные переговоры с мучительной, но
неизбежной
полнотой воплощенья в углу пейзажа, на давно
забытой тропе.
Это трудней всего на увечном морозе.
Стужа корежит прочную плоть, лепит белую
от паучьего холода душу изгнанника — смерть.

Просперология

Our revels now are ended...^[1]

Душа, лети.
Устрой себе жилище не здесь, не в этой жизни.
Устрой себе густую мглу, корону туч и место для
ночлега
в реке несудоходной.
Так долго ты была в себе. Теперь бегом пускайся в
сторону
той рощи.
Я стар. Тебе — под силу петь.
Так не оглядывайся. Удирай же что есть сил.
Ведь ты — дыханье, солнца миг в ветвях.
Вдруг из огня да в полымя взлетишь —
из светлой зелени в густую синеву иль белизну
туманную.

Душа — уже не серый кардинал. Иные времена.

Должна ты прыгнуть в центр мира, в круговорот
клубящихся энергий.

И сразу станешь частью завтрашней погоды,

хлебов, что уложила на лопатки буря, или
искрящейся, морозной ночи.

Растворись в волнах. Отдай стихиям листья.

Мчись наперерез, наперекор и против шерсти мира.

Не будь отныне упрямой тенью стройных сосен.

Рваниць из берегов — беги, беги вовне себя.

Уйди с дороги.

Место уступи.

Быть — перестань.

Вздохни.

1. Веселье наше позади...

БОЛЬШЕ ЧЕМ МОЛЧАНИЕ

Яцек Гуторов (р. 1970) — критик, сосредоточенный прежде всего на изучении современной судьбы поэтического авангарда, автор новаторских прочтений лингвистической поэзии (Карповича, Вирпши, Милобендзкой, из более молодых — Баранчака и Крыницкого), а также творчества ее нынешних продолжателей и оппонентов.

В своем поэтическом творчестве он исследует родственные связи между сегодняшним днем и тем пластом, куда уходят глубокие корни нашей культуры, проверяя на прочность сформировавшийся в прошлом язык и вписанные в него стереотипы. Новая (после сборника «На берегу реки», подводящего итог прежнего этапа) книга стихов «Листики» (2015) открывается стихотворением «Читая Гомера», посвященным Станиславу Винцензу. Здесь важно всё: адресат (Одиссей), посвящение (певцу гуцульщины, автору тетралогии «На высокой полонине»), наконец — главная мысль. Речь идет о герое, который, вместо того чтоб осесть в Итаке, «вторгается в сады» и «невозмутимо шагает сквозь несуразное целое». Это «несуразное целое» содержит в себе любые мыслимые и немыслимые истории, какие только можно вообразить. Разумеется — в мире, в котором повествователь (говорящий от первого лица множественного числа и по-своему тождественный Одиссею) сообщает: «отбываем из почтенной/ немецкой некогда деревушки — в город воспоминаний». Можно догадаться, что путешествие начинается в окрестностях бывшего когда-то немецким города Ополе, а утраченный город — это Львов. Топография, важная не только для автора стихотворения «Ехать во Львов» (родившегося в 1945 году во Львове нынешнего 70-летнего юбиляра Адама Загаевского), но и для поэта, появившегося на свет 25 лет спустя.

«Еще один костыль, еще одна строка, / подпорка для всего, что дальше», — такие слова открывают книгу Гуторова. Если принять во внимание конструкцию сборника, автор, видимо, отсылает нас к шекспировскому «дальше», которое, как известно — «тишина». В такой интерпретации, пожалуй, нет натяжки, поскольку книгу завершает текст под названием «Просперология». В предшествующей ему поэме «Псалом» (где Гуторов использует библейскую интонацию) появляются

персонажи из «Бури» Шекспира: Просперо, Калибан («дикий и жуткий невольник»), Ариэль («дух воздушный»), дочь Просперо. Ариэль выведен и в стихотворении «*Legenda aurea*», открывающем шекспировскую часть книги. Но — дабы не множить ассоциаций — в этом контексте стоит упомянуть хотя бы драму Ружевича «Ничто в плаще Просперо». По-видимому, не случайно «Псалом» завершает ружевичевская мысль: «Никакой поэзии, только смерть». Я делюсь здесь лишь отрывками моего восприятия, чтобы обозначить смысловое пространство этого многозначного, отмеченного эрудицией, поэтически плотного стихотворного тома, вписанного в сеть многообразных интертекстуальных связей. К примеру: «Остров это остров это остров это остров» — разве не отсылка к словам Гертруды Стайн: «роза это роза это роза это роза»? А в признании «Острова, которые я обнаружил в своей фамилии: Гутенберг, Хлебников», — нет ли отсылки к манифесту Хлебникова и Кручёных «Слово как таковое», где говорится, что произведение может состоять из одного-единственного слова?

И наконец слова из «Псалма»: «Остров украинский, остров русский, остров польский. Архипелаг моего восприятия и фантазии». Но, конечно, это не единственные острова. За пределами архипелага, однако в тесной связи с ним, остаются античность (вторая часть книги) и Шекспир. Если в стихотворении, открывающем сборник, лишь упомянуто «дальше» (мы догадываемся, что речь идет о последних словах «Гамлета»), то в одном из следующих текстов вопрос «что дальше?» находит отзвук в поэтическом опыте:

Почему я молчу вопрос
отвечать на который нет смысла (...)
в этом возрасте
не ждут ветра ждут глубины
дыхания поэтому я молчу наконец я молчу
(«Дыхание»)

Мы знаем (по крайней мере, некоторые из нас), что молчание поэта — это больше чем молчание.

МАТЬ МАКРИНА

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Буду писать правду, одну правду и ничего, кроме правды. Да поможет мне Владыка на небесех и все Святые Его. Аминь. Только-только встала я в Познани у архиепископа Пшилуцкого, только-только к ногам его припала, как, поднявши на него глаза свои мокрые, проговорила:

исповеданиеМакриныМечиславскойигуменьибазильянокминскихобих семилетнемпреследованииизаверу. Как сейчас помню, говорит мне Семашко, а видела я его вот как эту бахромку на кресле у епископа, как эти помпоны у портьеры, рукой могла до него дотянуться, вот так стоял он и разглагольствовал: *Дайте время, уж я-то сорву розгами с вас шкуру, в какой родились, а как отрастет новая, не так запоете,* воистину так говорил, никак не иначе, а стоял он в монастыре со своими приспешниками, вроде тех, что Господа нашего Иисуса Христа в Гефсимании схватили, хотя те пришли ночью холодной, ночью весенней, мартовско-апрельской, перед Пасхою, а эти к нам среди лета на заре заявили. Вот так выговаривал нам Семашко, а я стояла в одеждах своих, игуменьи женской обители базильянской, с перстнем и посохом, а вокруг меня сестрички: Кристина Хувальдова, Непомуцена Гротковская ну и Эвзебия Ваврецкая — та, что со мною впоследствии из неволи московской бежала, сбивши ноги себе, я со спины ее видела, все мы на четыре стороны разбежались, дабы с Божьей помощью от погони уйти, как Святое Семейство от солдат Ирода. Стоит, значит, Семашко, а стоял он на дверях, что солдатня московская, егеря ихние вышибли, аж все скобы и завесы железные как хворостины хрястнули, и вкушает радость от силы своей, мощи своей сатанинской, будто сам Господь наш, Иисус Христос, стоит на вратах адовых, а ведь чинил-то обратное, ведь Церковь Святая вторглась к нам и нами, слугами Божьими, помыкала, угрожала нам; лето было уже в разгаре, так губернатор мирской, Ушаков, весь разодетый, а по морде его пунцовой да толстомясой пот ручьем стекал, а Семашко-то жилистый, как дьявол сух, адовым вихрем пустынным высушен, и так это он к нам, к слугам Божьим, взывает, ко мне взывает: *Ах ты, польская каналья, варшавское ты отродье,* — знал ведь, что я роду высокого и во младости почасту в нашей давней столице Мечиславовой, в столице Мешко нашего пребывала — *варшавское ты отродье,* — вопиет он, стало быть, — *я тебе из горла язык-то вырву, выдерну, выворочу, схвачу так,*

что от самой хватки кровь брызнет, и собакам ненасытным брошу — аж сухая пена едкая у него в углах губ выступила, я ее изблизи видела, он надо мною нагнулся, и каждое слово его как горьким ветром меня обдавало. Ха! — помыслила я, — из Мечислава-то Болеслав Храбрый вышел, а из Мечиславской — камень для пращи Давидовой; так пусть попробует, пусть сразится с женщиной.

Еле забрезжилось, собирались мы аккурат на песнопения, как нас из молитвы точно из лона матери вырвали. Час пятый пробило, и упросила я губернатора, чтоб дозволил нам преступить порог костела, где столько лет мы Богу служили, а Семашко, сдавалось, аж молнии глазами мечет, а я только поглядываю, когда ж на нем сутана апостатская займется огнем серным; но стоило мне препоручить дорогим сестричкам моим в Розарии Ирене Помарнацкой и Либерате Корминувне извлечь из сокровищницы крест наш серебряный, драгоценными камнями украшенный, с реликвиями самого Святого Базилья, как шуйцы святокрадские нам его вырвали, аж из руки сестры Либераты кровь закапала, как предвестие того, что разорвут ее впоследствии насмерть, но она лишь тихонько ойкнула и на милость Провиденья положила. Москаль, по счастью, на драгоценности падок, оттого и позарился он на богатство, а не на крест — обобрал дочиста сокровищницу нашу, одежды наши богатые, алтари, в том числе и все мое приданое, два раза по сто тысяч злотых польских, с каковыми я в обитель вошла, целиком ассигновавши их на благоуукрашение. Да что там богатство, попами и солдатами разграбленное, душа важнее. Разрешили нам взять крест простой, деревянный, ибо мы под сиим знаком на муки пойти собирались. А то, что муки предстоят, нам тогда же и объявили; в таком разе ухватилась я за крест неотесанный, с краями острыми, оперла его на плече на левом, а помощью мне заместо Симона Кириянина сестра Помарнацкая служила, иной раз и другие сестры помочь охоту имели, но едва лишь решались, как егеря, то и знай, палашом их огревали, а то и штыком уязвляли.

Вот таким побытом началась наша Голгофа: чуть только вышли мы из обители через ворота, которые столько раз видела я из окна кельи, как стала искать глазами каких ни есть повозок, что нас бы забрали в изгнание; однако, смекнула быстро, что, отправимся мы в разбойничий их острог своим ходом, со сворой служивых препровождающих. Вот тогда-то и услышали мы крики ребятишек. Ибо обитель наша стояла не токмо для того, чтоб было у нас место, где Бога хвалить, а и для того, чтоб людям служить. И каждый Божий день приходило к нам

столько христарадников, столько нищенков, с гноящимися ранами, без рук, без ног... этому на войне картечью ладонку оторвало или москаль палашом отрубил, этому конь ноги перебил, этот с рождения хромой или морда вся наперекосяк, аж смотреть постыло, эту изнутри страшный червь точил, у той по всему телу чиряки разливаются, один в одного и одна в одну — все чесоточные, завшивленные, паршой покрытые, с колтунами длиною в локоть, в два локтя, и все они к нам тянутся, как к роднику пречистому, в котором мы их обмоём, накормим и напоим. И как будто мало еще было для наших плечей слабоватых — вдобавок и детишки, сироты, шесть десятков их у нас на воспитании было. Как на образах рисуют: солдат иродов поднимает на ребеночка тяжелую рукавицу свою железную, так и тут разбежались егеря со штыками и давай грозить овечкам невинным. А детишки тут же в крик и плач, из окон выглядывают, как сейчас вижу: окно квадратное крест на крест поделенное, и в каждом стеклышке головка детская, испуганная, заплаканная, младшие — то — понизу, а старшие — поверху; одни открывают эти окошки, рученьки протягивают, кричат: *Наших матушек покрали! Наших матушек покрали!* Другие по ступенькам сбегают, ножками топчут, к нам подбегают, за рясу цепляются, а их приклады егерей московских разгоняют, но будто вся жизнь их от того зависит — только и смотрят, когда егерь отвернется — и тут же к нам прилипают. А старшие из них, самые разумные, как и не раз бывало, когда в сад за яблоками кислыми проникали, так и теперь через стену перелезли, ведь москали в воротах стояли, а немного погодя по всему городу разбежались, стучат в двери, кричат во всю мочь: *Наших матушек покрали! Наших матушек покрали!* От крика сего весь город пробудился, повскочили люди с постелей, этот в одной рубахе из дому выскочил, тому жена на спину капот набрасывает, еще кто-то за дыну хватается, все к нам бегут, но догнали нас только у корчмы, что «Отхожим местом» называется, четверть мили от города, а значит, никто и не видел, как нас через ворота монастырские в последний раз выводили изверги московские. Я с крестом иду передом, как Господь наш Иисус, рядом сестра Помарнацкая яко Симон Киринанин, иду и лишь мыслию о муках Господних предаюсь, на свое плечо поглядывая — мол, видать, и у него была на плече, на коем крест нес, такая же рана, три кости из нее торчали обнаженные, и это раздумие о муке не своей, а Иисусовой помогало мне в нашем странствии; иные из нас, особенно старшие и со здоровьем неважным, падали на земь, а там их солдатня терзала прикладами, изуверствовала, невзирая на кровь, так и хлещущую изо рта, из носа да из ног. И вдруг возле корчмы «Отхожее место», которую, поди, заради

смеха так прозвали, а мы возле нее терпели самые большие стеснения, шествие наше остановил Семашко.

Ого как! Три дни прошли с последнего визита его, а он уже не ездил в клубах пыли на своей повозке колымажной, что на каждом камне подскакивала; а с той поры в красивой берлине лакированной, новюсенькой, за императорские рублики купленной, а то, ежели с каким гостем важным, то и в удобной визави а ля дормон, на подушках раскинувшись; с тех пор в тело вошел, раздобрел на харчах московских, покраснел, весь румяный такой, самодовольный. Не прочь ведь был и в Петербург скатать, в придворной церкви царской веру принять схимническую с чином архиерея, а потом и прожект подать, как насильственно наставить греко-католиков на путь истинный и супротив нас обратить свои козни. В первый день нашего мученичества, когда настиг нас вместе с Ушаковым, с губернатором-то, прикатил он в визави. Коляску приказал остановить, встал на ней точно на амвоне и, видать, хотел к нам со словом обратиться, но едва лишь глянул, махнул рукой, кивнул егерю и что-то шепнул ему на ухо. И тут началось светопреставление — летят клеветы во двор корчмы, где ранее кофры стояли, волокут их один за другим на дорогу, открывают крышки, а внутри — кандалы. И забили нас в те кандалы, приковали одну к другой, парами. А мы клали на пень то ноги, то руки, звенели молоты, кровь стекала по лицам расквашенным, по спинушкам размозженным и в землю уходила. Дети плакали: *Наших матушек в кандалы забивают! Наших матушек в кандалы забивают!* Народ вместе с ними плакал, а из толпы выходила то та, то другая женщина, что доброту нашу познала, а то старый христарадник или же набожный человек, и все они молили о благословении, каждый из них у той сестры, которую знал и которая была ему милее, но солдатня безжалостно своими прикладами да штыками народ и детишек разгоняла.

Затих под конец последний молот, последнюю пару сестер в кандалы заковали, плачущих на все четыре стороны разогнали, и пустились мы что есть духу, погоняемые, то по кочкам, то по грязи, почти босые, аж до Витебска.

*

Женщина я обычная: злые люди несправедливостью своей меня не испортили, да озолоти меня с ног до головы, и так бы ничуть не изменилась: вот — одно тело, а в нем одна душа. Красиво петь я не умею, да и вышивать как сестра Юстина Шлегелувна — тоже, она уже теперь ничего не вышьет, ей глаза вырвали, и не рисую я как сестра Розалия Медонецкая, которой

стена каменная руки, ноги и голову разmozжила, и она тотчас померла, но одно у меня всегда было — чутье. Чутье точно у гончей. Но не к запаху сена и лилей, ладану или навозу, не к благовониям и ароматам, а к запаху людей — каждого за версту чужа. А у Семашки, у отступника этого, давно уже серу вынюхала, давно уже глядела на него и вроде бы епископа видела, которому послушанием обязана, но за вóротом его дiавола чужа. И когда ворвался он в обитель и солдатню с собою привел, сёстры, ничего не разумея, перепуганные, ко мне прилетели. Но я-то понимала, еще как понимала. Ибо не впервой сей отступник, схизматик сей, в обитель нашу наведывался, сестричек беспокоил, башкою своей черною, кудлатой как у черта пугал, не впервой точно волк среди овечек, точно хитрая лиса среди курей беленьких прохаживался, то заискивал, то клыки ощеривал, будто целый зверинец в нем бушевал, ведь еще и змея склизкая, и лев яростный, и кабанище замурзанный, смердящий... но однажды приехал и еще с порога каким-то не таким мне показался. А до этого я все утро, меж молитвами, мыслей собрать не могу, слоняюсь из угла в угол, какое-то беспокойство во мне, ни в землю его не зароешь, ни в воде не потопишь, ни в стену не заговоришь, и когда я вдруг увидала в окошке, в таком маленьком окошечке, пробитом в толстой древлей монастырской стене, желтый туман от его колымаги, над всей улицей поднимавшийся, ибо он тогда еще на своей одноконной колымаге убогой ездил, тотчас почувствовала, точно в сердце голос какой-то прошептал: *Вот, вот, что тебя, дочь моя, доченька милая, беспокоит, от того-то все твои беспокойства и боязливость; зло на колымаге едет, зло сейчас постучит в ворота, зло мимо привратницы Марианцеллы Семнишкунны на двор наш въедет*, так что, когда сестрички мои позвали меня, я враз поняла, почто спускаюсь из кельи своей. А он к ногам моим припадает, матерью разлюбезной называет, сказывает, будто новости важные привозит, которые ему однако же при всех говорить возбраняется, лучше б в какое укромное место пойти, в келью мою, и там он мне все поведаст. Через две ступеньки наверх поскакал, по три брал, я же поспеть за ним не могла и решила за ним следовать, а то, что келья открыта — так пусть входит, знает ведь, в какую. А открыта потому, что ни от Бога, ни от сестер моих, ни от иных людей я никогда ничего не скрывала. Едва доплелась я до двери и, еще не отдышавшись, за дверную ручку ухватилась, оперлась на нее, раза три-четыре поглубже вдохнула и глаза на него поднимаю. А он сам не свой, дрожит весь, вроде бы стоит, да не стоит, весь изнутри трясется, содрогается. *Преклоним колени*, говорю, *спервоначалу вместе помолимся*. А он ни в какую, не хочет. Мол, это и подождать может, спешность другого, более важного дела его

сюда приводит. *Важнее молитвы*, вопрошаю с недоверием, но тут он ничего не ответил. Только орденский крест у него на груди, большой такой, красный, поблескивает. Хватъ тогда меня за руку и бумагу сует, чернил ищет на столике моем убогом. Читаю и аж покачнулась. Вмиг смекнула что к чему, без лишних слов уразумела, что же такого нюх мой собачий вынюхал, когда я в окошко колымагу увидала, по засохшей грязи уличной да по камням громыхающей. Что за цели у него, глазами вопрошаю, и стараюсь выследить, какая кость в нем дрожит, а какая крепко держится. Видит, побледнела я, на табуреточку меня тянет, чтоб присела я, а я стою. Я уже в этой келье насиделась. Тридцать лет, день за днем, ночь за ночью, славил Господа, стоя на коленях, лежа на полу крестом, хоть келья — кельюшка моя махонькая, вытяни руки на стороны, и пальцами до стен дотянешься. А в ней все только самое скромное-прескромное: кровать средственная, а точнее настил из досок и сенник с сеном так слежавшимся, что был тонюсенок как власяница, столик крохотный, чтоб письма писать и книжки читать благочестивые, табуреточка самая простенькая, из кухни принесенная, а кресло, что получше, от прежней игуменьи оставшееся, я престарелой сестре отнесла, она, пополам согнутая, возле печи работала, снося неудобства... ну так вот: кровать с сенником, крохотный столик, табуреточка, дощечка с вбитым от испода гвоздем заместо подсвечника, а еще крестик из двух планочек сбитый, на двух камушках крепящийся, что мне матушка подарила, когда шла я в монашество... стало быть: кровать с сенником, крохотный столик, табуреточка, подсвечник из дощечки, крестик — вот и все мое хозяйство тогда было, все мое богатство. Никакого сундука с одеждами, ибо все, что на себе носила, было монастырское и в монастырских шкафах лежало, никаких тарелок-ложек ни баклажек, все это — в трапезной, на кухне, и мне, как и всем нам, было лишь одолжено, да и то, не так, как в богатых обителях, серебряное или хварфоровое, а самое что ни есть простое, из глины да из дерева, отбитое, отколотое... ни одной книжки собственной, ни одной странички, все из библиотеки принесено, читано, с большим решпектом на пустое место отложено, в просвет между двумя книгами на полке дубовой, годами отполированной поставлено. И в этой самой келье я аккурат о ту пору стояла в раздумье, оробевшая, но всю робость свою Марии и Иисусу отдавшая, всю себя, с ног до головы, с кончика пальца на ноге до кончика волоса на макушке препоручивши Богу в покровительство, и слушала, что же мне лиса эта, этот волк, эта змея, дьявол этот в ухо точит. Стою я, а он уже на табуреточке сидит. Я помалкиваю, а он мельче маку рассыпается, слезы льет крокодиловы, мол, с Божьего наставления истину познал единственную, мол,

видение было, на сеннике лежавши, мол, ангел Господень возвестил, дескать, святитель Василий, отец всех нас, первооснователь обители базильянской, отступником был, сатанюю совращен с пути истинного. А что ни слово — точно чешуя змеиная шебаршит, что ни речение — точно спрятавшийся крот слепой в смердящем гробе сидит. Губами своими к руке моей припадает, все лицо от слез и пота мокрое, стылое, как у дохлой рыбы. Матушка, — молвит он, — матуненька, как к родной матери к тебе обращаюсь, как родную мать силится бы от смерти вековечной спасти, так и тебя спасти вождедею, а сам лицом-то стылым по руке мне ездит, червяк мерзейший, — вернись на лоно веры святой, стародавной, православной, ибо все мы как дети из матки вырваны, пищим-попискиваем... подпиши бумагу, что я принес... И слезами меня обмызгивает, а спиртным от него несет и тухлятиной, но я лишь руку за спину отвела, так чтоб пальцы одной ладонки с пальцами другой скрестить, и жарко стала молиться Святому Базилью, чтоб сил мне дал — и глядь, будто чужим голосом заговорила: Разумею, что, будучи в прошлом базильянтом, ты от веры отрекся — а тут от силы две возможности. Али Святой Василий, узрев плевел меж добрых зерен, прочь его отбросил, али ты, почитая недостойным оставаться среди детей его, как веролом и вероотступник сам от них удалился. Как вскочит он на ноги, он, что у ног моих плакался, на этой низкой табуреточке сидючи, матушкой называючи; в один момент, словно ветром горячим адовым обдало его, просох тотчас же, лицо сухое, зато красное, словно внутри огонь бушует, а на лице на этом красном, кровью налитым, глаза вытаращил побелевшие, будто железо раскаленное, клыками здоровущими посверкивает, как волк ощерился и в ту же минуту заговорил на другой лад. О-о-о! Не миновать тебе тут тягостей, ведьма ты пекельная! — верещит он, хоть сам, если б на себя взглянул, испугался бы: точно Вельзевул греховодника из котла со смолою кипящей выпустил и позволил ему по земле свободно расхаживать. Не зови меня ведьмой пекельною, зови ведьмой правды, — я ему на это, а сама тайком руку об рясу и вытерла. Помню это очень твердо, точно на святом образе было нарисовано, ибо аккуратно в окне кельи сойку увидала пролетающую и тень от листьев на стене увидела, так вот помню твердо-претвердо, что далее чужой голос через меня молвил. А он мне: — Кто смелости придает речам сиим? А я ему преспокойно: Господь Бог. Он: Кто тебя научил им? Я: Дух Святой. Он: Знаешь ли, кто я таков? Я: Знаю, апостат, богоотступник. И так каждым ударом своим на мой клинок натыкаясь, каждым словом отскакивая от стены нерушимой, сорвался он на крик, надулся будто пузырь рыбий, разве что красный: Был я пастырем вашим, а теперь поднимай выше... И тут я почуяла, что на голове моей точно огонечек

пляшет блуждающий, как на головах Святых Апостолов Иисусовых, когда Святой Дух на них снизошел, потому что ответила: *Был ты пастырем, а стал скердзем*. Не зная, что и сказать на это, подхватил он полы рясы да так, что костяшки побелели, и из кельи моей выбежал, оставляя дверь настежь открытою, а как отворял ее, так громыхнул старым деревом о стену кельи, что аж эхо пошло по всей галерее, и сестры из своих затворов головы повысовывали. Кивнула я им, чтоб не утрачивали спокойствия и к молитвам вернулись, а сама, ошеломленная и отуманенная, на сенник уселась — ибо на табуреточку еще долго присесть не могла, будто сам диавол на ней сидел и запах серы после себя оставил — и понять старалась, что же я сказала. *Скердзем?* Не знала я слова такого и никогда его не слыхивала. Лишь потом прибегает ко мне сестричка и рассказывает, будто Семашко, отступник этот, как юла заведенная, языком трещит по коридорам обители, а более всего он этого *скердзя* простить мне не может. А я, чутку смущаясь, ведь слово-то мое собственное, из моих уст ненароком изошедшее, спрашиваю: сестра, сестричка, а была это Онуфрия Селявянка, большой доброты женщина и большой набожности, сестра моя, объясни Христа ради, что сей «скердзь» значит и в каком наречии? А та мне в ответ, мол, в наречии обиходном «скердзь» — свинарь значит. Вот так наш пастырь в свинаря превратился, а меня тут без сомнения Дух Святой надоумил, но все мы, стадёнко в нашей обители минской, свиньями не были, а все теми же, что и ранее, овечками пречистыми, и никакой скердзь прав на нас не имел и иметь не мог, будь он хоть в плаще епископском или продолжателем апостолов.

А он опосля то туда, то сюда заглядывал, то к одной сестричке, то к другой, то просил, то грозил, к этой — со словцом льстивым, к той — со сторогостию должности занимаемой, а на иных вроде бы животным магнетизмом действовал, ибо глаза у него не как у обычных людей, а точь-в-точь стекла выпуклые — пустые да светящиеся; всех их перетаскать норовил на сторону свою раскольничью, но они, но мы, все как одна, словно при шторме страшном держались за руки, и хоть волна за волной на нас накатывалась, хоть порывалась с ног свалить, все мы — вместе и каждая по отдельности — твердо стояли там, где вера и устав Святого Базилья нас поставили. Под конец позвал он нас в трапезную, но, думается, не столько позвал, сколько согнал, как собака, тьявкающая на овечек смиренных, показал на меня пальцем своим дрожащим и говорит: *Перестань и будь чем была. Знал я тебя ангелом, а теперь ты мне становишься диаволом*. Аж одна из сестер, несколько старше от остальных, более всех побледнела и только

промолвила чуть слышно: Сохрани нас, Господи. Но ведь я не лыком шита, коли он на меня, так и я на него, и тоже пальцем в него тычу, приговаривая: *Когда ты был ангелом, я к тебе по-ангельски. А теперь, ежели стал ты дьяволом, то я с тобою как с дьяволом.* Тут у него и язык отнялся. Только сжался весь, потянулся за бумагами, что принес нам для подписей, и рассказывает, мол, из уважения к благосклонности Владыки Светлейшего дал нам три месяца на размышления. Но мы-то знали, про какого «светлейшего» он говорит, не про Иисуса, воссиявшего на небе, а только про Люцифера, что во дворце ледовом сидит и в Сибирь кибитку за кибиткой посылает. И получилось, что ни ласками и богатствами он нас не обольстил, ни немилостию царской не устрасил — хором мы ему ответствовали: *Из самого худшего выбираем самое худшее, но от веры не откажемся.* Однако же, когда во гневе вышел он из ворот монастырских и точно грозовая туча в рясе уселся в повозке колымажной, три сестры наши чувств лишились, а еще три впали в ступор, остальные же бросились на колени и молиться стали. Засим взяла я эту пададь, бумаги бледные, что мне Семашко швырнул на голову, и сломала печати с такой тревогою, точно гостию преломляла: а там одно бешенство, казенным языком да пустыми словесами написанное, но меж строк всем нам грозящее самым что ни есть неприглядным: Сибирью, тюрьмой, а рано или поздно — смертью; позднее, когда познали мы муки свои сверх меры, все легче оказалось. Холодно? Пусть будет холодно, Иисус в яслях тоже мерз, а невинному попрошайке мороз под забором голые пятки жжет. Голодно? Вот солдат-калека руку в просьбе протягивает, никто его кроме приبلудшей собаки не стережет — а чем ты лучше? Но в ту годину, не ведая, чего ожидать, тревожились мы пуще всего. О, неуверенность такая — это же мука адская! Одна к другой, другая к третьей, четвертая к первой, вторая к пятой — летаем как те скворушки. Эта советует, чтоб быстрее быстрого взять бумагу да в Рим написать, Отцу Святому, кардиналам, посоветоваться, поспрашивать, у мудрых ума набраться. Другая, сестра Вавжецкая, завсегда воинственная, большая такая, но не дылда голенастая, а крепко сбитая — она уже как генерал, как страшный рыцарь. *Под каждым алтарем, — говорит, — бочку пороха спрятать, и в подпол пороху насыпать, и при этом порохе стражникам службу нести как в лагере военном, с большими свечами, чтоб в любую минуту можно было их к пороху приложить и сгинуть под развалинами, дабы схизмой костела не осквернили.*

Часу не прошло, а мы уже гонцов разослали по обителям окрестным, дабы прознать, не принес ли Семашко и туда письма свои зловещие, не угрожал ли и там битьем и неволей,

не искушал ли и там милостью императорской? А как же! Не только обители греко-католические, но и латинские пробовал переиначить на раскольничьи. Но всюду ему отвечали равным образом.

А потому, когда в июле в пятом часу по утру, вторгся изувер сей в обитель вместе с Ушаковым, губернатором, то хоть и прошло всего-навсего три дни, а не три месяцы, мы доподлинно ведали, что над мундирами егерей в вихре неистовом ангелы летят с охапками веток пальмовых, мученических, будто с алтарей вынутых, от стародавних мучениц, и над улочкой нашею, над нашей обителью ветки те бросают, одну за другой, прямо в сердце наше.

*

Шла я с сестричками моими до Витебска по кочкам да по грязи, шла до Витебска, неся крест как Господь наш Иисус, а помощью мне заместо Симона Киринанина сестра Помарнацкая служила, та самая, что позднее вместе со мной из неволи бежала, даст Бог, она уже и до Рима добралась, а рана у меня на плече открылась аж до кости, и рану сию я Богу в дар принесла за преследователей моих, чтоб вину свою смыли. Ох, а когда впервой мне затрещину вlepили, у меня аж зубы застучали паскудно, натянулась я вся как струночка — меня, польку, в первый раз ударили, меня, польку, на рыночной площади били! И мысль, мысль омерзительная о мщении, гнев раздирающий, по всему телу по жилам расходящийся... но потом возвысила я душу свою и с тех пор за преследователей токмо молилася, а от кулаков да палашей добрый Господь дал мне кольчугу златую, невидимую: и вроде бы солдат рукой на меня замахивался и вроде бы кулаком по шее ударял, а я вроде как ничего и не чувала.

Шла я до Витебска и в душе размышляла: три месяца Семашко — скердзь, а не епископ! — на раздумья давал нам, а сам по прошествии трех дней пришел с егерями, с палашами и палками точно первосвященник со своими слугами в Гефсиманию. Мы аккуратно покорно шли на утреннее раздумье при песнопении, час пятый, еле забрезжилось, а солдатня разбежалась, загородила каждой сестре дорогу в келью, и все они, видя, опасность, сбились в кучку подле меня, как цыплятки к наседке жались. А далее так: путь он мне преградил и чисто Иуда липнет ко мне, а ордена царские на груди у него блестят точь-в-точь чешуя змия, которого Святой Георгий копьем прошил. И вопрошает: *Куда это вы собрались?* Когда же мы дружным хором отвечали, мол, петъ Хвалу Господу, он с ехидством: *На раздумие, на раздумие!* Ведали мы, что за

раздумья он имеет в виду — ночные рыдания келейные да кандалы тяжкие словно грехи смертные. Тогда остановился он, окинул егерей взглядом, скрестил руки, что твой самодержец всея обители, и молвит: *По указу Наисветлейшего Его Величества дал я вам три месяца для раздумий, но прихожу третьего дня, ибо зло, что живет в вас, может стать еще большим.* И вот уже соблазнять начинает, и то угрожает, то подлащивается, мол, император великодушный милостию нас осыплет, а ежели нет, то в Сибирь на каторгу пошлет. Ни одна из моих сестричек не дрогнула ни йоты. Все стояли бок о бок, словно стена, самим Господом сердечной скрепою упроченная, ибо из двух зол так уж лучше работы тяжкие и пусть даже сто Сибирей, чем предательство Христа и его Наместника. Что я ему, опять-таки, спокойным голосом, гляючи в очи, и поведала. Он же взгляда моего не выдержал, отвел глаза да как завопит: *Уж я-то вам обдеру шкуру вашу родительскую, а когда кости обрастут новой — поласковее станете.* Тотчас все мы снова хором, за мной и Эузебией Вавжецкой, той, что потом со мной из неволи бежала, надеюсь, в Риме с ней повидаюсь, закричали: *Да не только шкуру, мясо наше поруби как капусту, а мы и так не отступим от Христа и Наместника его.* Ну и набросился он на меня! Ты, польская каналья варшавская, я тебе язык-то через горло вырву! Через горло язык вырвать! Вот какие слова с уст епископа сорвались, вот какие слова из сердца его выплыли да по языку стекли как по лестнице — и потеряла я всякую надежду выхлопотать у него что бы то ни было; и тогда обошла я его и упала в ноги Ушакову, губернатору, дабы позволил нам проститься с Господом, отслужив службу; тут подлетает Семашко, фырчит, злится, но, видать, у Ушакова под московской шкурой есть какое-никакое место отзывчивое, а в нем хотя бы остатки христианские, и говорит он: *Пускай идут.* И мы пошли. Пали крестом на пол каменный, будто вихорь нас повалил, вихорь и страдание великое, и каждая вскричала: *Господи, мы хотим того, чего Ты хочешь, будь с нами и научи нас муке Твоей, дабы и мы за тебя на муку готовые и отважные были;* едва лишь губы наши произнесли сие, как нас уже выгоняют, кулаками, словом грязным, пинками понуждают встать. Но ни одна не встала, и черным крестом лежим на полу пластом, тридцать пять нас крестом положилося, тридцать четыре встали. Розалия Лаушецкая, тридцать лет в обители проведенная, пятьдесят семи годов, первой приняла пальмовую ветвь мученичества, когда разорвалось сердце ее от любви и болести разом взятых.

Шла я до Витебска с сестричками моими, и мы в глубине души своей вспоминали ее, Розалию Лаушецкую нашу, добрую монашенку, сердца голубиною, что на монастырском полу дух

испустила, и позванивали кандалами, а я в полслууха говорила себе: как тяжело мне кандалы нести, так легко Розалия на небо полетела, и от этого сладость я почуяла и не терзал меня голод. Ибо нам, когда нас в кандалы забивали, вроде бы денег дали, по пять рублей ассигнациями, но тут же офицер эти пять рублей отобрал у каждой монашенки, дабы на них кормить нас. Один раз на стоянке не дал нам ничего, второй раз — снова ничего, в конце концов сжалился, купил нам хлеба, молока и вина, но, поди, для виду только, потому как потом мы не видели ни еды, ни денежек, только кулаки да приклады, спадающие на тела наши измученные. Те пять рублей были выплатой нашей месячной, но за семь лет нам так и не дали более; верняком офицер, что владел нами, точно царь-самодержец, не тщился соблюсти перед начальством видимость и вмиг рубли эти в карман себе спрятал, а заступиться за нас никто не мог.

Шла я до Витебска, и хоть шли мы быстро, первого дня отмахали миль восемь, а то и десять — то тут, то там подбегал к нам добр человек, радетельный, из народа: один хотел вспомочь нас милостыней и денежку, хоть самую мелкую, самую захудалую, в руку совал, другой — облегчение нам принести, но тотчас егерь тут как тут и с плеча, бывало, прикладом бил того, сердобольного, а, бывало, и сестру, которой тот помочь хотел, но чаще обоих. Так шли за нами люди из Минска еще пару дней, пока их вчистую егеря не разогнали. Спать клали нас в крестьянских избах, по две, по четыре, бросивши в угол сноп соломы грязной, а иногда и без нее, возбраняя давать нам горячее, случись хозяева захотели нас покормить. Многие из них бранились на нас в следствие стеснения, которое мы им не по своей охоте создали, или же считая нас сестрами порочными — ибо солдаты сплетни о нас разносили непристойные, мол, ведут нас из монастыря отступников, где ксендз вместе с сестрами полеживал, а потом с ними магичной микстурою плод выгонял и на алтаре Вельзевула чтит, а икона его на иконостасе помещена была под иконой Марии. Да-да, говорили они, под каждой иконой был иной диавол с иным именем: Вельзевул, Люцифер, Левиафан, Велиал, и как рычаг-то переведешь, все святые вмиг исчезают, и показывается иконостас сатанинский, возле которого мы якобы всяческие черные мессы служили и всяческие непристойности чинили не только с этим настоятелем, но и с прибывающими на шабаш чертями. Даже если солдатам и приказано такую клевету разносить, у некоторых крестьян своя голова на плечах была, они кивали, притворялись, дескать, верят в каждое словцо, а когда караулящие нас егеря, которых в избе находилось вдвое супротив нас, задремывали, те тайком да украдкою совали нам в руку то кромку хлеба, то яблоко, а то

луковицу. Ели мы, стараясь зубами не хрупать оченно, и каждая как мышка потихоньку пощипывала. Вот так вот, то читая молитвы, то чуток подремывая, проводили мы ночь аж до самого рассвета, а тогда нас сызнова весь день гнали и вечером который раз в хаты загоняли, в угол на гниющую солому бросали. Только у меня одной заместо постели крушливой был этот крест Господа нашего Иисуса Христа, что предводительствовал нам на пути нашем — день и ночь лежал он на плечах моих каждую минуту, а голова моя была на ногах распятого Господа нашего Иисуса Христа. Жених возле Невесты. И так сладко было!

Шла я до Витебска с сестричками своими без передыху, аж кожа нам с ног посходила, но была во мне сила от Бога, а видать, и двужильность, и таким вот побытом по прошествии семи дней безостановочной ходьбы пришли мы Витебск.

Перевод Ольги Лободзинской

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Буду писать правду, одну правду и ничего, кроме правды. Да поможет мне Владыка на небесех и все Святые Его. Аминь. Только-только встала я в Познани у архиепископа Пшилуцкого, только-только к ногам его припала, как, поднявши на него глаза свои мокрые, проговорила:
исповеданиеМакриныМечиславскойигуменьибазильянокминскихобихсемилетнемпреследованииизаверу. Как сейчас помню, говорит мне Семашко, а видела я его вот как эту бахрому на кресле у епископа, как эти помпоны у портьеры, рукой могла до него дотянуться, вот так стоял он и разглагольствовал: Дайте время, уж я-то сорву розгами с вас шкуру, в какой родились, а как отрастет новая, не так запоете, воистину так говорил, никак не иначе, а стоял он в монастыре со своими приспешниками, вроде тех, что Господа нашего Иисуса Христа в Гефсимании схватили, хотя те пришли ночью холодной, ночью весенней, мартовско-апрельской, перед Пасхою, а эти к нам среди лета на заре заявили. Вот так выговаривал нам Семашко, а я стояла в одеждах своих, игуменьи женской обители базильянской, с перстнем и посохом, а вокруг меня сестрички: Кристина Хувальдова, Непомуцена Гротковская ну и Эвзебия Ваврецкая — та, что со мною впоследствии из неволи московской бежала, сбивши ноги себе, я со спины ее видела, все мы на четыре стороны разбежались, дабы с Божьей помощью от погони уйти, как Святое Семейство от солдат Ирода. Стоит, значит, Семашко, а стоял он на дверях, что солдатня московская, егеря ихние вышибли, аж все скобы и завесы железные как хворостины хрястнули, и вкушает радость от

силы своей, мощи своей сатанинской, будто сам Господь наш, Иисус Христос, стоит на вратах адовых, а ведь чинил-то обратное, ведь Церковь Святая вторглась к нам и нами, слугами Божьими, помыкала, угрожала нам; лето было уже в разгаре, так губернатор мирской, Ушаков, весь разодетый, а по морде его пунцовой да толстомясой пот ручьем стекал, а Семашко-то жилистый, как дьявол сух, адовым вихрем пустынным высушен, и так это он к нам, к слугам Божьим, вызывает, ко мне вызывает: Ах ты, польская каналья, варшавское ты отродье, — знал ведь, что я роду высокого и во младости почасту в нашей давней столице Мечиславовой, в столице Мешко нашего пребывала — варшавское ты отродье, — вопиет он, стало быть, — я тебе из горла язык-то вырву, выдерну, выворочу, схвачу так, что от самой хватки кровь брызнет, и собакам ненасытным брошу — аж сухая пена едкая у него в углах губ выступила, я ее изблизи видела, он надо мною нагнулся, и каждое слово его как горьким ветром меня обдавало. Ха! — помыслила я, — из Мечислава-то Болеслав Храбрый вышел, а из Мечиславской — камень для пращи Давидовой; так пусть попробует, пусть сразится с женщиной.

Еле забрезжилось, собирались мы аккурат на песнопения, как нас из молитвы точно из лона матери вырвали. Час пятый пробило, и упросила я губернатора, чтоб дозволил нам преступить порог костела, где столько лет мы Богу служили, а Семашко, сдавалось, аж молнии глазами мечет, а я только поглядываю, когда ж на нем сутана апостатская займется огнем серным; но стоило мне препоручить дорогим сестричкам моим в Розарии Ирене Помарнацкой и Либерате Корминувне извлечь из сокровищницы крест наш серебряный, драгоценными камнями украшенный, с реликвиями самого Святого Базилья, как шуйцы святокрадские нам его вырвали, аж из руки сестры Либераты кровь закапала, как предвестие того, что разорвут ее впоследствии насмерть, но она лишь тихонько ойкнула и на милость Провиденья положила. Москаль, по счастью, на драгоценности падок, оттого и позарился он на богатство, а не на крест — обобрал дочиста сокровищницу нашу, одежды наши богатые, алтари, в том числе и все мое приданое, два раза по сто тысяч золотых польских, с каковыми я в обитель вошла, целиком ассигновавши их на благоукрашение. Да что там богатство, попами и солдатами разграбленное, душа важнее. Разрешили нам взять крест простой, деревянный, ибо мы под сиим знаком на муки пойти собирались. А то, что муки предстоят, нам тогда же и объявили; в таком разе ухватилась я за крест неотесанный, с краями острыми, оперла его на плече на левом, а помощью мне вместо Симона Кириянина сестра

Помарнацкая служила, иной раз и другие сестры помочь охоту имели, но едва лишь решались, как егеря, то и знай, палашом их огревали, а то и штыком уязвляли.

Вот таким побытом началась наша Голгофа: чуть только вышли мы из обители через ворота, которые столько раз видела я из окна кельи, как стала искать глазами каких ни есть повозок, что нас бы забрали в изгнание; однако, смекнула быстро, что, отправимся мы в разбойничий их острог своим ходом, со сворой служивых препровождающих. Вот тогда-то и услышали мы крики ребятишек. Ибо обитель наша стояла не токмо для того, чтоб было у нас место, где Бога хвалить, а и для того, чтоб людям служить. И каждый Божий день приходило к нам столько христарадников, столько нищенок, с гноящимися ранами, без рук, без ног... этому на войне картечью ладонку оторвало или москаль палашом отрубил, этому конь ноги перебил, этот с рождения хромой или морда вся наперекосяк, аж смотреть постыло, эту изнутри страшный червь точил, у той по всему телу чиряки разливаются, один в одного и одна в одну — все чесоточные, завшивленные, паршой покрытые, с колтунами длиною в локоть, в два локтя, и все они к нам тянутся, как к роднику пречистому, в котором мы их обмоём, накормим и напоим. И как будто мало еще было для наших плечей слабоватых — вдобавок и детишки, сироты, шесть десятков их у нас на воспитании было. Как на образах рисуют: солдат иродов поднимает на ребеночка тяжелую рукавицу свою железную, так и тут разбежались егеря со штыками и давай грозить овечкам невинным. А детишки тут же в крик и плач, из окон выглядывают, как сейчас вижу: окно квадратное крест на крест поделенное, и в каждом стеклышке головка детская, испуганная, заплаканная, младшие-то — понизу, а старшие — поверху; одни открывают эти окошки, рученьки протягивают, кричат: **Наших матушек покрали! Наших матушек покрали!** Другие по ступенькам сбегают, ножками топчут, к нам подбегают, за рясу цепляются, а их приклады егерей московских разгоняют, но будто вся жизнь их от того зависит — только и смотрят, когда егерь отвернется — и тут же к нам прилипают. А старшие из них, самые разумные, как и не раз бывало, когда в сад за яблоками кислыми проникали, так и теперь через стену перелезли, ведь москали в воротах стояли, а немного погодя по всему городу разбежались, стучат в двери, кричат во всю мочь: **Наших матушек покрали! Наших матушек покрали!** От крика сего весь город пробудился, повскочили люди с постелей, этот в одной рубахе из дому выскочил, тому жена на спину капот набрасывает, еще кто-то за дрыну хватается, все к нам бегут, но догнали нас только у корчмы, что «Отхожим местом» называется, четверть мили от города, а

значит, никто и не видел, как нас через ворота монастырские в последний раз выводили изверги московские. Я с крестом иду передом, как Господь наш Иисус, рядом сестра Помарнацкая яко Симон Киринанин, иду и лишь мыслию о муках Господних предаюсь, на свое плечо поглядывая — мол, видать, и у него была на плече, на коем крест нес, такая же рана, три кости из нее торчали обнаженные, и это раздумие о муке не своей, а Иисусовой помогало мне в нашем странствии; иные из нас, особенно старшие и со здоровьем неважным, падали на земь, а там их солдатня терзала прикладами, изуверствовала, невзирая на кровь, так и хлещущую изо рта, из носа да из ног. И вдруг возле корчмы «Отхожее место», которую, поди, заради смеха так прозвали, а мы возле нее терпели самые большие стеснения, шествие наше остановил Семашко.

Ого как! Три дни прошли с последнего визита его, а он уже не ездил в клубы пыли на своей повозке колымажной, что на каждом камне подскакивала; а с той поры в красивой берлине лакированной, новюсенькой, за императорские рублики купленной, а то, ежели с каким гостем важным, то и в удобной визави а ля дормон, на подушках раскинувшись; с тех пор в тело вошел, раздобрел на харчах московских, покраснел, весь румяный такой, самодовольный. Не прочь ведь был и в Петербург скатать, в придворной церкви царской веру принять схимническую с чином архиерея, а потом и прожект подать, как насильственно наставить греко-католиков на путь истинный и супротив нас обратить свои козни. В первый день нашего мученичества, когда настиг нас вместе с Ушаковым, с губернатором-то, прикатил он в визави. Коляску приказал остановить, встал на ней точно на амвоне и, видать, хотел к нам со словом обратиться, но едва лишь глянул, махнул рукой, кивнул егерю и что-то шепнул ему на ухо. И тут началось светопреставление — летят клевреты во двор корчмы, где ранее кофры стояли, волокут их один за другим на дорогу, открывают крышки, а внутри — кандалы. И забили нас в те кандалы, приковали одну к другой, парами. А мы клали на пень то ноги, то руки, звенели молоты, кровь стекала по лицам расквашенным, по спинушкам разmozженным и в землю уходила. Дети плакали: Наших матушек в кандалы забивают! Наших матушек в кандалы забивают! Народ вместе с ними плакал, а из толпы выходила то та, то другая женщина, что доброту нашу познала, а то старый христарадник или же набожный человек, и все они молили о благословении, каждый из них у той сестры, которую знал и которая была ему милее, но солдатня безжалостно своими прикладами да штыками народ и детишек разгоняла.

Затих под конец последний молот, последнюю пару сестер в кандалы заковали, плачущих на все четыре стороны разогнали, и пустились мы что есть духу, погоняемые, то по кочкам, то по грязи, почти босые, аж до Витебска.

*

Женщина я обычная: злые люди несправедливостью своей меня не испортили, да озолоти меня с ног до головы, и так бы ничуть не изменилась: вот — одно тело, а в нем одна душа. Красиво петь я не умею, да и вышивать как сестра Юстина Шлегелувна — тоже, она уже теперь ничего не вышьет, ей глаза вырвали, и не рисую я как сестра Розалия Медонецкая, которой стена каменная руки, ноги и голову размозжила, и она тотчас померла, но одно у меня всегда было — чутье. Чутье точно у гончей. Но не к запаху сена и лилей, ладану или навозу, не к благовониям и ароматам, а к запаху людей — каждого за версту чуюла. А у Семашки, у отступника этого, давно уже серу вынюхала, давно уже глядела на него и вроде бы епископа видела, которому послушанием обязана, но за вóротом его дьявола чуюла. И когда ворвался он в обитель и солдатню с собою привел, сёстры, ничего не разумея, перепуганные, ко мне прилетели. Но я-то понимала, еще как понимала. Ибо не впервой сей отступник, схизматик сей, в обитель нашу наведывался, сестричек беспокоил, башкою своей черною, кудлатой как у черта пугал, не впервой точно волк среди овечек, точно хитрая лиса среди курей беленьких прохаживался, то заискивал, то клыки ощеривал, будто целый зверинец в нем бушевал, ведь еще и змея склизкая, и лев яростный, и кабанище замурзанный, смердящий... но однажды приехал и еще с порога каким-то не таким мне показался. А до этого я все утро, меж молитвами, мыслей собрать не могу, слоняюсь из угла в угол, какое-то беспокойство во мне, ни в землю его не зароешь, ни в воде не потопишь, ни в стену не заговоришь, и когда я вдруг увидала в окошке, в таком маленьком окошечке, пробитом в толстой древлей монастырской стене, желтый туман от его колымаги, над всей улицей поднимавшийся, ибо он тогда еще на своей одноконной колымаге убогой ездил, тотчас почуюла, точно в сердце голос какой-то прошептал: Вот, вот, что тебя, дочь моя, доченька милая, беспокоит, от того-то все твои беспокойства и боязливость; зло на колымаге едет, зло сейчас постучит в ворота, зло мимо привратницы Марианцеллы Семнишкунны на двор наш въедет, так что, когда сестрички мои позвали меня, я враз поняла, почто спускаюсь из кельи своей. А он к ногам моим припадает, матерью разлюбезной называет, рассказывает, будто новости важные привозит, которые ему

однако же при всех говорить возбраняется, лучше б в какое укромное место пойти, в келью мою, и там он мне все поведаст. Через две ступеньки наверх поскакал, по три брал, я же поспеть за ним не могла и решила за ним следовать, а то, что келья открыта — так пусть входит, знает ведь, в какую. А открыта потому, что ни от Бога, ни от сестер моих, ни от иных людей я никогда ничего не скрывала. Едва доплелась я до двери и, еще не отдышавшись, за дверную ручку ухватилась, оперлась на нее, раза три-четыре поглубже вдохнула и глаза на него поднимаю. А он сам не свой, дрожит весь, вроде бы стоит, да не стоит, весь изнутри трясется, содрогается. Преклоним колени, говорю, спервоначалу вместе помолимся. А он ни в какую, не хочет. Мол, это и подождать может, спешность другого, более важного дела его сюда приводит. Важнее молитвы, вопрошаю с недоверием, но тут он ничего не ответил. Только орденский крест у него на груди, большой такой, красный, поблескивает. Хвать тогда меня за руку и бумагу сует, чернил ищет на столике моем убогом. Читаю и аж покачнулась. Вмиг смекнула что к чему, без лишних слов уразумела, что же такого нюх мой собачий вынюхал, когда я в окошко колымагу увидала, по засохшей грязи уличной да по камням громыхающей. Что за цели у него, глазами вопрошаю, и стараюсь выследить, какая кость в нем дрожит, а какая крепко держится. Видит, побледнела я, на табуреточку меня тянет, чтоб присела я, а я стою. Я уже в этой кельи насиделась. Тридцать лет, день за днем, ночь за ночью, славил Господа, стоя на коленях, лежа на полу крестом, хоть келья — кельюшка моя махонькая, вытяни руки на стороны, и пальцами до стен дотянешься. А в ней все только самое скромное-прескромное: кровать средственная, а точнее настил из досок и сенник с сеном так слежавшимся, что был тонюсенок как власяница, столик крохотный, чтоб письма писать и книжки читать благочестивые, табуреточка самая простенькая, из кухни принесенная, а кресло, что получше, от прежней игуменьи оставшееся, я престарелой сестре отнесла, она, пополам согнутая, возле печи работала, снося неудобства... ну так вот: кровать с сенником, крохотный столик, табуреточка, дощечка с вбитым от испода гвоздем заместо подсвечника, а еще крестик из двух планочек сбитый, на двух камушках крепящийся, что мне матушка подарила, когда шла я в монашество... стало быть: кровать с сенником, крохотный столик, табуреточка, подсвечник из дощечки, крестик — вот и все мое хозяйство тогда было, все мое богатство. Никакого сундука с одеждами, ибо все, что на себе носила, было монастырское и в монастырских шкафах лежало, никаких тарелок-ложек ни баклажек, все это — в трапезной, на кухне, и мне, как и всем нам, было лишь одолжено, да и то, не так, как в богатых обителях, серебряное или хварфоровое, а самое что ни

есть простое, из глины да из дерева, отбитое, отколотое... ни одной книжки собственной, ни одной странички, все из библиотеки принесено, читано, с большим респектом на пустое место отложено, в просвет между двумя книгами на полке дубовой, годами отполированной поставлено. И в этой самой келье я аккурат о ту пору стояла в раздумье, оробевшая, но всю робость свою Марии и Иисусу отдавшая, всю себя, с ног до головы, с кончика пальца на ноге до кончика волоса на макушке препоручивши Богу в покровительство, и слушала, что же мне лиса эта, этот волк, эта змея, дьявол этот в ухо точит. Стою я, а он уже на табуреточке сидит. Я помалкиваю, а он мельче маку рассыпается, слезы льет крокодиловы, мол, с Божьего наставления истину познал единственную, мол, видение было, на сеннике лежавши, мол, ангел Господень возвестил, дескать, святитель Василий, отец всех нас, первооснователь обители базильянской, отступником был, сатаной соvrащен с пути истинного. А что ни слово — точно чешуя змеиная шебаршит, что ни речение — точно спрятавшийся крот слепой в смердящем гробе сидит. Губами своими к руке моей припадает, все лицо от слез и пота мокрое, стылое, как у дохлой рыбы. Матушка, — молвит он, — матуненька, как к родной матери к тебе обращаюсь, как родную мать силился бы от смерти вековой спасти, так и тебя спасти вождедею, а сам лицом-то стылым по руке мне ездит, червяк мерзейший, — вернись на лоно веры святой, стародавней, православной, ибо все мы как дети из матки вырваны, пищим-попискиваем... подпиши бумагу, что я принес... И слезами меня обмызгивает, а спиртным от него несет и тухлятиной, но я лишь руку за спину отвела, так чтоб пальцы одной ладонки с пальцами другой скрестить, и жарко стала молиться Святому Базилью, чтоб сил мне дал — и глядь, будто чужим голосом заговорила: Разумею, что, будучи в прошлом базильянтом, ты от веры отрекся — а тут от силы две возможности. Али Святой Василий, узрев плевел меж добрых зерен, прочь его отбросил, али ты, почитая недостойным оставаться среди детей его, как веролом и вероотступник сам от них удалился. Как вскочит он на ноги, он, что у ног моих плакался, на этой низкой табуреточке сидючи, матушкой называючи; в один момент, словно ветром горячим адовым обдало его, просох тотчас же, лицо сухое, зато красное, словно внутри огонь бушует, а на лице на этом красном, кровью налитым, глаза вытаращил побелевшие, будто железо раскаленное, клыками здоровущими посверкивает, как волк ощерился и в ту же минуту заговорил на другой лад. О-о-о! Не миновать тебе тут тягостей, ведьма ты пекельная! — верещит он, хоть сам, если б на себя взглянул, испугался бы: точно Вельзевул греховодника из котла со смолою кипящей выпустил

и позволил ему по земле свободно расхаживать. Не зови меня ведьмой пекельною, зови ведьмой правды, — я ему на это, а сама тайком руку об рясу и вытерла. Помню это очень твердо, точно на святом образе было нарисовано, ибо аккуратно в окне кельи сойку увидела пролетающую и тень от листьев на стене увидела, так вот помню твердо-претвердо, что далее чужой голос через меня молвил. А он мне: — Кто смелости придает речам сиим? А я ему преспокойно: Господь Бог. Он: Кто тебя научил им? Я: Дух Святой. Он: Знаешь ли, кто я таков? Я: Знаю, апостат, богоотступник. И так каждым ударом своим на мой клинок натыкаясь, каждым словом отскакивая от стены нерушимой, сорвался он на крик, надулся будто пузырь рыбий, разве что красный: Был я пастырем вашим, а теперь поднимай выше... И тут я почуяла, что на голове моей точно огонечек пляшет блуждающий, как на головах Святых Апостолов Иисусовых, когда Святой Дух на них снизошел, потому что ответила: Был ты пастырем, а стал скердзем. Не зная, что и сказать на это, подхватил он полы рясы да так, что костяшки побелели, и из кельи моей выбежал, оставляя дверь настежь открытою, а как отворял ее, так громыхнул старым деревом о стену кельи, что аж эхо пошло по всей галерее, и сестры из своих затворов головы повысовывали. Кивнула я им, чтоб не утрачивали спокойствия и к молитвам вернулись, а сама, ошеломленная и отуманенная, на сенник уселась — ибо на табуреточку еще долго присесть не могла, будто сам диавол на ней сидел и запах серы после себя оставил — и понять старалась, что же я сказала. Скердзем? Не знала я слова такого и никогда его не слыхивала. Лишь потом прибегает ко мне сестричка и рассказывает, будто Семашко, отступник этот, как юла заведенная, языком трещит по коридорам обители, а более всего он этого скердзя простить мне не может. А я, чутку смущаясь, ведь слово-то мое собственное, из моих уст ненароком изошедшее, спрашиваю: сестра, сестричка, а была это Онуфрия Селявянка, большой доброты женщина и большой набожности, сестра моя, объясни Христа ради, что сей «скердзь» значит и в каком наречии? А та мне в ответ, мол, в наречии обиходном «скердзь» — свинарь значит. Вот так наш пастырь в свинаря превратился, а меня тут без сомнения Дух Святой надоумил, но все мы, стадёнко в нашей обители минской, свиньями не были, а все теми же, что и ранее, овечками пречистыми, и никакой скердзь прав на нас не имел и иметь не мог, будь он хоть в плаще епископском или продолжателем апостолов.

А он опосля то туда, то сюда заглядывал, то к одной сестричке, то к другой, то просил, то грозил, к этой — со словцом льстивым, к той — со сторогостию должности занимаемой, а

на иных вроде бы животным магнетизмом действовал, ибо глаза у него не как у обычных людей, а точь-в-точь стекла выпуклые — пустые да светящиеся; всех их перетащить норовил на сторону свою раскольничью, но они, но мы, все как одна, словно при шторме страшном держались за руки, и хоть волна за волной на нас накатывалась, хоть порывалась с ног свалить, все мы — вместе и каждая по отдельности — твердо стояли там, где вера и устав Святого Базилья нас поставили. Под конец позвал он нас в трапезную, но, думается, не столько позвал, сколько согнал, как собака, твякающая на овечек смиренных, показал на меня пальцем своим дрожащим и говорит: Перестань и будь чем была. Знал я тебя ангелом, а теперь ты мне становишься дьяволом. Аж одна из сестер, несколько старше от остальных, более всех побледнела и только промолвила чуть слышно: Сохрани нас, Господи. Но ведь я не лыком шита, коли он на меня, так и я на него, и тоже пальцем в него тычу, приговаривая: Когда ты был ангелом, я к тебе по-ангельски. А теперь, ежели стал ты дьяволом, то я с тобою как с дьяволом. Тут у него и язык отнялся. Только сжался весь, потянулся за бумагами, что принес нам для подписей, и рассказывает, мол, из уважения к благосклонности Владыки Светлейшего дал нам три месяца на размышления. Но мы-то знали, про какого «светлейшего» он говорит, не про Иисуса, воссиявшего на небе, а только про Люцифера, что во дворце ледовом сидит и в Сибирь кибитку за кибиткой посылает. И получилось, что ни ласками и богатствами он нас не обольстил, ни немилостию царской не устрасил — хором мы ему ответствовали: Из самого худшего выбираем самое худшее, но от веры не откажемся. Однако же, когда во гневе вышел он из ворот монастырских и точно грозовая туча в рясе уселся в повозке колымажной, три сестры наши чувств лишились, а еще три впали в ступор, остальные же бросились на колени и молиться стали. Засим взяла я эту пададь, бумаги бледные, что мне Семашко швырнул на голову, и сломала печати с такой тревогою, точно гостию преломляла: а там одно бешенство, казенным языком да пустыми словесами написанное, но меж строк всем нам грозящее самым что ни есть неприглядным: Сибирью, тюрьмой, а рано или поздно — смертью; позднее, когда познали мы муки свои сверх меры, все легче оказалось. Холодно? Пусть будет холодно, Иисус в яслях тоже мерз, а невинному попрошайке мороз под забором голые пятки жжет. Голодно? Вот солдат-калека руку в просьбе протягивает, никто его кроме приبلудшей собаки не стережет — а чем ты лучше? Но в ту годину, не ведая, чего ожидать, тревожились мы пуще всего. О, неуверенность такая — это же мука адская! Одна к другой, другая к третьей, четвертая к первой, вторая к пятой — летаем как те скворушки. Эта советует, чтоб быстрее быстрого

взять бумагу да в Рим написать, Отцу Святому, кардиналам, посоветоваться, поспрашивать, у мудрых ума набраться. Другая, сестра Вавжецкая, завсегда воинственная, большая такая, но не дылда голенастая, а крепко сбита — она уже как генерал, как страшный рыцарь. Под каждым алтарем, — говорит, — бочку пороха спрятать, и в подпол пороху насыпать, и при этом порохе стражникам службу нести как в лагере военном, с большими свечами, чтоб в любую минуту можно было их к пороху приложить и сгнуть под развалинами, дабы схизмой костела не осквернили.

Часу не прошло, а мы уже гонцов разослали по обителям окрестным, дабы прознать, не принес ли Семашко и туда письма свои зловещие, не угрожал ли и там битьем и неволей, не искушал ли и там милостью императорской? А как же! Не только обители греко-католические, но и латинские пробовал переиначить на раскольничьи. Но всюду ему отвечали равным образом.

А потому, когда в июле в пятом часу по утру, вторгся изувер сей в обитель вместе с Ушаковым, губернатором, то хоть и прошло всего-навсего три дни, а не три месяцы, мы доподлинно ведали, что над мундирами егерей в вихре неистовом ангелы летят с охапками веток пальмовых, мученических, будто с алтарей вынутых, от стародавних мучениц, и над улочкой нашею, над нашей обителью ветки те бросают, одну за другой, прямо в сердце наше.

*

Шла я с сестричками моими до Витебска по кочкам да по грязи, шла до Витебска, неся крест как Господь наш Иисус, а помощью мне заместо Симона Кирикеевича сестра Помарнацкая служила, та самая, что позднее вместе со мной из неволи бежала, даст Бог, она уже и до Рима добралась, а рана у меня на плече открылась аж до кости, и рану сию я Богу в дар принесла за преследователей моих, чтоб вину свою смыли. Ох, а когда впервой мне затрещину влепили, у меня аж зубы застучали паскудно, натянулась я вся как струночка — меня, польку, в первый раз ударили, меня, польку, на рыночной площади били! И мысль, мысль омерзительная о мщении, гнев раздирающий, по всему телу по жилам расходящийся... но потом возвысила я душу свою и с тех пор за преследователей токмо молилась, а от кулаков да палашей добрый Господь дал мне кольчугу златую, невидимую: и вроде бы солдат рукой на меня замахивался и вроде бы кулаком по шее ударял, а я вроде как ничего и не чувала.

Шла я до Витебска и в душе размышляла: три месяца Семашко — скердзь, а не епископ! — на раздумья давал нам, а сам по прошествии трех дней пришел с егерями, с палашами и палками точно первосвященник со своими слугами в Гефсиманию. Мы аккуратно покорно шли на утреннее раздумье при песнопении, час пятый, еле забрезжилось, а солдатня разбежалась, загородила каждой сестре дорогу в келью, и все они, видя, опасность, сбились в кучку подле меня, как цыплятки к наседке жались. А далее так: путь он мне преградил и чисто Иуда липнет ко мне, а ордена царские на груди у него блестят точь-в-точь чешуя змия, которого Святой Георгий копьем прошил. И вопрошает: Куда это вы собрались? Когда же мы дружным хором отвечали, мол, петъ Хвалу Господу, он с ехидством: На раздумие, на раздумие! Ведали мы, что за раздумья он имеет в виду — ночные рыдания келейные да кандалы тяжкие словно грехи смертные. Тогда остановился он, окинул егерей взглядом, скрестил руки, что твой самодержец всея обители, и молвит: По указу Наисветлейшего Его Величества дал я вам три месяца для раздумий, но прихожу третьего дня, ибо зло, что живет в вас, может стать еще большим. И вот уже соблазнять начинает, и то угрожает, то подлащивается, мол, император великодушный милостию нас осыплет, а ежели нет, то в Сибирь на каторгу пошлет. Ни одна из моих сестричек не дрогнула ни йоты. Все стояли бок о бок, словно стена, самым Господом сердечной скрепою упроченная, ибо из двух зол так уж лучше работы тяжкие и пусть даже сто Сибирей, чем предательство Христа и его Наместника. Что я ему, опять-таки, спокойным голосом, глядячи в очи, и поведала. Он же взгляда моего не выдержал, отвел глаза да как завопит: Уж я-то вам обдеру кожу вашу родительскую, а когда кости обрастут новой — поласковее станете. Тотчас все мы снова хором, за мной и Эузебией Вавжецкой, той, что потом со мной из неволи бежала, надеюсь, в Риме с ней повидаюсь, закричали: Да не только кожу, мясо наше поруби как капусту, а мы и так не отступим от Христа и Наместника его. Ну и набросился он на меня! Ты, польская каналья варшавская, я тебе язык-то через горло вырву! Через горло язык вырвать! Вот какие слова с уст епископа сорвались, вот какие слова из сердца его выплыли да по языку стекли как по лестнице — и потеряла я всякую надежду выхлопотать у него что бы то ни было; и тогда обошла я его и упала в ноги Ушакову, губернатору, дабы позволил нам проститься с Господом, отслужив службу; тут подлетает Семашко, фырчит, злится, но, видать, у Ушакова под московской шкурой есть какое-никакое место отзывчивое, а в нем хотя бы остатки христианские, и говорит он: Пускай идут. И мы пошли. Пали крестом на пол каменный, будто вихорь нас повалил, вихорь и страдание великое, и каждая вскричала:

Господи, мы хотим того, чего Ты хочешь, будь с нами и научи нас муке Твоей, дабы и мы за тебя на муку готовые и отважные были; едва лишь губы наши произнесли сие, как нас уже выгоняют, кулаками, словом грязным, пинками понуждают встать. Но ни одна не встала, и черным крестом лежим на полу пластом, тридцать пять нас крестом положилося, тридцать четыре встали. Розалия Лаушецкая, тридцать лет в обители прошедшая, пятьдесят семи годов, первой приняла пальмовую ветвь мученичества, когда разорвалось сердце ее от любви и болезни разом взятых.

Шла я до Витебска с сестричками моими, и мы в глубине души своей вспоминали ее, Розалию Лаушецкую нашу, добрую монашенку, сердца голубиною, что на монастырском полу дух испустила, и позванивали кандалами, а я в полслуша говорила себе: как тяжело мне кандалы нести, так легко Розалия на небо полетела, и от этого сладость я почувяла и не терзал меня голод. Ибо нам, когда нас в кандалы забивали, вроде бы денег дали, по пять рублей ассигнациями, но тут же офицер эти пять рублей отобрал у каждой монашенки, дабы на них кормить нас. Один раз на стоянке не дал нам ничего, второй раз — снова ничего, в конце концов сжалился, купил нам хлеба, молока и вина, но, поди, для виду только, потому как потом мы не видели ни еды, ни денежек, только кулаки да приклады, спадающие на тела наши измученные. Те пять рублей были выплатой нашей месячной, но за семь лет нам так и не дали более; верняком офицер, что владел нами, точно царь-самодержец, не тщился соблюсти перед начальством видимость и вмиг рубли эти в карман себе спрятал, а заступиться за нас никто не мог.

Шла я до Витебска, и хоть шли мы быстро, первого дня отмахали миль восемь, а то и десять — то тут, то там подбегал к нам добр человек, радетельный, из народа: один хотел вспомочь нас милостыней и денежку, хоть самую мелкую, самую захудалую, в руку совал, другой — облегчение нам принесть, но тотчас егерь тут как тут и с плеча, бывало, прикладом бил того, сердобольного, а, бывало, и сестру, которой тот помочь хотел, но чаще обоих. Так шли за нами люди из Минска еще пару дней, пока их вчистую егеря не разогнали. Спать клали нас в крестьянских избах, по две, по четыре, бросивши в угол сноп соломы грязной, а иногда и без нее, возбраняя давать нам горячее, случись хозяева захотели нас покормить. Многие из них бранились на нас в следствие стеснения, которое мы им не по своей охоте создали, или же считая нас сестрами порочными — ибо солдаты сплетни о нас разносили непристойные, мол, ведут нас из монастыря отступников, где ксендз вместе с сестрами полеживал, а потом

с ними магичной микстурою плод выгонял и на алтаре Вельзевула чтит, а икона его на иконостасе помещена была под иконой Марии. Да-да, говорили они, под каждой иконой был иной диавол с иным именем: Вельзевул, Люцифер, Левиафан, Велиал, и как рычаг-то переведешь, все святые вмиг исчезают, и показывается иконостас сатанинский, возле которого мы якобы всяческие черные мессы служили и всяческие непристойности чинили не только с этим настоятелем, но и с прибывающими на шабаш чертями. Даже если солдатам и приказано такую клевету разносить, у некоторых крестьян своя голова на плечах была, они кивали, притворялись, дескать, верят в каждое словцо, а когда караулящие нас егеря, которых в избе находилось вдвое супротив нас, задремывали, те тайком да украдкою совали нам в руку то кромку хлеба, то яблоко, а то луковицу. Ели мы, стараясь зубами не хрупать оченно, и каждая как мышка потихоньку пощипывала. Вот так вот, то читая молитвы, то чуток подремывая, проводили мы ночь аж до самого рассвета, а тогда нас сызнова весь день гнали и вечером который раз в хаты загоняли, в угол на гниющую солому бросали. Только у меня одной заместо постели крушливой был этот крест Господа нашего Иисуса Христа, что предводительствовал нам на пути нашем — день и ночь лежал он на плечах моих каждую минуту, а голова моя была на ногах распятого Господа нашего Иисуса Христа. Жених возле Невесты. И так сладко было!

Шла я до Витебска с сестричками своими без передыху, аж кожа нам с ног посходила, но была во мне сила от Бога, а видать, и двужильность, и таким вот побытом по прошествии семи дней безостановочной ходьбы пришли мы Витебск.

Перевод Ольги Лободзинской

КУЛЬТУРНАЯ ХРОНИКА

В Польше — смена власти. Ее сейчас осуществляют «Объединенные правые» во главе с «Правом и справедливостью». Так что нынешняя культурная хроника не обойдется без политических акцентов.

Министром культуры и национального наследия, а одновременно вице-премьером в правительстве Беаты Шидло стал профессор Петр Глинский. Новый министр — социолог и экономист. В свое время он участвовал в экологическом движении, в 90-е состоял в партии «Уния свободы», а недавно выдвигался партией «Право и справедливость» на пост премьера в техническом правительстве. Родился 20 апреля 1954 года в Варшаве, учился в Институте экономических наук, потом в Институте социологии Варшавского университета, в 1978 году получил степень магистра экономики.

В интервью Польскому агентству печати (ПАП) проф. Глинский рассказал о грядущих переменах: «Я буду стремиться дать возможность проявить себя тем художникам, творческим группам и институциям, которые до сих пор с большим трудом пробивались в публичную сферу или вообще не имели туда доступа. Раздел общественного пирога, конечно же, будет иным, чем прежде. Это не значит, что какие-то даже очень альтернативные или левые институции будут сразу лишены финансирования, но думаю, что пропорция серьезно изменится». Г-н министр сказал, что правительство не планирует реванша: «Я никого не собираюсь пугать, не будет никаких черных списков, любое ценное начинание будет иметь шанс получить финансирование, но наша роль и наше право состоят в том, чтобы тщательно оценить предложенные проекты, выявить, что ценно, что является общественным благом и что заслуживает государственной поддержки».

Как и председатель «Права и справедливости» Ярослав Качинский, новый министр подчеркивает значимость исторической политики: «Речь идет о том, чтобы поляки могли гордиться своей историей. Мы планируем, например, финансировать большой голливудский фильм на тему польской истории. У нас есть такие герои, как ротмистр Пилецкий или семья Ульмов, о которых надо рассказать миру. Другие страны тоже рекламируют себя».

Первым замминистра культуры стал Ярослав Селлин, уже работавший в министерстве культуры и национального наследия в чине государственного секретаря при правительстве «Права и справедливости» в 2005–2007 гг. «Если говорить о приоритетах, то мы придаем культуре и национальному наследию очень большое значение, — сказал г-н Селлин. — Об этом говорит также и то, что первый, пожалуй, раз в истории Польши министром культуры и национального наследия одновременно является вице-премьер. Причем первый вице-премьер, что показывает, какое приоритетное место эти вопросы занимают в нашей программе».

Одним из заместителей министра, к полному изумлению людей культурного круга, стал Яцек Курский, когда-то изгонявшийся из «Права и справедливости», а затем бывший евродепутатом от этой партии и «Солидарной Польши». Как пояснил министр Глинский, г-н Курский «призван на короткий срок», чтобы проанализировать работу министерства (некоторые за такой формулировкой понимают предстоящие чистки в ведомстве). Политик Яцек Курский запомнился благодаря сказанной во время президентской кампании 2005 года фразе на тему того, что дед Дональда Туска служил в Вермахте, и «темная публика это проглотит».

Премьер Беата Шидло в своем экспозе в Сейме 18 ноября о культуре говорила немного или не особенно конкретно. В контексте сопротивления «сворачиванию государства» г-жа премьер напоминала о библиотеках, число которых, по данным государственной статистики, фактически уменьшается из года в год. Этот процесс необходимо остановить и преодолеть. Как это сделать, нам не сказали.

Беата Шидло рассматривала проблемы просвещения и культуры как единое целое, что, в общем-то, естественно. Провозгласила возвращение к «изучению истории в полном объеме и классическому канону обязательного чтения». Здесь мне хотелось бы услышать, о каком классическом каноне идет речь. Если об «Илиаде» и «Одиссее», то я — «за», а если о «Нашей кляче» Марии Конопницкой или «Янко-Музыканте» Генрика Сенкевича, то не совсем.

Политика в области просвещения и культуры, как мы слышали, «должна служить укреплению патриотических убеждений». Она должна восстанавливать и строить польскую память, придавать ей ценность, показывать богатство нашего национального достояния. Словом, патриотизм и народ, народ и патриотизм. В XXI веке такое зауженное понимание культуры представляется совершенно анахроничным. Бесконечная игра

на одной клавише — клавише патриотизма — кажется мне занятием бесперспективным. Я разделяю скепсис Тадеуша Конвицкого, который много лет назад сказал в ходе интервью, что он не является образцовым патриотом, добавив: «Достаточно быть лояльным по отношению к своему окружению и своему обществу. Довольно быть приличным и лояльным человеком».

В своем выступлении г-жа премьер-министр затронула также тему творцов, которые («при поддержке общественных средств») должны рассказывать миру о наших выдающихся соотечественниках, прославлять наших польских героев. Это прозвучало как заказ на произведения правильные, нужные и полезные государству. Этим мы уже занимались, особенно в период соцреализма. Только вот художественных успехов не было.

Эльжбета Крук из «Права и справедливости» стала председателем комиссии Сейма по культуре и средствам массовой информации. Депутат Сейма пяти созывов, г-жа Крук в 2006–2007 гг. была председателем Всепольского совета по телевидению и радиовещанию. Эльжбета Крук — историк по образованию, выпускница Люблинского католического университета. На вопрос, какого рода перемены требуются культуре, г-жа Крук заявила, что, прежде всего, «необходимо усилить меценатскую роль государства». Это то, в чем польская культура нуждается больше всего, отметила она и указала на историческую политику, как на важнейший вопрос, остававшийся в последние восемь лет в полном небрежении. Ну и медиа, общественные СМИ должны быть возвращены полякам, добавила г-жа Крук.

Этим должен заняться Кшиштоф Чабанский, уполномоченный премьера Беаты Шидло. Перед ним поставлена задача «переформирования общественных СМИ». Г-н Чабанский сообщил, что партия «Право и справедливость» готовит соответствующий закон. По новому закону о СМИ, Польское телевидение и Польское радио перестанут быть простыми товариществами (в рамках гражданского права). Общественное радио и телевидение будут называться Национальными СМИ и финансироваться по новому абонементу. Журналисты радио и телевидения ожидают основательной чистки. «Общественные медиа — это добыча в политической борьбе, так что не надо удивляться персональным перестановкам», — комментируют специалисты по СМИ.

С 5 по 15 ноября в Варшаве проходил IX Фестиваль российского кино «Спутник над Польшей». Почетный патронат над

мероприятием с польской стороны принял маршал Сената Богдан Борусевич, а с российской — министр культуры Владимир Мединский. Среди гостей были выдающиеся российские режиссеры, в их числе Александр Сокуров, Алексей Федорченко, Иван Вырыпаев.

Темой «Спутника» нынешнего года была русская литература: показано несколько документальных лент о творчестве поэтов Серебряного века. Демонстрировались также фильмы, посвященные 70-летию окончания Второй мировой войны: «В далеком сорок пятом... Встречи на Эльбе» в режиссуре Миры Тодоровской, «Битва за Севастополь» Сергея Мокрицкого, «Единичка» Кирилла Белевича.

В конкурсном показе было представлено 15 фильмов. Жюри в составе Вальдемара Крыстека (председатель), Сони Бохосевич и Патриции Ванат присудило гран-при IX «Спутника над Польшей» фильму «Страна Оз» Василия Сигарева, 2-я премия досталась картине «Побег из Москвабада» Дарьи Полторацкой, 3-я — фильму «Спасение» Ивана Вырыпаева. Премию публики получила комедия «Парень с нашего кладбища» Ильи и Антона Чижиковых.

Гости фестиваля — российские и польские кинематографисты, а также представители власти обеих стран — единодушно подчеркивали политическую и культурную роль этого мероприятия, которое, как отмечалось, несомненно послужит сближению народов России и Польши и обогатит двусторонние культурные связи. Фестивали-реплики «Спутника над Польшей», организованные в других польских городах, будут проходить до конца марта 2016 года.

Премьера картины «Смоленск» в постановке Антония Краузе все же состоится в марте следующего года. Нашлись таинственные инвесторы, которые внесли на производство фильма недостающие 5 млн злотых. В феврале 2014 года Польский институт киноискусства отклонил просьбу об участии в финансировании картины. «Смоленск» получил негативную оценку со стороны экспертов института, которые сочли, что фильм перегружен «патетичными диалогами», «беллетризованной публицистикой, которая тонет в диалогах и монологах». Противоречивые отзывы вызвала также одна из последних сцен, во время которой духи жертв авиакатастрофы встречаются с духами убитых в Катыни офицеров. Краузе никогда не скрывал, что является сторонником теории «покушения». Он и ранее заявлял, что сюжет фильма опирается на «факты, установленные группой Мацеревича».

Премию имени Виславы Шимборской в нынешнем году разделили два поэта. 24 октября в Кракове статуэтки и премию в 100 тыс. злотых получили Роман Хонет и Яцек Подсядло, авторы лучших поэтических книг, изданных на польском языке в 2014 году. Роман Хонет отмечен за сборник «Мир был моим» (издательство «Бюро литерацке»), а Яцек Подсядло — за сборник «Сквозь сон» (издатель — центр «Брама Гродзка — Театр NN»). Капитул премии вынес решение о награждении этих двух поэтов «с учетом высокого уровня их поэзии, сложной образности и виртуозности языка». Всего на присуждавшуюся в третий раз премию было выдвинуто 214 поэтических книг. Решение о присуждении премии выносилось капитулом в составе: Андерш Бодегард, Мари Делапьерьер, Луиджи Маринелли, Абель Мурсия Сориано, Иоанна Орская, Адам Поморский, Рената Шмидгаль и Мариан Сталя. В прошлом году лауреатом стала Юлия Хартвиг за сборник «Записанное», а впервые премия была присуждена в 2013 году Кристине Домбровской («Белые стулья») и Лукашу Ярошу («Полная кровь»).

Повеяло скандалом возле театра «Польский» во Вроцлаве. Скандал, впрочем, не разгорелся, но политические склоки — вполне. На 21 ноября была запланирована премьера спектакля «Смерть и девушка» по произведениям австрийской писательницы, нобелевского лауреата Эльфриды Елинек. Сообщение, что будут играть чешские порноактеры и что на сцене будет показан половой акт, возмутило католические организации. Но не только. Отменить премьеру спектакля, как сообщило агентство ПАП, намеревался также министр культуры и национального наследия Петр Глинский. Однако маршал Нижнесилезского воеводства премьеру не запретил. «Никто из нас, — написал его пресс-секретарь, — этого спектакля не видел, мы не знаем, что там на самом деле покажут. Пока мы имеем дело только с бурей в средствах массовой информации». Протестовать против премьеры к зданию театра прибыло несколько десятков лиц из католической организации «Крестовый поход святого Розария». 20 человек, блокировавших вход в театр, задержала полиция. Директор вроцлавского театра «Польский» Кшиштоф Мешковский (он же одновременно депутат Сейма от партии «Современная») обратился к СМИ с призывом не искать скандала в творческой действительности». Он добавил, что «Смерть и девушка» — это спектакль, в частности, об интимной неприкосновенности женщины. Премьера завершилась бурной овацией. «Прекрасный спектакль, — сказала агентству ПАП одна из зрительниц. — Там были две эротические сцены, но это легкая эротика».

Кшиштоф Мешковский призвал проф. Глинского подать в отставку: «Это первый случай после 1989 года, когда премьер с портфелем министра культуры прибегает к предварительной цензуре».

В Варшаве с 20 по 22 ноября проходил Фестиваль Ханны Кралль. В программе были встречи с переводчиками книг журналистки, показ фильмов, связанных с ее творчеством, а также авторский вечер, посвященный книге о ней — «Кралль», написанной учениками журналистки Войцехом Тохманом и Мариушем Щигелом. Ханна Кралль, автор таких, в частности, книг, как «Успеть до Господа Бога», «Шесть оттенков белизны», «На восток от Арбата», «Квартирантка», «Танец на чужой свадьбе», — самый переводимый на иностранные языки из ныне здравствующих польских авторов нон-фикшн. Ее книги переведены на 70 языков, в том числе на финский, голландский, шведский и венгерский. В нынешнем году писательница отмечает 60-летие творческой деятельности.

Проект «Литва в Кракове», самый крупный за последние годы показ литовской культуры в Польше, был разработан по случаю 25-летия восстановления независимости нашим северным соседом. С октября 2015 по январь 2016 года публике будет представлено пять интересных выставок: от показа уникального гобелена Сигизмунда Августа, большой монографической выставки Микалоюса Константиноса Чюрлениса — до современного литовского изобразительного искусства и фотографии. В программе также концерты, театральные спектакли, встречи с писателями. Любителей искусства особо порадовала выставка «М.К. Чюрленис. Литовская повесть» в Международном центре культуры в Кракове. Работы этого необычайного художника-визионера, в творчестве которого критики находят элементы символизма и начала абстракции, почти в полном объеме собраны в музее в Каунасе. Сейчас значительную их часть (почти сто) можно посмотреть под Вавелем: живопись, графику, наброски, эскизы. Чюрленис (1875–1911), художник и композитор, считается крупнейшим национальным творцом Литвы. У него были тесные и многочисленные связи с польской художественной средой рубежа XIX и XX века. Преждевременная кончина застала художника тоже в Польше, в Марках под Варшавой.

Прощания

24 октября в Лодзи умер Здислав Яскула, директор лодзинского театра «Новый». Он был поэтом, писателем, режиссером, автором инсценировок и театральных песен, общественным деятелем. С 1976 года был связан с кругом Комитета защиты

рабочих. Во время военного положения писал, редактировал, корректировал тексты, печатавшиеся в польском самиздате. Многократно сталкивался с притеснениями со стороны власти, в течение ряда лет ему запрещали работать по специальности. Как поэт он дебютировал в 1969 году на страницах «Поэзии». Издал четыре сборника стихов: «Стечение обстоятельств», «Две поэмы», «Авторский вечер» и «Пишущая машинка». Был также редактором антологии анонимной поэзии военного положения «Топор, мотыга, вавельский змей» (1982). Вместе с женой, Славой Лисецкой, выполнил новый перевод «Так говорил Заратустра» Фридриха Ницше (1999). Был вице-председателем лодзинского отделения Союза польских писателей. Здислав Яскула прожил 64 года.

25 октября в Варшаве в возрасте 92 лет скончался Войцех Фангор, живописец, график, плакатист, скульптор, один из крупнейших польских современных художников, во многом определивший пути искусства XX века. Он родился в Блендове под Груйцем, искусству учился частным образом у Фелициана Коварского и Тадеуша Прушковского. В 1946 году заочно получил диплом Варшавской академии изящных искусств. В 1961 году эмигрировал из Польши. Вскоре к нему пришла мировая слава. Художник жил в Западной Европе, с 1966 года в США. После перемены общественного строя вернулся в Польшу. Он написал (о чем никогда не сожалел) канонические произведения соцреализма, в том числе знаменитые «Фигуры» (1950). За картины «Корейская мать» и «Ленин в Поронине» получил государственную премию. В период «оттепели» в ПНР увлекся современным искусством, был один из основателей польской школы плаката. Благодаря общению с архитекторами, он обратил внимание на отношения между картиной и пространством. Вместе со Станиславом Замечником создал в 1958 году работу «Изучение пространства», представленную в Салоне новой культуры в Варшаве. Это был первый энвайронмент в Польше и один из первых в мире. Войцех Фангор — единственный польский художник, чья персональная выставка прошла в Музее Гуггенхайма в Нью-Йорке (1970). В последние годы создал настенную графику для станций второй линии варшавского метро.

16 ноября в Кракове умер Ежи Катлевич, польский дирижер и педагог, профессор Краковской музыкальной академии, в течение многих лет связанный с Краковской филармонией им. Кароля Шимановского. Ежи Катлевич был одним из наиболее известных польских дирижеров, наиболее заслуженных в деле пропаганды отечественной культуры в мире. Ежи Катлевич (р. 2 апреля 1927 в Бохне) в 1952 году с отличием окончил

дирижерский факультет Государственной высшей музыкальной школы в Кракове. Сотрудничал со многими выдающимися музыкальными коллективами, солистами и композиторами, концертировал по всему миру, принимал участие в престижных музыкальных фестивалях.

Способствовал популяризации в мире произведений Кшиштофа Пендерецкого. В его дирижерской интерпретации исполнялось также наиболее известное произведение Генрика Миколая Гурецкого — Третья симфония, или «Симфония скорбных песнопений». Ежи Катлевичу было 88 лет.

ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

Профессор Войцех Буршта в опубликованном в «Газете wyborчей» (№ 263/2015) интервью под заголовком «Поляки — вольные птицы», отвечая на вопрос, можно ли преодолеть консервативные установки поляков и как это сделать, говорит: «Я думаю, мы должны всерьез осмыслить все то, с чем сегодня имеем дело: консервативно-католическую историческую политику и беспрецедентный возврат к консервативному, мифологическому, даже конспирологическому мышлению. Усиливающуюся ксенофобию. Что с этим делать? Пережить это все. Так, как мы пережили Вторую Речь Посполитую. Осмыслить национализм исторически, политически. Я очень надеюсь на академическое сообщество, на интеллектуалов, на то, что обсуждение вопросов о сущности польского самосознания, о национальном характере, идентичности начнется в ситуации, когда нельзя уже будет утверждать, что какая-то из сторон лишена возможности высказаться. А так было до сих пор. Национал-патриотические, католические круги заявляли, что вынуждены действовать в подполье. Абсурд, конечно, но они нагнетали такую атмосферу, и самое скверное, что многие в это поверили. (...) Это спор о ценностях в общественной жизни. Насколько консервативным мы будем обществом, а насколько прогрессивным. Это конфликт современности и традиционализма, самый глубокий из всех, какие могут быть. Можно ли реформировать экономику, чтобы при этом общество оставалось традиционалистским, консервативным. (...) Мы отступаем на пути, по которому помаленьку продвигались с 1989 года. Меня тревожит, что было потеряно много лет на пути к толерантному обществу, к либеральной демократии. Сегодня слово «толерантность» стало едва ли не проклятием, означает согласие на что-то худшее, принятие плохого. Этим словом либо не пользуются, либо употребляют в пейоративном смысле. Это что-то немыслимое: мы еще не выяснили, что такое толерантная позиция, а к ней уже отрицательное отношение. Боюсь, что такое отношение будет усиливаться. Напомню, кстати, что в последнее десятилетие мир и Европа повернули вправо. Консерватизм проявляется уже везде: в социальных вопросах, в отношении терпимости, открытости. В 80-е годы дебаты вокруг мультикультурализма вселяли оптимизм, знаменитый

немецкий философ Юрген Хабермас говорил даже о Соединенных Штатах Европы, что будет такое общеевропейское меню, каждый народ что-то туда впишет. В рамках народов будут меньшинства, каждое из них тоже что-то к этой картине добавит. Тогда казалось, что мы будем жить в совершенно новую эпоху. А у нас — возвращение к родоплеменным отношениям. Вдобавок с сильной националистской подоплекой, с враждебностью к другим».

Эти слова сказаны, когда в Польше спорят, принимать или не принимать беженцев, волна которых накатывается на Европу. Все сильнее и отчетливее голоса противников, указывающих на такие проблемы, как опасность исламского терроризма и угроза национальной идентичности европейских народов, что очевидным образом, причем не только на интернет-форумах, но и в прессе, нагнетает атмосферу страха и все более сгущает язык нарочитой ненависти по отношению к чужим. Сейчас, когда я пишу эти строки, напряженность усилилась из-за террористических атак в Париже, и можно не сомневаться, что напряженность будет нарастать. В этом контексте дискуссия, к которой призывает профессор Буршта, представляется столь же необходимой, как и маловероятной. Об этом пишет Мариуш Урбанек в опубликованной журналом «Одра» (№ 11/2015) статье «Новое лицо Польши». Напоминая, что демонстрируемый и ранее молодыми избирателями поворот вправо проявился и в голосовании на последних президентских и парламентских выборах, автор подчеркивает: «При этом молодые, те, кто в последние восемь лет получил право голоса, вообще не хотели вписываться в политологические концепции и не отвернулись от правых, — напротив. Они не захотели поверить на слово, что свободная Польша представляет какую-то особую ценность, потому что для них Польша была свободной всегда». К этому «добавились мировые события, наплыв в Европу сотни тысяч беженцев, чуждых культурно и цивилизационно, исповедующих экспансионистскую религию, которой легко запугивать и легко испугаться, особенно глядя на все заметнее слабнущее христианство. Страх перед исламизацией очень легко было переиначить в нетерпимость, а затем в направленную против чужих агрессию, сопровождаемую полным игнорированием аргументов в пользу приема беженцев. Руководители «Права и справедливости» получили подарок, о котором могли только мечтать. Не надо было искать врага или нагнетать ощущение опасности, перед лицом которой надо встать на защиту Польши. Опасность была уже не на границах Европы — она исходила от самой Европы, которая намеревалась столкнуть нас со смертельной угрозой, вынуждая принимать нежелательных беженцев. (...) Предполагаемое

прибытие беженцев, которых могла бы принять страна, разрослось до масштабов монгольского нашествия на Польшу, вторжения басурманских орд, угрожающих христианству. И этому мы должны противодействовать, чтобы не исчезнуть с лица земли. А раз наступает апокалипсис, надо сомкнуть ряды, провести проверку сил, выставить пушки в бойницы и хорошенько окопаться. Звучит забавно? Возможно, но оказалось, что в Польше такая риторика свойственна очень многим, а Ярослав Качинский, который решился перейти те границы ксенофобии, за которыми начинается расизм, стал новым воплощением короля Яна III Собеского и ксендза Августина Кордецкого вместе взятых. Вдобавок не только как защитник народа и христианства, но также — чего, пожалуй, никто не ожидал — права женщин на ношение коротких юбок, которые уж несомненно запретят исламисты. Но не один лишь председатель «Права и справедливости» несет ответственность за волну неприязни к беженцам, вызванную пресловутой опасностью, что они — де заполонят всю страну. Он только смысл компрометирующее пятно со взглядов, которые до сих пор в публичном дискурсе не звучали. Шире распахнул для них двери, снизил значение слов “это неловко”, “так нельзя”, “это недостойно”, но он не был первым».

Все это, понятное дело, имеет глубокие исторические корни, такие хотя бы, как крестовые походы в Святую землю и тогдашнюю борьбу с «неверными», но связано также и с современной борьбой с «неверными» — с прикрывающимися исламом террористическими организациями Ближнего Востока. Следует помнить о том, что соседство с исламом имело огромное влияние на формирование раннесредневековой общности христианской Европы. Сегодня Европейский союз, оказавшийся целью нападений со стороны тех, кого называют «исламистами», опирающийся на принципы либерального, светского правового государства становится именно по причине своей светскости целью для атак всяческого рода религиозного фундаментализма, а исламского терроризма особенно. Дистанцируясь, по многим причинам, от реальной светскости государства, католические группы в Польше противятся наплыву «чужих»: дескать, расселение у нас беженцев может угрожать национальной идентичности, основой которой считают католицизм, а «исламизация» представляется как близкая реальная опасность, что — позволим себе пошутить — свидетельствует, пожалуй, об ощущении слабости собственных религиозных убеждений.

Но, вообще говоря, не до шуток. Членство Польши в НАТО и в Евросоюзе — достаточная причина, чтобы страна стала одной

из целей террористических атак. Эта ситуация обсуждается уже давно, поскольку опасность реальна, а масштаб опасности невозможно определить. Еще до терактов в Париже на страницах еженедельника «До жечи» (№ 45/2015) было помещено интервью с шефом антитеррористического центра Агентства внутренней безопасности полковником Войцехом Выброновским. Из интервью, снабженного заголовком «20 поляков имеют связи с “Исламским государством”», можно узнать, что в 2003 году в Польше был предотвращен крупный теракт: «В пред рождественский период 2003 года мы получили упреждающую информацию о возможной террористической угрозе. Существовала, в частности, угроза для центров религиозного культа. Были предприняты действия превентивного характера, в том числе с участием большого числа сотрудников полиции. Тогда предпринятые Агентством внутренней безопасности действия не позволили осуществить свои планы группе пребывающих в нашей стране иностранцев, которые, в соответствии с полученной ранее информацией, подозревались в преступных замыслах». Далее в интервью читаем: «У нас идентифицировано около 20 лиц, связанных с нынешним конфликтом в Сирии и Ираке. Это не значит, что они там воюют. У части из них двойное гражданство: польское и другой страны. Часть — это лица, имеющие вид на жительство в Польше. Данной темой мы занимаемся в оперативном порядке. Кстати, стоит заметить, что уже арестован ряд лиц, прибывших с Кавказа, которые образовывали сеть логистической поддержки для Исламского государства, собирали соответствующие финансовые средства». На вопрос об опасности в связи с приемом Польшей беженцев полковник ответил: «Уровень угрозы террористических акций со стороны исламистов, к счастью, в Польше относительно низок. В том числе и потому, что среда, о которой идет речь, сейчас малочисленна. Возможным исполнителям будет трудно обзавестись контактами, обеспечить себе логистическую поддержку. Что касается вопроса о беженцах, то процесс их прибытия на практике происходит вне пределов Польши. Установление их личности будет проводиться Пограничной охраной и Департаментом по делам иностранцев. А уже позже будем проверять мы. Я очень серьезно отношусь к этой проблеме. В мире нет сегодня страны, которая была бы полностью свободна от терроризма, и Польша подвергнута тем же глобальным угрозам, что и другие страны». Интервью оканчивается столь идиотическим вопросом журналиста, что неловко даже цитировать: «А если бы вы были террористом, где осуществили бы нападение?» Полковник, однако, бдительно оставил вопрос без ответа.

В том же номере «До жечи» появился связанный с данной темой в сущности весьма курьезный фельетон Кшиштофа Рыбинского «Мудрая иммиграционная политика». Принимая во внимание, что демографические прогнозы предсказывают уменьшение населения Польши в 2100 году до 16 миллионов, автор пишет, что необходимо выработать иммиграционную политику, исходя из того, что «Польша будет становиться все богаче», а потому «из года в год мы будем все более желанной целью мигрантов, особенно если страны Западной Европы закроют границы и ограничат пособия». Автор дает рецепт такой «мудрой политики»: «Образовательная политика должны стать ключевой позицией иммиграционной политики. С этой целью необходимо создать комиссию, состоящую из представителей трех министерств: высшего образования и науки, иностранных дел и экономики. Польские посольства в странах, откуда будут прибывать иммигранты, должны стать центрами обучения. Надо разработать курсы дистанционного образования и проводить экзамены под руководством польских посольств. Польше нужны иммигранты, но она должна поменять иммиграционную политику, чтобы избежать проблем, с которыми борется Западная Европа». Признаюсь, что полагаю этот концепт гениальным в его простоте, однако, если мы стремимся противостоять процессу «исламизации» Польши, необходимо уже на первых этапах проводить селекцию кандидатов, чтобы среди них никоим образом не оказались приверженцы Пророка, а также запретить браки между иммигрантами, — только смешанные браки с этнически чистыми поляками, ибо в ином случае эти несчастные 16 миллионов растворятся в море приезжих, а ведь первоочередная задача — сохранить субстанцию польскости, что бы под нею ни подразумевалось. Да, все это шутки, вот только уши от них вянут.

ГРУППА «АРС НОВА» И СТАРИННАЯ ПОЛЬСКАЯ МУЗЫКА

Польскую музыку давних столетий охотно играют и слушают отнюдь не только в узком кругу ценителей и знатоков. Ансамбли, работающие над такой музыкой, пользуются большой популярностью, а их диски расходятся молниеносно.

«Арс нова» — это наиболее известный из польских коллективов, исполняющих старинную музыку^[1] на инструментах эпохи. Возник он в 1981 г. при Варшавском музыкальном обществе им. Станислава Монюшко и неизменно действовал под руководством Яцека Урбаняка. Название группы (лат. *ars nova* — «новое искусство») происходит от определения одноименного гуманистического направления в истории музыки XIV века, особенно французской и итальянской.

Один из первых альбомов группы, записанный совместно с группой «Bornus Consort»^[2] и опубликованный французской фонографической фирмой «Accord» в 1991 г., состоял из восемнадцати произведений Петра из Грудзендза: тринадцати песен и пяти мотетов. Об их авторе сведений сохранилось очень немного.

Петр из Грудзендза родился в 1392 г. В 1418–1430 гг. обучался в Краковском (Ягеллонском) университете. Описание его дальнейшей судьбы основывается на предположениях: вероятно, после завершения учебы он перебрался из тогдашней столицы Польши в Вену, затем мог находиться в Базеле, участвуя там в 1431 г. в знаменитом Вселенском Соборе римско-католической Церкви. В сороковых годах XV в. Петр из Грудзендза пребывал на венском дворе, где был капелланом императора Франциска III. Затем находился в Чехии, а с 1448 г. — в Силезии, во Вроцлаве, при дворе епископа Петра II Новака. В 1452 г. отправился в путешествие в Рим. Благодаря тому, что Петр из Грудзендза посещал многие страны и вращался в самых разных кругах, его творчество приобрело международный характер. В результате произведения этого автора оказались разбросанными по разным местам, а источники неполны.

Наибольшее количество его сочинений сохранилось на чешских землях.

Петр из Грудзендза был также поэтом, и, по всей видимости, сам писал тексты к своей музыке, стиль которой был связан с консервативной университетской школой полифонической музыки и отличался значительной простотой — отсюда, в частности, и высокая популярность произведений этого мастера в Европе того времени.

Очередной важной работой группы «Арс нова» был альбом с музыкой Миколая из Радома. Он вышел в свет в 1996 г. На сегодняшний момент мы не слишком много знаем о данном авторе — и это невзирая на тот факт, что его характеризуют как самого важного из средневековых польских композиторов. Единственным следом его существования являются подписи Micolay Radomsky, Nicolaus de Radom, N. de Radom, проставленные под его музыкальными произведениями. Существуют предположения (основанием для них служат слова специального панегирического гимна, который носит название «Hystorigraphi aciem mentis»), что в двадцатых годах XV в. Миколай из Радома занимал пост придворного музыканта при дворе королевы Софии Гольшанской^[3] в Кракове.

Сохранилось всего десять произведений Миколая из Радома. Этот автор — единственный композитор на польских землях, который сочинял в бургундском стиле^[4]. Предполагается, что он был превосходно образован и знаком с музыкальными творениями европейских мастеров. Творчество Миколая из Радома соответствовало духу эпохи и в полной мере соотнобразовывалось с европейскими художественными течениями своего времени, и потому этого композитора относят к числу самых выдающихся сочинителей эпохи средневековья.

Еще одним замечательным композитором, чьи произведения были записаны ансамблем «Арс нова», является Миколай Гомулка. Этот автор, которого признают самым выдающимся из всех польских творцов ренессансной музыки, прославился сочинением 150 четырехголосных псалмов в переводе Яна Кохановского. Миколай Гомулка озаглавил данный сборник «Мелодии польской Псалтири». В 1996 г. вышел диск с записями 23-х псалмов в исполнении «Арс нова».

О жизни Миколая Гомулки нам известно значительно больше, нежели о Петре из Грудзендза и Миколае из Радома. На свет он появился в Сандомире около 1535 г. В бытность мальчиком пел

в капелле короля Сигизмунда II Августа, потом стал инструменталистом на королевском дворе. После окончания придворной службы вернулся в Сандомир, чтобы заступить там на должность городского войта и вершить правосудие. Затем Миколай Гомулка поселился в Кракове, что было, среди прочего, связано с его возвращением к музыке, — в столице он служил епископу Петру Мышковскому, а затем канцлеру Яну Замойскому. В 1580 г. Миколай Гомулка опубликовал свое единственное дошедшее до наших дней музыкальное произведение, благодаря которому он известен вплоть до сегодняшнего дня. Именно тогда в краковской типографии Яна Янушовского были изданы «Мелодии польской Псалтири».

Мелодии, фигурирующие в заглавии указанного сборника, представляют собой короткие четырехголосные произведения, сочиненные на сто пятьдесят псалмов, переведенных на польский Яном Кохановским и опубликованных под названием «Польская Псалтирь». Сам Гомулка написал об этих текстах следующим образом: «На латинке сотворёны, / Простакам не назначёны / Не для немцев, для поляков — / Простых наших поселяков». Его слова почти идеально воспроизводят характер указанных композиций, которые изначально были адресованы широкому кругу слушателей, которые бы могли без особых трудностей пропеть нужные псалмы.

Помимо дисков с произведениями Петра из Грудзендза, Миколая из Радома и Миколая Гомулки, ансамбль «Арс нова» подготовил много других весьма любопытных альбомов, связанных со старинной музыкой — и не только с ней. Имеет смысл упомянуть хотя бы «El Llibre Vermell» (написанные на каталонском и латинском языках песнопения пилигримов, совершавших паломничество в монастырь Монсеррат) или же целый ряд дисков обзорного характера: «Музыка Ягеллонов», «Музыка силезских Пястов» (это произведения XII–XV веков), «Музыка польского средневековья» и «Музыка польского Ренессанса». В сто пятидесятую годовщину смерти Адама Мицкевича на белостокском радио группа записала спектакль «Романтичность». Кроме того, музыканты сделали также записи народной музыки на дисках «Посветь-ко, месячик» и «Анатомия кобылы» (народные песни о лошадях), для которых они привлекали к сотрудничеству известную курпёвскую^[5] певицу Аполонию Новак. Как названные два альбома, так и творчество этой народной исполнительницы — темы для отдельных статей.

1. Это разговорное определение, употребляемое применительно к европейской музыке эпох средневековья, Ренессанса, а также барокко и относящееся к способу ее интерпретации, в особенности к такому течению в исполнительском искусстве, как аутентизм, который сформировался в семидесятых годах XX века в качестве оппозиции традиционному исполнению старинных произведений, особенно барочных, в современной манере. — Здесь и далее, если не указано иначе, прим. автора.
2. Ансамбль старинной музыки из подваршавской дачной местности Залесе-Гурне, возникший в 1981 г. по инициативе исследователя старинной музыки Марцина Борнус-Щицинского и по заказу редакции старинной музыки Польского радио. Исполняет литургические монодии (произведения, отличающиеся однородной мелодической линией и аккомпанементом и являющиеся противоположностью полифонии и гомофонии), а также песнопения, исполняемые в период Великого поста, песни и хоралы о Св. Войцехе и т. п.
3. Четвертая и последняя жена короля Владислава Ягелло (Ягайло).
4. Бургундскую школу составляла группа композиторов, связанных с двором бургундских герцогов в Дижоне и кафедральным собором в Камбре. Суть этой школы заключалась в отходе от относящегося к XIV в. стиля «арс нова»; это было предвосхищение ренессанса в музыке.
5. Курпы («лесные люди», «люди из пущи») — этнографическая группа, примерно с XV в. заселявшая изолированный район Курпёвской и Белой пущ на северо-востоке современной Польши и сохранившая по сей день много своеобразных культурных и языковых особенностей, вдохновлявших самых разных польских творцов, в т. ч. композиторов. Циклы курпёвских песен есть, в частности, у К. Шимановского и В. Лютославского. — Прим. пер.

Анджей Кориэлл

АФОРИЗМЫ

Любимый афоризм Бога: я вымышлен, значит, я существую.

От бессмертных богов остается блеск, как от вымерших звезд.

Не имеет значения, чем кончился бунт ангелов, — победой или разгромом.

Важно, что они взбунтовались.

Аминь любит, чтоб последнее слово оставалось за ним.

Время — козырь Мессии.

У Искушителя порой возникает искушение изложить теорию зла в ученом трактате.

Бог заплатил бы любую цену за автобиографию Сатаны.

Там, где кончается одна бесконечность, начинается другая.

Единственный враг времени — антивремя: скрытое во времени, оно неуловимо течет вспять, времени наперекор.

Убийство времени допустимо только при самообороне.

И на периферии времени есть свои центральные площади с башнями и часами.

Из обломков прошлого складываются мозаики будущего.

Не пора ли подумать, чем настоящее обернется в грядущем?

Рай мы пишем с большой буквы как географическое название, и с маленькой — как имя того, что утрачено.

Никто не жаждет возвращения в рай в вагонах для скота.

Утонченные натуры цедят жизнь через соломинку.

Смерть — это аксиома. А жизнь?

Есть четыре рода людей:

Те, кто умеет жить и умеет умирать.

Те, кто умеет жить, но не умеет умирать.

Те, кто не умеет жить, но умеет умирать.

Те, кто не умеет ни жить, ни умирать.

В последнем часе больше секунд, чем в любом другом.

«Не стоит бояться смерти: пока мы есть — ее нет; когда она придет — нас не будет», — доверчиво повторяю я вслед за Эпикуром. Сложности возникают, когда Смерть вдруг проскальзывает между «пока мы есть» и «нас не будет».

При жизни все казалось легким, но было трудным, — признался скелет скелету, — а после смерти все кажется трудным, зато все легко.

Вода во рву, отделяющем человека от человека, должна быть чиста и свежа, а не затянута смердящей ряской.

Опасаюсь введения в джунгли прав человека.

Тираны отбрасывают длинную тень даже в полдень.

Можно ли причислять ножницы Атропос к орудиям преступления?

Дороже всего обходится женщине ее нагота.

Женщины, даже нагие, умеют оставаться одетыми.

Ценю женщину, когда с ней можно столкнуться о цене, за которую ее нельзя купить.

Стрелы любви, проносясь мимо цели, попадают в случайных, ни в чем не повинных людей.

Порой подворачивается случай сохранить верность.

Древнейшая в мире профессия — клиент.

Проституция — это, правда, еще не дух, но уже — плоть.

Для атеистов у Бога открыт кредит.

В какой день Бог сотворил атеистов?

Он жил как ошибка; исправленный — умер.

Алфавит изобрели неграмотные.

Где Музы охлаждают ноги, там вода пригодна для питья.

Анджей Кориэлл — художник и скульптор, родившийся в Варшаве, живущий в Лозанне. В 1978 г. опубликовал книгу стихотворений «Les châteaux du myore» (издательство «Caractères», Париж). Его роман «В компании со львом» вышел в 1986 г. в варшавском издательстве «Читательник», а в 1991 г. был опубликован на французском языке. Сборник афоризмов и малой прозы «Горноста́й, одетый короле́м» опубликован в 2007 г. Автор афоризмов и притч, публиковавшихся в многочисленных польских журналах. В 2002 г. Анджей Кориэлл снял короткометражный фильм «Семейный альбом», а в 2004 г. — следующий, озаглавленный «Водная каллиграфия».

ПО СЛЕДАМ АГЕНТА

С Максом Цегельским о путешествии в Азию по следам забытого польского путешественника и шпиона беседует Томаш Тарганский

— Герой вашей последней книги — Бронислав Громбчевский, наш соотечественник, царский генерал, шпион и путешественник по Средней Азии. Чем вас заинтересовала именно эта почти неизвестная в Польше личность?

— Впервые я услышал это имя во время поездки в Пакистан в 2001 году. На одном из базаров я купил потрепанный экземпляр считающейся сегодня классической книги Питера Хопкирка «Большая игра» о британско-русском соперничестве в Центральной Азии. Там появляется некий «Громбчевски», которого автор представляет как опасного русского шпиона. Лишь намного позже мне стало понятно, что он имеет в виду именно Громбчевского, но когда я начал сравнивать данные Хопкирка с польскими источниками, у меня ничего не совпадало. Ведь в Польше вместо шпиона мы имеем ученого, географа и первооткрывателя. Только потом, погрузившись в его историю, я понял, откуда взялись эти расхождения.

— Громбчевский глазами поляков и русских — это два совершенно разных человека?

— О Громбчевском совершенно отдельно друг от друга писали русские, поляки и британцы, но все эти рассказы различны, и каждый создает собственный образ моего героя. Для русских он был выдающимся офицером, много сделавшим для экспансии империи в Средней Азии, англичане, в свою очередь, считали его опасным шпионом конкурирующей державы, а поляки поверили в придуманную самим Громбчевским и его поклонниками сказку об ученом, этнографе и исследователе. В определенный момент мне стало ясно, что лишь в месте пересечения этих противоречивых историй появляется какая-то правда о нем. Моя книга «Большой игрок» — первая попытка объединить эти рассказы в целое.

— А откуда взялась идея отправиться по его следу?

— Недавно мне попался мой дневник о поездке по северному Пакистану в 2001 г., где я описал общую идею показать прошлое Большой игры на фоне современности. Намного позже лучшим

проводником для такой экспедиции оказался именно Бронислав Громбчевский. Наверное, я вообще бы не заинтересовался им, если бы не путешествия в эти районы Азии. В Пакистане или Индии воспоминания о Большой игре XIX века по-прежнему живы. Добавьте к этому романтическую атмосферу эпохи шпионов-джентльменов и держав, соперничающих среди перевалов Гиндукуша. Миф о «Турнире теней», то есть состязании между английскими и русскими агентами-путешественниками, кто первым откроет горные перевалы, сильно подействовал на мое воображение.

— Книгу открывает неизвестная до сих пор частная переписка между Громбчевским и его британским коллегой и соперником времен Большой игры сэром Френсисом Янгхазбендом.

— Эти материалы доступны в британских архивах, однако никто из тех, кто ранее интересовался Громбчевским, не удосужился к ним обратиться. Мой герой, сняв маску, пишет эти письма в конце жизни, он прямо говорит о проблемах со здоровьем и финансами, а это были вопросы, которые он, по имиджевым соображениям, старательно камуфлировал перед польской аудиторией. Благодаря этим письмам, мне намного легче было рассмотреть в нем человека, а не только породистого джентльмена, не знающего, что такое слабость.

— В конце жизни, когда Бронислав Громбчевский возвращается на родину, он представляется географом и путешественником. Он не скрывает, что был офицером царской армии, но дипломатично молчит на тему стратегического масштаба своей службы.

— Это так. В 1923 году, когда появляются его публикации на польском языке, той империи, которой он служил, уже не существует, и он фактически мог бы раскрыть все. Он не делает этого, потому что нужен полякам как «наш» ученый, «наш» выдающийся географ. Думаю, что большую роль играл и определенный стиль сформировавшей его эпохи, который не позволял, например, прямо говорить, что вы агент, шпион. Помимо всего этого, конец его жизни был довольно печальным: проблемы со здоровьем, финансовые трудности.

— Нет ли у вас ощущения, что в Польше его не оценили по достоинству? Может быть, он ожидал, что ему отдадут должное, подобно другим путешественникам и первооткрывателям с мировой известностью?

— Действительно, власти независимой Польши не выплачивали ему никакой пенсии. Но почему бы он должен был получать ее, раз всю жизнь работал для Российской

империи? По-польски в XIX веке появилось лишь одно его письмо — отчет об экспедиции; всё, что он публиковал, это доклады на русском языке с подзаголовками «военно-стратегический очерк». Когда в 1920 г. он добрался до Варшавы, убегая через Японию от большевиков, то получил скромную должность в Метеорологическом институте, но его быстро «сократили». Только тогда он начал писать по-польски, просто потому что ему не на что было жить.

— *Польша не имела колоний, но, возможно, у нее были свои колонизаторы? Герой вашей книги родился как бы «в колониях», в Жмуди^[1]. Замечаете ли вы в этом польском шляхтиче с Кресов^[2] схожесть с британцами, колонизировавшими Индию?*

— Проследив биографию Громбчевского, я получил возможность внимательно рассмотреть некоторые польские мифы. Во второй половине XIX века, когда мой герой поступает на службу в царскую гвардию, поляки составляют около 10% личного состава высших офицеров армии империи. После русских и немцев мы были там третьей наиболее многочисленно представленной национальностью, что само по себе многое говорит о мифе нестигаемых поляков, боровшихся с царизмом. Дальше идет миф об идиллии Кресов, где в согласии сосуществовали различные народы. Мы снова совершенно забываем, что история Восточных кресов имела свой социальный контекст, который обычно проявлялся в том, что стороной, черпавшей наибольшие выгоды из труда украинского, белорусского, да и жмудского крестьянства, был польский, а иногда полонизированный литовский шляхтич — чаще всего, католик.

Кроме того, определение роли поляков на Кресах как фактора «цивилизаторского» и «просветительского» — это точная копия аргументов британцев, колонизировавших Индию, или французов, колонизировавших Северную Африку. Впрочем, у колониалистов во всем мире, невзирая на то, служили они Британской или Российской империи, было ощущение некой цивилизационной общности. Мне кажется, что Громбчевскому было легче стать колониальным офицером именно благодаря тому, что он был родом с Кресов.

— *Его путешествие в Среднюю Азию начинается в 1876 году, когда его направляют в Ташкент в российском Туркестане, и он сразу попадает в самый центр антироссийского восстания.*

— В воспоминаниях, опубликованных им уже в свободной Польше после 1918 г., Громбчевский признается в этом очень неясно, избегая слова «восстание». Те события, однако, имеют

огромное значение для тамошней истории — настолько, что Ежи Рогозинский в своей книге о российском завоевании Средней Азии назвал их «киргизским восстанием Костюшко». Так что моему герою очевидно не хотелось хвастаться своим участием в этом. Когда мы вместе с Миколоае Длугошем собирали на Памире информацию для книги, возникла интересная ситуация. Мы встретили там киргизскую журналистку с радиостанции «Свободная Европа», я начал разговаривать с ней о Курманжан — легендарной предводительнице киргизов во времена войн с Россией.

— *В книге вы пишете, что Курманжан захватил наш Громбчевский...*

— Вот именно. Но киргизы до сих пор убеждены, что ничего подобного не случилось. Они верят, что Курманжан, которая для них героиня, а ее изображение украшает тамошние банкноты, так и не была схвачена. Журналистка была настолько поражена тем, что я ей рассказал, что записала интервью со мной. Эта история демонстрирует, что в нарративах, относящихся к периоду колониализма, мы по-прежнему не учитываем голос завоеванного населения. До сих пор никто не спрашивает киргизов или таджиков, что они думают или думали о той ситуации.

— *Является ли Громбчевский узнаваемой фигурой в Средней Азии? Существует ли в местах, где он служил, какая-то память о нем, добрая, либо скверная?*

— Да, эта память особенно сохранилась среди памирцев. Я использую это название (хотя официально оно не употребляется), потому что жители этого региона по многим причинам не хотят называться таджиками и считают себя отдельной нацией. Именно памирцы сохранили в своей памяти Громбчевского, а также захват их земель Российской империей, как нечто хорошее, и восхваляют это.

— *Устанавливал ли Громбчевский близкие взаимоотношения с местным населением?*

— Принимая во внимание, что убежденность в естественном превосходстве европейцев над иными расами была в то время общепринятой идеологией колониальных офицеров, мой герой определенно выше этого. Он очень старается понять народы, покоряемые империей, которой он служит, еще и потому, что сам был представителем угнетенного народа. Думаю, что он ощущал своего рода близость к ним, и ему легче было войти в их мир.

— *Может быть, еще и потому, что он говорил на местном языке?*

— Конечно. Громбчевский овладел несколькими языками, в том числе узбекским, а также многими местными диалектами. Более того, он научился арабской письменности. Это требовало от него большого труда, так как арабский отличается совершенно иной системой записи, нежели латинский алфавит или кириллица.

— *Значит, российский империализм, как тот, из XIX века, так и его коммунистический аналог XX столетия, даже сегодня неодинаково оценивается среднеазиатскими народами?*

— Определенно, нет. Там действует различная историческая память. Будучи на Памире, я действительно не встретил ни одного человека, который сказал бы, что российское завоевание было злом. Это, в частности, произошло потому, что русские обеспечили памирцам, которые принадлежат к одной из ветвей шиизма, защиту от суннитов. Следующим этапом этого «освобождения» было покорение Средней Азии большевиками в 20-е годы XX века. Социалистическая политика СССР означала для местных жителей строительство дорог, больниц, школ. С точки зрения Памира и его обитателей, это было настоящим благодеянием. Большинство людей, с которыми я разговаривал, растроганно вспоминая те времена, говорят: дороги были проезжими, школы работали и — самое главное — было электричество! Так что действительность там немного сложнее, чем может показаться нам на Западе.

— *Удалось ли вам найти в Средней Азии остатки того мира, который описывал ваш герой?*

— Трасса, которую мы преодолели, много раз пересекалась с его маршрутом, не раз перед нашими глазами должны были появиться те же картины. Когда мы добрались до долины реки Хунза в северном Пакистане, мы видели, как играют в поло, и меня удивило, что Громбчевский ни словом не упомянул о «спорте королей», как там называют эту игру. Матч по конному поло — это всегда большое событие, собирающее представителей всех вероисповедований — суннитов, шиитов и исмаилитов. В Гиндукуше играют по традиционным правилам free polo^[3], что часто заканчивается травмами. Не разрешается также — как в Англии — замена лошадей по ходу игры. Спортсмены и слышать не хотят об изменении правил, говоря, что тогда поло превратилось бы в скучные соревнования, как на Западе.

— *Какое впечатление произвели на вас среднеазиатские республики, о которых мы читаем, что, несмотря на падение коммунизма, на них по-прежнему тяготеет наследие Советского Союза?*

— Что в характере социальной системы Средней Азии необыкновенно — это ее открытость и равенство. В этом отношении Индия — совершенно другой мир. Там британский колониализм укрепил существовавшее социальное разделение. Вопреки нашей западной паранойе, в Средней Азии явно чувствуется влияние ислама как религии с установкой на равенство. Другое дело, что это грозит разного рода деформациями и дает пищу экстремизму. Этот дух эгалитаризма привел к тому, что позже, в XX веке, местному населению легче было воспринять лозунги большевистской революции. У меня была возможность убедиться, что, несмотря на коммунистический тоталитаризм, коррупцию и автократическое правление в духе Ислама Каримова, межчеловеческие отношения там очень близкие. Люди интересуются, зачем иностранец вроде меня ехал в их страну за тысячи километров, задают вопросы, пытаются установить контакты.

— *Вы нашли что-то, что могло бы протянуть между ними и нами нить взаимопонимания?*

— Мне не пришлось долго искать. Как биография Громбчевского, так и «Большой игрок» — это такое путешествие к забытой поляками общности с Азией. Вначале, в XIX веке, мы участвовали в покорении и колонизации этой территории — мой герой был не единственным действовавшим там поляком. Позже, во времена СССР, мы функционировали вместе, в рамках единой мировой империи. Когда в Ташкенте я говорю, что приехал из Варшавы, для них это означает, что я из столицы еще одной провинции империи, а называлась ли она царской Россией или Советским Союзом, не имеет значения. Для людей, которых я встречал, важно только то, что мы смотрели одни и те же фильмы, знаем приключения четырех танкистов и слушали Анну Герман.

Неожиданно оказалось, что это мир, необыкновенно близкий мне. Одновременно я заметил, как успешно мы вытеснили его из своего сознания. Мы все время рассуждаем о Европе, забывая, что мы — часть Востока. «Большой игрок» — это книга еще и об этом забытом наследии.

1. Жмудь (Жемайтия) — этнографический регион на северо-западе современной Литвы – Прим. пер.
2. Восточные кресы — польское название территорий нынешних западной Украины, Белоруссии и Литвы, ранее входивших в состав Польши; «восточная окраина» — Прим. пер.
3. Свободное поло (англ.) – Прим. пер.

ОБЫЧНАЯ ЖИЗНЬ ВО ВРЕМЯ ЧУМЫ

О Второй мировой войне написаны уже сотни книг. Есть ли смысл писать новые? Магдалена Гжебалковская весьма убедительно доказывает, что — да.

Начало мая 1945 года. Победа союзников во Второй мировой войне становится историческим фактом. Евгений Халдей фотографирует советского солдата, водружающего знамя СССР над Бранденбургскими воротами. Несколькими месяцами позже Альфред Эйзенштадт поймает в фотообъектив целующихся на Таймс-сквер пьяного моряка и медсестру. Таковы символы окончания войны, таким 1945 год запомнил мир. Но — не все. Этому меньшинству и посвящена книга «1945. Война и мир» Магдалены Гжебалковской.

Устная история

Величайший в истории человечества вооруженный конфликт, мировая война, бойня — эти слова нередко заслоняют индивидуальные трагедии. Человек не в состоянии вообразить тысячи трупов; цифры на страницах школьных учебников для молодого читателя — абстракция. Именно поэтому М. Гжебалковская решила сосредоточиться на конкретных свидетельствах тех, кто выжил. По ее собственным словам, поколение участников Второй мировой войны постепенно вымирает, и мы должны сделать все возможное, чтобы записать их воспоминания^[1] (в предисловии к книге автор описывает разговор со своей бабушкой о том, каким ей запомнился конец войны). Вскоре они уйдут, и нам останутся лишь исторические источники.

Гжебалковская komponует свидетельства своих героев тематически: мародерство, выселения, будущее осиротевших детей, восстановление польских городов и катастрофа лайнера «Густлофф». Рассказывая об этих событиях читателю, автор не ссылается на ставшие классическими источники. Магдалена Гжебалковская кладет диктофон на стол и передает слово своим собеседникам.

Кофе на руинах

Такой метод позволяет нам познакомиться с Вернером Гензеляйтом, немцем, который ребенком эвакуируется вместе с семьей по льду Вислинского залива и видит, как беженцы целыми таборами исчезают в полыньях от снарядов. Мы читаем о переселенцах с Кресов, которых перевозят в вагонах без крыш и которые чувствуют себя чужими в бывших немецких домах. О разрушенной Варшаве и возникающих на руинах кафе, где кофе отдает запахом тлена — под завалами разлагаются тела погибших. О Болеславе Бробнере, первом послевоенном мэре Вроцлава, который пытался превратить немецкий город в польский, и о Чеславе Гемборском, коменданте лагеря в Ламбиновице, мучившем и убивавшем выселяемых немцев. О еврейских детях из Отвоцкого дома сирот, в которых швыряли камни их польские ровесники, а также об украинцах, вздрагивавших от страха при словах «Поляки идут».

Критики книги М. Гжебалковской скажут, что подобная избирательность в выборе героев может исказить картину событий тех лет. Так и случилось бы, иди речь о научном историческом труде. «1945. Война и мир» таковым не является, замысел автора был иным. Сама Магдалены Гжебалковская, впрочем, с обезоруживающей откровенностью рассказывает, что до начала работы понятия не имела о действовавших в то время еврейских детских домах^[2]. Поэтому она предпочла жанр, в котором чувствует себя наиболее уверенно — репортаж. И не говорит об Истории с большой буквы, которая, как Гжебалковская признается, наводит на нее скуку^[3], а описывает повседневность 1945 года.

В этой повседневности нет места радости. О том, насколько трудным было возвращение к нормальной жизни, свидетельствуют объявления в газетах, которыми автор перемежает трагические свидетельства главных героев. Параллельно одиннадцати индивидуальным повествованиям рассказывается история мучительных двенадцати месяцев восстановления Польши и преодоления военной травмы. Из объявлений мы узнаем, например, о призывах к гражданам принять участие в восстановлении страны, плаче матерей, предлагающих «отдать ребенка в хорошие руки», или о просьбах сообщить о судьбе собаки, единственного для кого-то близкого существа в послевоенной действительности. Магдалене Гжебалковской вся эта, на первый взгляд незначительная, информация необходима для того, чтобы читатель почувствовал себя участником событий 1945 года. Мы должны ощутить боль тех, кто ищет своих близких, надежду на завтрашний день малых предпринимателей, рекламирующих

свой товар. На протяжении всей книги «1945. Война и мир» ощущается этот переходный момент, взаимопроникновение прошлого и будущего.

Большая тревога на Диком континенте

Скрупулезно описанные элементы послевоенной действительности и почти физическое соприкосновение с историей выживших отличает «Войну и мир» от книги «Большая тревога. Польша 1944–1947» Марцина Зарембы, автор которой попытался дать исторически-социологическое описание событий, происходивших во время войны и сразу после нее. Автор хотел «разобраться, какой горб мы вынесли из войны, и как этот горб обременял нас в первые послевоенные годы»^[4]. Заремба ставит перед собой четкую цель — рассказать о военном и послевоенном польском опыте путем социологического обобщения явлений, противоречащих национальным мифам. Поэтому в «Большой тревоге» появляется мародер — в контексте крестьянской культуры, послевоенной нищеты и деморализации, и вовсе необязательно — антинемецких настроений и желания отомстить. Есть здесь и еврейские погромы. По мнению автора «Большой тревоги», мы жили в стране фобий и неврозов, но прежде всего — страха.

В более широкой, европейской перспективе подобной точки зрения придерживается Кейт Лоув в «Диком континенте». Британский историк описал Европу как место, разрушенное физически и нравственно. Место, огромные территории которого были охвачены описанной Гоббсом войной всех против всех, в котором «волны насилия и желание отомстить коснулись всех сфер жизни», и «целые общества терроризировались из-за того, что они — зачастую якобы — совершили во время войны»^[5].

Магдалене Гжебалковской близки обе эти перспективы. Книги Зарембы и Лоува — тексты историков, опирающихся на архивные документы, сообщения в прессе и даже художественную литературу. Включены туда, разумеется, и свидетельства уцелевших, однако труды этих авторов носят скорее исследовательский, научный характер. Позиция Гжебалковской, таким образом, дополняет «Большую тревогу» и «Дикий континент». С точки зрения не историка, но репортера, ставящего в центр повествования человека и его судьбу.

Судьбу необычайно запутанную. В самом начале книги «1945. Война и мир» мы найдем историю мародерши Нюси. Во время встречи с ней автор размышляет, как спросить пожилую любезную женщину, сидящую на диване в своей комнате, не испытывала ли та угрызений совести, участвуя в грабежах. А затем спрашивает себя и читателей: «Способна ли понять ее я, не пережившая войны?» Ни одна книга не поможет нам получить ответ на этот вопрос, но Гжебалковская подводит нас к нему чуть ближе. А это уже очень много.

Magdalena Grzebałkowska, «1945. Wojna i pokój», Wydawnictwo Agora, Warszawa 2015.

-
1. Nagrywajcie swoje babcie, póki czas!, Magdalena Grzebałkowska w rozmowie z Lidią Ostałowską, „Duży Format”, 23.04.2015
 2. Rok 1945 czasem spokoju? To naiwny stereotyp, Magdalena Grzebałkowska w rozmowie z Adamem Przegalińskim, „Wirtualna Polska”, 27.04.2015
 3. Nudzi mnie wielka historia, Magdalena Grzebałkowska w rozmowie z Agnieszką Sowińską, „Dwutygodnik”, nr 157, 2015
 4. Marcin Zaremba, Jesteśmy do dzisiaj poparzeni, „Kultura Liberalna”, nr 193, 2012.
 5. Europa po wojnie, czyli dziki kontynent, Keith Lowe w rozmowie z Maciejem Nowickim, „Newsweek”, 8.05.2014

Я — СЫН ГЕСТАПОВЦА

— У вас нет мобильного?

— Нет, но, как видите, я пунктуален — если договорился, то обязательно приду, разве что буду при смерти.

— *Лучше быть недостижимым?*

— Да. Я свободный человек, люблю, когда есть время для себя, мне не нужно постоянно отвечать на звонки и сообщать, где я, или докладывать, что мой самолет приземлился. Люди смотрят в эти свои мобильники, куда-то нажимают, я не знаю, что они там делают. У меня нет такой необходимости. Я же не сантехник, мне не нужно бежать, когда позвонят, что труба лопнула. Я писатель.

Дома, в деревне у меня есть стационарный телефон, но беспроводной. Гордо хожу с ним по саду — вершина прогресса.

— *Жизнь на обочине, то есть одиночество по собственному выбору?*

— У нас с женой есть квартира в Вене, но мне больше по душе моя деревня, Боксдорф в восточной Австрии, в Бургенланде. Я садовник, выращиваю овощи, яблоки. Мне это нравится. Когда сажаешь салат, есть ощущение, что делаешь что-то достойное. У меня больше десятка сортов, на вкус лучше всего гибриды. Если кто-нибудь придет, то обязательно получит хороший салат. С физической работой я тоже знаком, в гимназии меня учили столярному делу. Не представляю себе, как можно в жизни заниматься только интеллектуальным трудом.

Иногда я никого не вижу целыми неделями. Сын сейчас работает в Лаосе, а жена больше времени проводит в Вене. В деревне по ночам слышны разные звуки — то сова, то косуля. Жене кажется, что среди людей безопаснее.

— *Это не так?*

— Я предпочитаю быть один в своем саду. Теперь у меня есть друг — возле дома крутится зайчишка. Я всегда знаю, где он, но не мешаю ему. Встаю около четырех, пью кофе, топлю печь в кухне и выхожу из дому на работу. Это значит, иду через двор в библиотеку. Я занимаюсь литературой факта, в деревне у меня

много книг, ксерокопий, снимков и килограммы странных вещей. Я с детства собираю все, что найду.

— *Амулеты?*

— Делаю вид, что не верю, но я верю. Например, в любой поездке для меня важно найти монету. Здесь, к сожалению, пока не нашел.

— *О, я могла бы что-нибудь подбросить.*

— Речь не о подаренных или каких-то ценных монетах, а о найденных — для меня важны только такие. Некоторые ношу с собой, у каждой моей книги есть своя монета. Вот, взгляните. Например, словацкие 10 геллеров — это «Убитый в бункере». Я нашел ее в Ружомбероке, когда искал там следы деятельности моего отца. С тех пор я ношу ее в кармане, столько лет. Американский цент, найденный в США, — это «Император Америки». Вот этот евроцент у меня из Словении, это моя новая книга «Отравленные пейзажи».

Еще я храню найденные кости животных, перья, зубы.

— *Собираете фрагменты бытия?*

— Это, как ни смотри, значительная часть моей жизни. За последнее время самая существенная моя добыча — вилка с надписью «SS», выкопанная у меня в саду. Монета на улице — тут нет ничего особенного, но эта вилка — в моем любимом саду? Неприятный сюрприз. Но, кажется, из этого и состоит моя жизнь, из неприятных сюрпризов.

— *Вы сами выискиваете следы смерти. Может быть, это не пейзажи, как вы пишете в книге, а ваш взгляд отравлен?*

— Недалеко от моей деревни, в местности Дойч-Шютцен, во время войны были убиты 60 венгерских евреев, и только в 1995 году обнаружили их братскую могилу. Это всего в 20 км от меня, мне нравятся тамошние люди, так что я иногда их спрашиваю об этих убитых евреях, а они в ответ: «Оставь нас в покое. Хочешь, у нас есть отличное красное вино, удалось в этом году».

— *Морочите голову соотечественникам.*

— Недавно я разговаривал с историком, который сделал фильм и написал книгу о Дойч-Шютцен. Собственно, это рассказ об одном эсэсовце, который стрелял в тех евреев. Все знали, что он виновен, только не хватало доказательства преступления, то

есть могилы. После 1995 года историк взял немецкую телефонную книгу и нашел этого человека, у него была редкая фамилия — Штормс. Позвонил ему и спросил, был ли он в 1945 г. в Бургенланде. Тот подтвердил. И что же? Евреям, само собой, поставили памятник, а эсэсовец несколько лет тому назад мирно скончался. Австрийские власти ничего не сделали, чтобы поймать его и отдать под суд. Никого это не интересует.

— *«Здесь уже, на самом деле, нет ничего, кроме свинарников и церквей, и фашистов», — высмеивал австрийскую провинцию Томас Бернхард.*

— Я не считаю даже, что нынешние австрийцы — фашисты, они, скорее, беспечны: нас это не касается, дело прошлое, мы не виноваты.

Я сам сталкиваюсь с обвинениями, что преувеличиваю, что все было не так. Я всегда отвечаю одинаково: я родом из Линца, это средний город, в нем 200 тысяч жителей, во время войны было, может быть, 150. Мой отчим ходил с Гитлером в школу, хорошо его знал. Гитлер, на самом деле, был из Браунау, но несколько лет учился в средней школе в Линце, как и Ханс Поллак, мой отчим. У них был один и тот же учитель истории, Леопольд Пётч, о котором с почтением писал Гитлер. Адольф Эйхман — хотя и немец, но выросший в Линце — ходил в ту же школу, и у него был тот же учитель. И Эрнст Кальтенбруннер, начальник Главного управления безопасности Рейха, тоже был связан с Линцем.

Видите ли, это была наша жизнь. Сын Кальтенбруннера был старше меня, моя сестра с ним дружила, мы были хорошо знакомы. Приличная семья, сын не был нацистом. Мой отчим знал и семью Эйхмана, они долго жили в Линце. Ну, хорошо, в уничтожении евреев они не виноваты, но нельзя говорить, что нас это не касается.

Несколько месяцев тому назад словенская Академия наук пригласила меня в Люблян в связи с «Отравленными пейзажами», мое издательство написало в тамошний Австрийский культурный форум, спрашивая: смогут ли они участвовать в обсуждении? Те ответили утвердительно, но потом сразу же отказались. Мало того, у них есть сайт, на котором они сообщают об австрийских мероприятиях в Словении, где они анонсируют даже приезд кролиководы — но о моей встрече ни слова, говорят, мол, «не заметили». А что произошло в Австрийском институте в Варшаве несколько лет назад? Во время презентации «Убитого в бункере» все австрийцы, во главе с директором, вышли, остались одни

поляки. Я написал письмо, которое напечатали в австрийской газете. Директор (уже бывший) ответил, что это недоразумение. Вот именно, недоразумение.

Люди в Австрии счастливы. Они не хотят признавать, что тоже были палачами. А в концентрационных лагерях и на территории бывшей Галиции их было немало. Статистически — больше, чем немцев. Отто Вехтер — губернатор Галиции в Генерал-губернаторстве; Одило Глобочник — ответственный за смерть 1,5 млн человек в лагерях; Франц Штангль — комендант Треблинки и Собибора; Амон Гёт — комендант лагеря в Плашове; упоминавшийся уже Кальтенбруннер и много других важных имен. Не говоря о том, что сам Гитлер был австрийцем. Глупо не признавать этого. Прошлого не изменишь. Но откуда берется такой менталитет?

— *Откуда?*

— Не знаю. Ведь нельзя сказать, что все они были психопатами. Если бы были, легче было бы все это понять.

Во время аншлюса, когда австрийцы приветствовали Гитлера, евреев заставили чистить улицы щетками. В литературе можно прочесть, что это какие-то чудовища вылезли из своих нор и унижали евреев, тогда как у меня есть снимки, на которых видно, что над евреями стоят нормальные австрийцы, даже улыбающиеся женщины с детьми. К сожалению, никаких чудовищ. Это хуже всего. Так же, как с моим отцом: он был душой компании, спортсменом, альпинистом. Закончил юридический факультет, должен был уметь отличить добро от зла — ведь в чем суть юриспруденции?

Помню, как после выхода «Убитого в бункере», незадолго до авторской встречи в Граце, где учился и служил в гестапо мой отец, мне позвонили. Пожилая женщина спрашивает, я ли этот писатель, сын Герхарда Баста. Я ответил утвердительно, а она давай рассказывать, как была в него влюблена. Ей было 16, она встречала его в трамвае, они флиртовали. Мне хотелось узнать побольше, и я увиделся с ней. Она говорила: «Он был прекрасным человеком, клянусь вам». И эта женщина прочитала мою книгу. Не знаю, что она из нее вычитала.

Те, кто мог бы сказать о нем что-то плохое, мертвы. В «Отравленных пейзажах» я упоминаю женщину, которая, прочитав «Бункер», написала мне, что среди неопознанных словацких евреев, убитых подразделением моего отца, был ее дядя, аптекарь Енё Кон, но ведь мертвый ничего не расскажет.

— Отец убивал безымянных людей, а вы возвращаете из забвения тех, кого удастся.

— Я вам кое-что покажу. Я писал, что во время Варшавского восстания отец был в Радзеёвице под Варшавой, и что он велел расстрелять около 20 польских заложников, привезенных из-под Белостока. Кое-кто сомневался в том, что это действительно произошло, а теперь, в марте, я получил письмо. Отозвался свидетель, который присутствовал при эксгумации их тел. Прочитайте, это неприятно.

— «Тела плавали в воде...»

— Для меня важно, чтобы удалось найти имена этих убитых, ведь дело в том, черт возьми, что у кого-то в семье есть отец или дядя, которого в июле 1944 забрало гестапо, и до сих пор неизвестно, что с ним произошло. Это моя работа. Вернуть им идентичность, лицо, собственную историю. Такой вот Енё Кон — вроде бы, уже известно, что аптекарь, но какой была его жизнь?

— Одержимость?

— Недавно меня спросил об этом австрийский журналист — не одержим ли я? Не думаю, я человек не мрачный, скорее спокойный, полагаю, довольно веселый. Конечно, осознание преступлений отца изменило мою жизнь, с тех пор, как я начал их расследовать, меня мучает бессонница.

— Когда же это началось?

— Мне было уже за 50. До этого я знал, что он был гестаповцем и эсэсовцем. И всё, пожалуй. Никто, например, не сказал мне, что он служил в Польше, а Польша всегда была важна для меня, я провел здесь несколько лет. Узнал я только в 90-е годы. Может, я и сам это оттягивал. Я боялся. И не зря.

Психически я устойчив, как мне кажется, но для меня начался трудный период. Постоянно открывалось что-то новое, неприятное. Как сейчас с этим Радзеёвице, откуда отец ездил в Варшаву, а я не знал, зачем. Теперь уже знаю. Несколько лет тому назад я нашел материалы в немецком архиве. В ходе расследования дела Хайнца Райнефарта, ответственного, в частности, за Вольскую резню^[1], один из его людей показал, что однажды арестовали человека в гражданской одежде, имевшего при себе оружие, но это был немец, а не поляк. На вопрос, кто он такой, тот ответил: «Доктор Мабузе». Вы знаете этот фильм «Др. Мабузе»?

— *Немой фильм Фрица Ланга о главаре банды и убийце. Мабузе — это предвосхищение Гитлера.*

— Да, так что ответ звучал, как зловещая шутка. Он показал им документ, дающий ему право ходить в гражданском, и потребовал передать ему автоматы: у него такой маленький отряд, уничтожают поляков. Ему дали, кажется, 15 автоматов. Этот доктор Мабузе — мой отец.

— *Вы уверены?*

— Тому, кто это говорил, показали разные фотографии, он указал на Герхарда Баста. Отец находился в Радзеёвице, у него был специальный отряд, они выходили в гражданской одежде и действовали по такому же принципу, как бригада Каминского, палача Охоты^[2]. Например, они, по-видимому, убили целую группу варшавян в каком-то костеле.

— *Когда вы узнаете такое, вас не посещает мысль: зачем мне все это?*

— Моя жена тоже об этом спрашивает.

Иногда я думаю, что, может быть, оставить это, не знать больше ничего. Но, поглядите: теперь кто-то из этого Радзеёвице обратился ко мне, сообщает подробности...

— *Используя заголовок одной из ваших книг, можно сказать, что вы стали «отцеубийцей». Все ваши книги — как обвинительный акт для отца, для семьи, для Австрии.*

— Я должен жить с этим. Что тут поделать?

— *А что вы думаете о себе — кто вы?*

— Я сын гестаповца.

Это должно остаться навсегда. Я бы даже не хотел этого вычеркивать. Для меня важно говорить об этом, не скрывать. Это часть моей личности, во мне тоже есть что-то от этого. Не скажу, что в генах, но в воспитании. Иногда жена подшучивает надо мной: типичный «дойчер», немец. Она наполовину словенка, может быть, она права? Я строг, мне нужен порядок. Из такой уж я семьи происхожу, просто мне повезло. Хайдер^[3] был из точно такой же — его отец тоже был ярым нацистом — и вот, пожалуйста, куда его занесло.

— *На том свете он наверняка дружит с Гитлером и заказывает по пять кружек пива.*

— Думаю, в Австрии снова что-то случится. Был Йорг Хайдер, на его место стал Хайнц-Кристиан Штрахе^[4]. Но не только у нас дела плохи. Я смотрю на Венгрию, и мне страшно. Смотрю на Россию — еще хуже, так как здесь речь идет о Европе, а не только об Украине. Я в отчаянии, когда вижу, как у нас приветствуют Путина аплодисментами, в прошлом году в Вене его встретили стоячей овацией. Это же бизнес, а Украина только мешает. Путин для австрийцев великий человек, Россией должна управлять сильная рука — если не будет Путина, воцарится хаос. Вот в Германии — по-другому. Я был в этом году в Лейпциге и говорил, что благодарен г-же Меркель за твердую позицию. Австрийцы оскорбились.

— *Хорошо ли, что слово Германии так много значит в Европе?*

— Хорошо. Они тоже осторожничают, делают с Россией бизнес, однако у Меркель есть принципы. Однако у меня нет иллюзий, зло не закончилось вместе со Второй мировой войной.

После войны мы с матерью, братом и сестрой жили у крестьян в долине реки Эмс, отчим приезжал к нам. Вместе с еще одной семьей нас туда «эвакуировали». Я до сих пор не знаю, по какому принципу была тогда организована помощь беженцам. Кто это оплачивал? Мы жили в бедности, деревенские нас кормили. О войне говорили мало, но я помню, что мать иногда пела песню о том, что нацисты вернутся. Как она звучала? Такая популярная мелодия, американская... «Hey baba reba, hey baba reba, die Nazis kommen wieder». Вот так как-то пела. Действительно ли она в это верила?

— *Вы мало о ней писали.*

— Для меня это было трудной темой.

В конце войны она развелась и вышла замуж за моего отца. Несмотря на это, она так и жила под одной крышей со своим прежним мужем, отцом моей сестры и брата. Когда узнала, что отца убили, то снова вышла замуж за отчима — нетипичная ситуация.

Я родился в 1944 году. Когда мне было полгода, наш дом в Линце разбомбили. Разыскивая информацию об отце, я узнал, что провел под завалом двое суток. Меня засыпало вместе с нашей любимой домработницей Реси, которая никогда мне об этом не рассказывала. Она была замкнутой, как и мы. И лояльной по отношению к родителям. Она ведь все знала. Что моя мать, имея двоих детей, изменяла мужу, и что я не был сыном своего

отчима — и никогда даже словом об этом не обмолвилась. А моя мать в этом отношении была особенной.

У нее всегда были любовники. У знакомого промышленника — мы звали его «дядя Хайнц» — была даже своя комната в нашем доме. Мама ездила с ним в Египет, на Мальту, в Швейцарию... Мы не были богаты. Удивляло, что мама уезжает с дядей, а отчим остается. Он на все соглашался. Не знаю, почему. Он был в нее влюблен, и был намного старше ее. Он был с 1891 года, а она с 1912-го.

— *Эмансипированная?*

— Совсем наоборот. Она ничего не делала, у нее не было профессии, дом вела Реси. Когда в 1968 году умер отчим, мама оказалась беспомощной. Не знала, как платить по счетам, ни в чем не разбиралась.

Для меня она была хорошей мамой, душевной, хотя у моей сестры Сюзанны, которая старше меня на четыре года, было другое мнение. Ее уже нет, она закончила трагически, была алкоголичкой. Может быть, из-за того, что осталась дома. Мы с братом уехали, когда Андреасу было 12 лет, а мне 10. До 19 лет я жил в интернате, далеко от дома, под Зальцбургом, а потом поехал учиться в Вену.

Я любил маму. Ради нее, пока она была жива, я не занимался отцом. Только теперь я могу рассказать о ней, о дяде и других мужчинах, он ведь был не один. Она считала, что ей это можно. В то же время в ней была мелкобуржуазность, она строго обращалась с моей сестрой, устраивала ей скандалы по поводу аморального образа жизни. Только она могла делать, что хотела. Ну, люди в Линце же не были идиотами, все знали, что г-жа Поллак едет на отдых с г-ном Хайнцем. Но ее не осуждали, ничего не говорили.

— *Чем вы это объясняете?*

— Лицемерием.

Отчим, конечно, страдал, но никогда не показывал вида. Есть такое глупое слово «джентльмен». В этом отношении он был джентльменом, относился к маме, как к богине. А для нее, в свою очередь, любовью всей жизни был мой отец. Она защищала его передо мной. Говорила о нем редко, но всегда подчеркивала, что он хотел уйти из гестапо. Я в это не верю, так как не нашел никаких следов, указывающих на это, да и дед с

бабкой в Амштеттене говорили совсем другое. Они гордились: их сын был настоящим героем, нелепо погибшим.

Несколько месяцев тому назад я получил материалы, оставшиеся после брата деда — несколько ящиков бумаг и фотографий. В одном из писем он описывает смерть моего отца. Пишет, что его расстрелял в 1947 году итальянец — это неправда, его убил тирольский крестьянин, немец, с целью ограбления. Ну, немец же не мог застрелить своего, а итальянец — известное дело, предатель. Создавали для отца легенду.

— *Мать сознавала, что любила преступника?*

— Не представляю себе, чтобы он писал ей в письмах, что охотится на евреев или поляков. Любовнице таких вещей не пишут. Но она не была глупой. Когда они познакомились, он возглавлял гестапо в Линце. Она не могла не знать, чем он занимается.

Одним из друзей нашей семьи был высокопоставленный австрийский эсэсовец из Словакии, штандартенфюрер, то есть человек в чине полковника, немецкий связник с гвардией Глинки, словацкого полувоенного формирования, отправлявшего евреев в лагеря. До войны он работал учителем в австрийской провинции, затем сделал карьеру у нацистов. После войны бежал в Германию, жил там под чужой фамилией, но навещался к нам. Мы, будучи детьми, знали, что у него не настоящая фамилия. Но в Австрии ему не нужно было скрываться. Приезжал, все его знали, у него была семья и дети, которые до сих пор его защищают.

Мою мать это не интересовало. Она считала, что политика — дело мужчин, какое-то ребячество, женщины занимаются более серьезными делами. Она не была нацисткой или антисемиткой. Мой отчим — да, а она — нет. Он разделял взгляды Гитлера до конца жизни. Мы с братом с ним спорили, но это были бесплодные дискуссии, антисемитизм иррационален. Типичные ссоры того времени: «Признайтесь!», а они: «Нет, нет». И мать: «Ну хватит уже, пожалуйста, еда стынет».

— *Вы упоминали, что отчим знал Гитлера со школьных лет. Он рассказывал о нем?*

— Однажды их классы вместе выезжали за город, и Гитлер поджег траву. Дети стали кричать на него, а он произнес им какую-то речь. Гитлер был на два года старше его, но остался в одном классе на второй год. Отчим, который всегда был

отличником, смотрел на него немного свысока. Он происходил из буржуазии, а этот Гитлер — неизвестно кто. Отчим был на него немного обижен, потому что просил руки его племянницы Гели Раубаль, той, у которой был роман с Гитлером, и которая покончила с собой. Мой отчим хотел жениться на ней, а Гитлер был ее официальным опекуном и не разрешил.

Никто никогда не расспрашивал отчима о Гитлере, а ведь не так много людей знало его лично, легко проверить, кто ходил с ним в школу. Один только Август Кубичек^[5] что-то там написал, а кроме него, никому в Австрии не было до этого дела. Тоже типично.

— *Отчим афишировал свои взгляды?*

— Нет, он был художником — неразговорчивый, пожилой, в возрасте моего деда. Заканчивал дискуссию, вставал и уходил. Но своего мнения не скрывал. В Линце уже почти не было евреев, однако он повторял, что это евреи всему виной. При Гитлере все же были хорошие времена, был порядок. Мы с ним ссорились, но это не были серьезные ссоры, которые бывают с близким человеком. Он держал дистанцию. Но не потому, что не был мне родным отцом, точно так же он вел себя с моим братом.

Важнее всего для меня были мама в Линце и бабка с дедом в Амштеттене. Моя жизнь разделилась — то тут, то там, почти поровну. В детстве мне казалось странным, что я один езжу в Амштеттен, где жила семья отца, и выхожу там из поезда уже не как Поллак, а как Баст.

Я всегда носил фамилию отчима. Отец написал в завещании, что хочет, чтобы я был Бастом. Какое-то время, в 14–15 лет, я колебался, но потом отверг эту мысль. Может быть, уже тогда мне хотелось подчеркнуть, что меня ничто не связывает с тем, что он делал, хоть это и иллюзия. Я его сын, Поллак меня зовут или Баст.

Кстати, в Амштеттене я жил не у деда с бабкой, а у знакомого. Дядя Фриц был врачом, вдовцом. Воевал под Сталинградом. Нацист. Все нацисты. Для ребенка это ничего не значит.

Когда я изучал материалы для одной из книг, то говорил с соседями о том, что моя бабушка вела у него домашнее хозяйство, а кто-то ехидно заметил: «Ну не только». То есть была любовницей. Я был шокирован. Мне говорили: «Ты ведь там жил, неужели ничего не заметил?». Нет. Для ребенка было невообразимо, что у бабушки тоже есть какая-то сексуальная

жизнь. До сих пор я не очень-то это понимаю. Как это? Моя любимая бабушка — любовница?

— *Каждый живет, как хочет, но в то же время они утверждали, что они самые лучшие, самые чистые.*

— Я ведь то и дело узнаю, что у деда были внебрачные дети то тут, то там, и ни об одном он не заботился. Когда умер, объявились разные мамы с претензиями на наследство. Он умер в 1960 году, перед смертью спился.

— *Его мучили какие-то угрызения совести как бывшего члена НСДАП, адвоката, ответственного за отъем собственности у евреев?*

— Не думаю, они пили с юных лет, такой регион, такая традиция. В Амштеттене пьют много вина. Помню, в первый раз я напился в пять лет. Мы с дедом пошли на рыбалку, потом в ресторанчик и пили с дедовыми друзьями. Мужские дела. Ничего такого — дед очень меня любил. И бабушка — я был самым избалованным из ее внуков. Она хотела все решать за меня: я должен был изучать германистику. Когда я выбрал славистику, а потом полонистику, она разозлилась. А я выбрал назло бабушке — глупо, но это пошло мне на пользу. Она не хотела с этим примириться, перестала платить за мою учебу, мне пришлось работать ремонтником. В 1965 году я приехал на стажировку в Польшу.

— *Бабушка предостерегала?*

— Да. Поляки — им нельзя доверять, будь осторожен.

Написала мне, чтобы, не дай Бог, не вернулся с какой-нибудь полькой, а еще хуже — с еврейкой. А я в Польше знакомился с еврейской культурой, у меня были здесь друзья, в том числе Ида Каминская^[6], я читал Бруно Шульца, докторскую работу писал по Ожешко, так как у нее важное место занимали еврейские проблемы, и т.д. В ответ я написал бабушке, что все кончено, семья для меня больше не существует. Я был очень самоуверен. Хуже всего, когда ты думаешь, что прав. Я был прав, но нет ничего черно-белого.

— *А что бабушка говорила о войне, о лагерях?*

— Уничтожение евреев для нее не существовало. Этого не было. Все — ложь. Бабушка не хотела принимать это к сведению. Такое трудно понять.

Сейчас я просматриваю новые материалы, оставшиеся от брата деда, и уже могу над чем-то смеяться, хоть это и грустно. Дядя Эрнст из всей семьи был в наименьшей степени подвержен влиянию нацизма, но он тоже был нацистом. Мне попала переписка 60-х или 70-х годов. Некто с французской фамилией пишет дядюшке по-немецки, за что-то благодарит его. Проверяю эту фамилию — а это известный военный преступник, француз, сотрудничавший с гестапо. И дядюшка ему помогал. Не знаю как, может быть, финансово. Думаю: черт возьми, откуда он его знал? Иногда у меня такое чувство, что это никогда не закончится.

Я знал этого дядюшку, он был добрым, приветливым. Его сын до конца жизни праздновал день рождения Гитлера — ездил в Браунау. Был еще радикальнее дяди, как мой отец — радикальнее деда. А вот его внуки уже другие, правда — в отличие от меня — не хотят ничего знать, считают, что их это не касается.

— Когда произошел раскол между вами и родней?

— В Линце я ходил в католическую начальную школу. Мы не католики, просто это была ближайшая школа. Мне пришлось креститься, но для меня это не имело значения. Что такое нацизм, я немного понял в гимназии под Зальцбургом, вдали от дома. Там я провел девять лет.

Тогда это была единственная школа в Австрии, где обучали профессии. У брата возникли трудности в гимназии в Линце, и отчим решил перевести его туда и заодно отправить меня. Благодаря этому я стал столяром. Там учились и дети беженцев. Из товарищей у меня больше всего было русских, но немало и украинцев, венгров, болгар, югославов, несколько евреев. Отчим не осознавал, насколько обучение в этой школе идеологически отличалось от его мышления. Она была либеральной, на нас не давили. Школа находилась в безлюдной местности, в горах, правда, жили мы бедно, ходили голодными. Холод, убогие условия, ад для маленького мальчика. А я был доволен. Другие дети скучали — это нормально, скучать по семье. Я не скучал. На каникулы брат ездил домой, я — редко.

— Потому что было не слишком весело?

— Я держался подальше от этого. Боялся, конечно, и разговоров с матерью, ни о чем не спрашивал. До сих пор я не очень привязан к семье, это идет из детства.

Моему сыну Якобу 37 лет. Он получил прекрасное образование, работает в ООН, всего достиг сам. У нас неплохие отношения, но я никогда не был хорошим отцом. Я слишком мало разговаривал с ним, не интересовался, чем он занимается. Я погрузился в свой мир.

Только в 12 лет я узнал от мамы, что у меня другой отец, нежели у брата и сестры, но он умер. Года через два — что он служил в СС. Разговор был недолгим. Помню, я вернулся в интернат немного расстроенным, рассказал друзьям. Мать дала письмо отца ко мне, которое он прислал ей во время войны, в нем были рисунки и надпись крупными буквами, что он меня любит. Я с гневом взял его, а потом уничтожил. Мне полагалось любить отца, но — благодаря этой школе — я уже знал, что такой человек не нужен мне в жизни. Я отверг его, а через много лет вернул себе. Начал искать, расследовать, читать.

— *Это ваша жизнь, а вы занимаетесь жизнью отца.*

— Мне удастся это разделять. Когда я работаю в саду, я в другом мире.

— *А бессонница?*

— Лежу, у меня в постели блокнот — когда жены нет. То напишу что-нибудь, то выйду в сад.

— *Ночью?*

— Да, хожу по саду и слушаю, что там происходит. Животные ведут себя иначе, чем днем, они ведь почти все ночные. День присвоил себе человек, им принадлежит только ночь. Больше всего радуется, когда услышу сову. Приходят косули и олени. Есть один, который рогами разоряет мне сад, о Боже, что он вытворяет!

Я такой человек, что могу жить без света. Хорошо вижу ночью. У меня есть навес для машины, жена хочет провести туда освещение, но ведь машине не нужен свет, а я и так знаю, где она стоит, дойду. Светом я не пользуюсь, только для чтения. Теперь я в ссоре с местными властями: они установили фонарь — довольно далеко, но свет доходит до меня. Это деревня, с сумерками люди ложатся спать, никому этот фонарь не нужен, а мне мешает. Вокруг живут птицы, ночью свет будит их, они не понимают, что происходит — зачем нарушать им ритм? Это их мир, а не мой.

— *«Ты лишь один из тысячи вокруг»^[7]?*

— Конечно. Больше всего мне нравится наблюдать за птицами, я их знаю. Но у меня нет потребности прикоснуться к какому-то животному, приручить. Зайчишка знает, что я есть, а я знаю, что есть он — и мы сохраняем дистанцию, хотя он красивый, маленький, вдобавок в любой момент его может загрызть лиса. Это не мое дело. Так же, как с дроздом. А я не раз видел, как сокол убивает и съедает дрозда, знаю, что он всегда начинает с головы, то есть с мозга.

— *Вы на это смотрите?*

— Это интересно, хоть и неприятно. Сокол убивает, но не убивает, просто сидит, держит этого дрозда и ждет, пока тот не перестанет шевелиться.

— *И вам никогда не хочется освободить дрозда?*

— Нет.

Ну, может, и хочется, но я этого не сделаю.

— *Почему?*

— Сокол тоже должен жить, он тоже живет у меня. Теперь у него есть жена, то есть будут малыши. И у фазана тоже есть жена, всегда был один, и вдруг с барышней пришел. Наверное, скоро вторую приведет, ведь у фазанов бывает небольшой гарем.

— *То есть вы примирились с тем, что мир такой, какой есть?*

— Не мое дело его исправлять. Животные сами знают, как жить, мы им только мешаем — например, этим нашим светом. Но, с другой стороны, я создаю им хорошие условия, у меня много скворечников. Виноград тоже для них. Мы с женой съедаем немного, но не настолько, чтобы им не хватило. В саду можно многое для них сделать, не нужно его бестолково упорядочивать. Однажды пришел ко мне бургомистр — мол, надо спилить старое дерево. Я ему объясняю, что не буду — сколько птиц кормится с этого дерева. Недоволен. Деревенские уже знают мой ответ, меньше вмешиваются, а бургомистр постоянно: «Эта трава не слишком высока?». Спрашиваю: «Для кого, для тебя? Ведь это моя трава». «Но как это выглядит?».

— *Им не мешает то, что убивали евреев, но мешает нескошенная трава.*

— Возможно, я не подхожу своим австрийским соседям, поэтому часто бываю один.

— *А семья простила вас?*

— Мама умерла в 1976 году, она не знала, что я буду писать об отце. Я сам с этим мучился. В 70-е годы я десять лет работал в левом, еврокоммунистическом ежемесячнике «Винер тагебух». Почти все в редакции были евреями — после Освенцима, после Равенсбрюка...

Брат отца не воспринимал меня. Он несколько лет как умер. Всего пару месяцев тому назад я узнал, как раз из этих вновь обнаруженных бумаг, что после войны он пять лет жил в Германии под чужим именем, работал в налоговом управлении, так что, наверняка они знали, кто он. С ним ничего не случилось. Не думаю, чтобы он был большим военным преступником, но он боялся.

Когда-то, задолго до книги об отце, у меня была на телевидении дискуссия об антисемитизме в Австрии. Когда мы потом встретились, он не подал мне руки, только сказал: «Мы ожидали от тебя такого». Больше он со мной не разговаривал. Единственно, когда умерла бабушка, прислал телеграмму, а на похоронах бросил: «Ты знаешь, что это твоя вина, ты разбил ей сердце». В каком-то смысле, он был прав. Она желала мне добра, была самой лучшей бабушкой, но смотрела на этот мир не так, как я. К тому же, это был 1968 год, я даже был в марте в Польше^[8], потом меня забрали во дворец Мостовских^[9], допрашивали, с кем я контактирую, и велели уехать, так как в 1967 году, во время войны, я поехал в Израиль волонтером — работать. Когда началась война, никто не знал, что она будет такой короткой. Мой друг, еврей из семьи австрийских промышленников, сказал: «Война в Израиле, нужно ехать!». Мы пошли, встали в очередь на запись. Друг спрашивает, звонил ли я родителям, что еду на войну в Израиль, помогать евреям. Я говорю: «С ума сошел? Я же не идиот». Он в ответ, что тоже не сказал, поэтому забежит ненадолго домой. И уже не вернулся. Осталась только маленькая группа евреев из Вены. И я, сын гестаповца.

— *Чувство вины?*

— Скорее, ответственности. Я был молод, верил в равенство. Четыре месяца занимался физическим трудом в кибуце «Ашдот Яаков Меухад» в долине Иордана. Я был троцкистом — эта моя левизна, возможно, вначале происходила из бунта против семьи. Ведь, отправляясь учиться в Польшу, я думал, что еду в коммунистическую страну, а здесь не было коммунизма. Единственные коммунисты в Польше — это те, что с Запада. Все в моем общежитии — из Италии, Бразилии,

Чили, Англии — были левыми, только поляки не слишком. И у меня это тоже немного прошло, впрочем, я никогда не принадлежал ни к одной партии. Для «Винер тагебух» я переводил документы польской оппозиции. А когда приехал сюда в 1980 году корреспондентом «Шпигеля» писать о забастовках на Балтийском побережье, меня не пустили, сочтя «нежелательной персоной». Прежде чем отправить в Вену, заперли на одну ночь в аэропорту где-то в подвале, в комнате рядом с мужским туалетом. Я сидел с арабом, который приехал сюда развлечься с поляками. И спрашивал: «Ты тоже?». Я ответил, что да, тоже.

— *У каждого в жизни своя задача?*

— Задача — это громкое слово, но это так. Моя — отыскивать следы, рассказывать о том, что было. Это ничего не изменит, не сделает мир лучше, однако важно, чтобы мы попытались. А теперь мне не дает покоя эта эсэсовская вилка, найденная у меня в саду. Откуда она взялась? Прежний хозяин не был эсэсовцем. Как будто судьба настигла меня даже здесь, в моем саду. А я бы хотел, чтобы в нем развеяли мой прах, у жены другие планы — в общем, неважно.

— *Что такое смерть?*

— Для меня это не имеет большого значения. Я болен, у меня рак, так что приходится думать об этом. Выяснилось два года назад. Меня оперировали, делали снимки. Недавно я узнал, что это неизлечимо, но можно прожить с этим еще несколько лет.

— *Печально.*

— Ничего страшного. У меня ничего не болит. Но я знаю об этом. Жена больше испугалась. Всю жизнь я был здоров — и вдруг такое. Может, это возраст, мне 71 год. Мои знакомые начинают уходить, из нашего класса уже шестеро ребят. Если я вообще думаю о смерти, то о том, что лучше всего было бы умереть в горах. Идти куда-нибудь и ждать. И чтобы меня не нашли, в крайнем случае, через несколько лет. Знаю, это звучит по-детски, может быть, романтично, но я предпочел бы уйти в одиночестве, во всяком случае, сейчас я так думаю.

— *Всю жизнь вы занимались чужой смертью...*

— Кажется, меньше всего я думал о собственной. Даже эта болезнь не слишком меня интересует. К врачу со мной ходит жена, так как однажды я пошел один и потом не мог ничего ей рассказать. Поэтому теперь она ходит, спрашивает, а сижу

рядом, как будто это меня не касается. Может быть, это эскапизм. Чтобы не знать.

— *Так что такое смерть?*

— Конец. Я неверующий. Таков миропорядок, а я его часть. Так же, как мой зайчишка. Как дрозд. Чему быть, того не миновать. Хотя, с другой стороны, меня все еще интересует человеческая жизнь. Жизнь моего деда Рудольфа, его братьев и сестер. Но если я хочу успеть с книжкой о них, я должен поспешить.

Я снова бы вернулся к моей семье, в 1945 год. Об этом мало пишут, это непросто, палачи становились жертвами и наоборот. Я не хочу этим сказать, что преступления моего отца становятся меньше от того, что сестра деда умерла сразу после войны в лагере, в который ее заключили югославские партизаны — а она как раз была невиновна, не была ни нацисткой, ни сторонницей идеи великой Германии, и замуж вышла за словенца.

Чем дольше я занимаюсь поколением деда, тем больше удивляюсь. Они жили в Лашко, на юге габсбургской монархии, заселенном, в основном, словенцами. В семье было восемь детей, четверо мальчиков и четыре девочки, из них одна вышла замуж за словенца, вторая за еврея, третья за хорвата — и только одна за немца. Их не коснулось это фанатичное немецкое мышление. А мой дед и его братья — нацисты до мозга костей.

— *Мужские дела?*

— Наверное, да. Воспитание в великогерманском, антиавстрийском духе — мечтали об объединении с Германией. Жили с культом германского Рейха и Бисмарка, ни в коем случае не Франца-Иосифа. Даже посадили перед своим домом дуб Бисмарка, он до сих пор там стоит. Ходили в немецкую гимназию в Целе, где не было мест для словенцев. Учились в Граце и еще до вступления в НСДАП принадлежали к студенческой корпорации «Германия». В соответствии с ее обычаями, они сражались в фехтовальных поединках, по их лицам текла кровь, а они радовались. С детства помню, у каждого мужчины в моей семье были шрамы от рапиры. Они называли друг друга "Bundesbruder", брат по корпорации, до старости поддерживали контакты. Это было серьезно.

— *Вы немного понимаете их?*

— Нет. Но не могу сказать, что никогда бы не сделал того, что они. Родись я на полвека раньше, может быть, тоже был бы таким. Они были заложниками своего времени. Ведь они делали это не ради карьеры. Все сидели в тюрьмах — и дед, и отец, и дяди...

— *Идеалисты?*

— В определенном смысле. Отдали все ради дела.

— *Ради расы. Но что такое эта раса?*

— И здесь этот раскол. Я никогда не понимал, что это значит, что кто-то еврей. Причем, в моей семье был этот бедняга Гвидо, сын сестры деда, которая вышла за еврея. Муж умер до войны, повезло. А Гвидо был «наш», нашего трогать нельзя.

Слово «народ» тоже не имеет для меня значения, но, возможно, потому, что я австриец. Австрия — это такое неизвестно что. Для моей семьи было ясно, что мы немцы, так что я думал: «Я-то точно нет». Конечно, по воспитанию и литературе я австриец, но не по национальной идентичности. Впрочем, габсбургская монархия была многонациональной. Боксдорф, где я живу, находится в восточной Австрии, близ венгерской и словенской границы. До Первой мировой войны этот регион принадлежал к Венгрии и там преобладал венгерский язык. Уже 500 лет там живет и хорватское меньшинство, много цыган, когда-то было немало евреев, этническая смесь. Меня всегда тянуло к меньшинствам.

— *Всё наперекор семье.*

— По вине моей семьи люди бесследно исчезали, теперь я ищу эти следы. Хотя, с другой стороны, я сам хотел бы исчезнуть без следа.

Мартин Поллак — писатель, автор репортажей и эссе, переводчик. Недавно вышла его книга «Отравленные пейзажи» (Издательство «Чарне»).

В Польше также опубликованы его книги «По Галиции. О хасидах, гуцулах, поляках и русинах. Воображаемое путешествие по восточной Галиции и Буковине, или экспедиция в мир, которого нет», «Отцеубийца. Случай Филиппа Халсмана», «Убитый в бункере. Повесть о моем отце», за которую он получил литературную премию Центральной Европы «Ангелус» в 2007 г., «Почему расстреляли Станиславов», «Император Америки. Большой побег из Галиции».

В 2011 году писатель получил премию им. Георга Дехио, Лейпцигскую книжную премию за вклад в европейское взаимопонимание, а в 2012 г. звание Посла новой Европы.

М. Поллак является также лауреатом премии им. Карла Дедециуса, присуждаемой лучшим переводчикам польской литературы на немецкий язык и немецкой литературы на польский (он перевел на немецкий, в частности, 13 книг Рышарда Капустинского).

-
1. Вольская резня — массовое убийство эсэсовцами польского гражданского населения в варшавском районе Воля в августе 1944 года. Здесь и далее прим. пер.
 2. Охота — район Варшавы, где в августе 1944 г. во время Варшавского восстания происходили массовые убийства эсэсовцами гражданского населения.
 3. Йорг Хайдер — праворадикальный австрийский политик, националист, многолетний лидер Австрийской партии свободы.
 4. Хайнц-Кристиан Штрахе — австрийский политик, лидер ультраправой Австрийской партии свободы с 2005 года.
 5. Август Кубичек — друг юности Гитлера, написавший о нем несколько биографических книг.
 6. Ида Каминская (1899–1980) — польская актриса еврейского происхождения, номинантка на премию «Оскар» в 1966 году.
 7. Строка из стихотворения Ч. Милоша «Любовь» в переводе В. Окуня
 8. В марте 1968 г. в Польше произошли студенческие волнения, после которых в стране началась антисемитская кампания.
 9. Дворец Мостовских — здание Управления внутренних дел в Варшаве.